

Министерство культуры Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 107

«...МЕТЕЛЯМ НЕ ЗАДУТЬ СВЕЧУ»

МАТЕРИАЛЫ

XXVIII Февральских музейных чтений
памяти С.С. Гейченко
(13–16 февраля 2025 года)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2025

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

М 34

Серия основана в 1996 году.

М 341 «...Метелям не задуть свечу» : материалы XXVIII Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко (13–16 февраля 2025 года) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2025. — 296 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 107).

ISBN 978-5-94595-144-0

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы XXVIII Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко, прошедших в Пушкинском Заповеднике 13–16 февраля 2025 года.

На тематику чтений, кроме «заглавной» собственно гейченковской темы, в 2025 году так или иначе повлияли две даты: в Пушкинском Заповеднике это двухсотлетие пребывания Пушкина в михайловской ссылке, в стране — 80-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Великая Победа — не только конец войны, но и начало возрождения и восстановления мирного быта, в том числе в музеях. Кроме того, в числе докладов был представлен ретроспективный обзор мероприятий прошлого, юбилейного пушкинского года.

В качестве дополнения представлены статьи об иконографии А.С. Пушкина — на изобразительном материале портретов поэта из фондов Пушкинского Заповедника, а также об иконографии пушкинских мест — на материале коллекции почтовых карточек, изданных Обществом друзей Пушкинского Заповедника в 1928 году.

Завершает сборник материал из архивов — разыскания об имущественном положении А.М. Вындомского, основателя Тригорского как имения, отца П.А. Осиповой. Текст был написан в 1981 году Анатолием Ивановичем Давыдовым, заведующим музеем-усадьбой «Тригорское» (1966–1995), и сейчас обретает новую актуальность: в Концепции развития Пушкинского Заповедника на 2025–2037 годы в Тригорском предполагается воссоздание комплекса построек на сохранившихся фундаментах и резекспозиция библиотеки, начало которой положил именно А.М. Вындомский.

Издание предназначено для специалистов в области истории, литературы, искусства, краеведения, реставрации, музейного дела, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приводимых в статьях фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Мнения, высказанные авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции (редакционного совета музея).

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

ISBN 978-5-94595-144-0
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А. С. Пушкина «Михайловское», 2025

Настоящий выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» содержит материалы XXVIII Февральских музейных чтений памяти Семена Степановича Гейченко (1903–1993) «...Метелям не задуть свечу», проходивших в Пушкинском Заповеднике с 13 по 16 февраля 2025 года. Их название — строка из стихотворения Давида Самойлова «Пусть нас увидят без возни...» (1978):

...Я нас возвысить не хочу.
Мы — послушники ясновидца...
Пока в России Пушкин длится,
Метелям не задуть свечу.

Чтения приобрели особый лейтмотив как в свете 200-летия со времени пребывания А.С. Пушкина в михайловской ссылке, так и в связи с приближающимся 80-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945), отмечаемым в 2025 году. Для Пушкинского Заповедника это также год 80-летия начала послевоенного возрождения музея, неразрывно связанного с именем С.С. Гейченко, воссоздателя и легендарного Хранителя заповедных пушкинских мест, возглавившего музей-заповедник в 1945 году.

Публикуемые статьи участников конференции — сотрудников музеев, историков, филологов, библиотекарей, представителей российского образования и науки из Пушкинских Гор, Пскова, Великих Лук, Опочки, Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Петергофа — весьма разнообразны по тематике и содержанию. Авторы коснулись творчества Пушкина и его влияния на творческий путь Д. Самойлова, Ф. Искандера, представили обзор научных, просветительских, образовательных мероприятий, приуроченных к пушкинскому юбилею 2024 года, сведения о судьбе С.С. Гейченко и членов его семьи в годы Великой Отечественной войны, о литераторах-фронтовиках, изданиях их произведений в составе книжного фонда Пушкинского Заповедника. И, конечно, часть материалов посвящена музеям, их истории, музейным работникам — участникам войны, тем, кто в тяжелые для Отечества годы выполняли великую миссию сохранения культурного наследия, памяти и традиций, популяризации и передачи будущим поколениям духовного достояния нашей Родины.

*Эдуард Узенев,
ученый секретарь Пушкинского Заповедника*

**І. «...МЕТЕЛЯМ НЕ ЗАДУТЬ СВЕЧУ»
Материалы XXVIII Февральских
музейных чтений памяти С.С. Гейченко
(13–16 февраля 2025 года)**

Вячеслав Козмин

**«...У ДЕВОЧКИ В ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ»
(ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К РОМАНУ А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)**

В романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкин дважды упоминает о возрасте своих героинь — «тринадцать лет». Сначала в XVIII строфе третьей главы:

— И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь. —
«Да как же ты венчалась, няня?»
— Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет¹.

(VI, 59)

Затем в VIII строфе следующей, четвертой главы:

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,

¹ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 19 т. М., 1994–1997. Т. 14. С. 245–246. Здесь и далее номер тома указывается римской цифрой, страница — арабской.

Стараться важно в том уверить,
В чем все уверены давно,
Всё те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет!
Кого не утомят угрозы,
Моления, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры теток, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

(VI, 75–76)

Близость этих двух дат в хронологической канве пушкинского романа предполагает наличие смысловой связи между ними. К тому же странные возрастные совпадения соотносятся с близкими друг другу персонажами: няней и ее воспитанницей. Единственным указанием на возраст Татьяны является письмо к П.А. Вяземскому, в котором автор упоминает о семнадцатилетней Татьяне Лариной (XIII, 125).

В комментариях Ю.М. Лотмана и В.В. Набокова к роману «Евгений Онегин» решение проблемы носит частичный характер. В первом случае автор детально рассматривает социально-экономический контекст XVIII строфы третьей главы, но не обращает внимания на содержание VIII строфы четвертой главы. Набоков, напротив, опускает комментарий к первому сюжету и предлагает свою расшифровку второго. По его мнению, появление даты «тринадцать лет» является следствием «неосознанного влияния суффикса *-nette* из экологии Парни «Час любовного свидания»: «Мне четырнадцать, — / Отвечает Нисетта, — / Я слишком молода / Для любви»².

В черновиках третьей главы действительно встречается имя французского поэта. Оно появляется в связи с размышлениями автора о стилистике письма Татьяны Онегину: «Перо [достойное] Парни», «Письмо на языке Парни», «Язык Парни» (VI, 311). Но какое отношение эти наблюдения имеют к «девочке в тринадцать лет», не совсем понятно.

² Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 349.

Автор «Лолиты», кажется, намекает на то, что речь идет о Татьяне Лариной, которая всего лишь на год младше героини Парни.

В.С. Баевский поставил под сомнение значимость эпистолярного свидетельства Пушкина о возрасте Татьяны и уже без всяких намеков выдвинул гипотезу об условном характере возраста героини: «Выходя за пределы первой главы, обратимся к датировке основных событий жизни Татьяны Лариной. Отвечая на критику Вяземского, Пушкин объяснял противоречия письма Татьяны тем, что она влюблена и что ей 17 лет. Однако в текст романа поэт такого указания не ввел (как он это сделал применительно к Онегину или Ленскому). Думается, аргумент из эпистолярной дискуссии, использованный в порядке «антикритики», не следует употреблять для расстановки временных вех, как делают некоторые комментаторы. Надо думать, в замысел поэта здесь входила некоторая неопределенность»³.

Неопределенность в вопросе о том, кто подразумевается под «девочкой в тринадцать лет» и сколько лет Татьяне Лариной, некоторое время не вызывала вопросов у читающей публики. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. В 2008 году в газете «Комсомольская правда» появилась статья Евгения Черных с броским заголовком «Онегин отверг любовь Татьяны, так как не был педофилом?» Основываясь на версии сексолога Александра Котровского, автор доводит до читателя мысль о том, что героине романа действительно было всего 13 лет: «Для рифмы вставлено словечко? С таким же успехом можно было написать «пятнадцать» и «семнадцать». Девочка — абстрактная фигура, для красного словца? Но у Пушкина ничего случайного в стихах нет. Он всегда точен даже в деталях. Выходит, 13 лет было Татьяне Лариной, когда та отправила Евгению письмо?! Ведь больше в романе нигде ее возраст не указан»⁴. Статья — броская, отчасти провокационная. Но в ней присутствует попытка разобраться в возрастных перипетиях пушкинского романа, в также предлагается объяснение причин отвержения Онегиным любовных притязаний малолетней барышни. Журнальная версия была поддержана доктором филологических наук А.Н. Ужанковым⁵.

³ Баевский В.С. Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 122.

⁴ Черных Е. Онегин отверг любовь Татьяны, так как не был педофилом? // Комсомольская правда: сайт. Публ. 5.06.2008 [Электронный ресурс: <https://www.kp.ru/daily/24110.3/334059>].

⁵ Ужанков А.Н. Неизвестное об известном. Евгений Онегин // You-

Последним выплеском темы стали статьи журналиста, театрального критика А.В. Минкина (*Александр Викторович Минкин внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 12 января 2024 года*) всё в той же «Комсомольской правде». В 2022 году вышла в свет его же объемная многотиражная монография «Немой Пушкин». Автор эмоционально полемизирует с оппонентами и в том, что касается возраста героини, и сохраняет традиционализм: «Да, уважаемые читатели, Татьяна 17 лет, и не обращайтесь внимания на уродов (или, вежливее сказать, — недоумков), которые, соблазняя других недоумков, потратили десятки лет и тонны бумаги, доказывая, что ей 13, а то и 9. Они просто путают Таню с няней, которую выдали замуж в 13 лет»⁶. Далее автор высказывает предположение: «Но, во-первых, здесь вообще не про Татьяну, а про столичную жизнь Онегина (о чем ниже). «Дружба тяжкая мужей» — чьих? Тани и Оли? Они не замужем. Во-вторых, «у девочки в тринадцать лет» — это просто выражение»⁷.

Солитаризируясь с автором в вопросах здорового консерватизма, укажем на уязвимость его доказательств. Во-первых, никаких текстологических доказательств, проясняющих историю тринадцатилетней особы из четвертой главы, автор не приводит. Во-вторых, из ниоткуда «просто выражения» не появляются.

К сожалению, современные критики и «антикритики» делают свои выводы, опираясь на общедоступные печатные варианты пушкинских произведений. Мало кто заглядывает в академическое полное собрание сочинений А.С. Пушкина, вышедшее в 1937–1959 годах⁸, и его репринтное воспроизведение, приуроченное к двухсотлетию юбилею поэта⁹.

В этих солидных изданиях воспроизведены черновики поэта, в которых содержатся наброски первоначальной композиции романа, предварительная структура строф, многочисленные правки и варианты. Те драгоценные источники творческого вдохновения, по поводу которых поэт писал:

Tube: сайт. Публ. 27.05.2015 [Электронный ресурс: https://www.youtube.com/watch?v=pCvIj_o_E48https].

⁶ Минкин А.В. (*Александр Викторович Минкин внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 12 января 2024 года*). Немой Пушкин: роман о поэме. М., 2022. С. 16–17.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 16 т. М. ; Л., 1937–1959.

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 19 т. М., 1994–1997.

...Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят.

(II, 354)

Пробудившиеся в голове автора мысли и образы сначала «оседали» в черновиках, далее подвергались редактированию в соответствии с замыслом произведения и обретали окончательную форму в журналах и книгах. Соответственно, изучая творческие «маршруты» пушкинской мысли, крайне полезно пройти тот же путь познания, каковым следовал герой его романа Ибрагим Ганнибал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» (VIII, 13). Зачастую подобное путешествие от замысла к воплощению становится единственным способом дойти до истины. Ценность черновых набросков состоит в том, что в них зачастую проявляются следы биографического императива: значимые даты и события автобиографии. В романе «Евгений Онегин» сосуществуют художественная и документальная линии повествования. Иногда они пересекаются. Как следствие, возникают те самые недоразумения, вокруг которых, в частности, возник упомянутый выше сыр-бор.

В «энциклопедии русской жизни» отражены не только бытовые аспекты романтических взаимоотношений героев романа. Автор косвенно отслеживает процесс эволюции законодательных норм брачного права, существовавших в России с XVIII века до первой трети XIX века. На протяжении веков на Руси браки совершались «на небесах», т. е. находились в юрисдикции церкви. Согласно сборнику решений Стоглавого собора 1551 года, разрешалось вступать в брак юношам с 15 лет, девушкам — с 12–13 лет. В начале XVIII века император Петр I сделал попытку отойти от старой традиции низкого брачного возраста невест: «Указ о единонаследии 1714 года определял 17 лет как возрастной ценз девушек при вступлении в брак. Однако обычай выдавать замуж рано, в 12 лет, когда девочки были несамостоятельными и зависимыми не только от воли, но и от житейского опыта родителей, продолжал сохраняться, несмотря ни на какие указы. Церковные правила по-прежнему обязывали «сродичей» женить девочек и вообще детей без задержки, едва те «войдут в возраст»: «Всякому

родителю подобает сына своего женить, егда скончается возрасту его 15 лет, а дочери 12 лет». Таким образом, указ о повышении брачного возраста невест до 17 лет нарушал не только традицию, но и церковную (византийскую) норму права. Как и в XVII веке, в петровское время законодательные установления о брачном возрасте невест мало кем соблюдались¹⁰. В 1774 году указом Синода было восстановлено старое допетровское правило: брачный возраст девушек был понижен до 13 лет. В 1830 году указом императора Николая I снова повышен: для девушек — 16 лет, для юношей — 18¹¹.

Спустя столетие после либеральных указов Петра I настроения в обществе изменились: «В начале XIX века юные дворянки и вообще представительницы привилегированного сословия выходили замуж, как правило, в возрасте от 17 до 23 лет и старше, хотя бывали исключения. Во всяком случае, при упоминании возраста незамужней девушки в мемуарах стало употребляться словосочетание «ей было уже 17 лет» — когда речь шла о возрасте совершеннолетия»¹².

В отличие от няни, родившейся в середине XVIII века, пушкинская Татьяна — ровесница Пушкина. Она дитя своего времени и воспитана на нянюшкиных сказках и французских романах. Новое время расширило диапазон душевных переживаний, следствием чего стала пролонгация периода, предшествовавшего вступлению в семейную жизнь. Это тот отрезок жизни, который в наше время в шутку зовут конфетно-букетным периодом. Концепция «стерпится — слюбится» стала замещаться формулой «сначала слюбится, а потом и стерпится, в законном браке». И далее по тексту: «Я буду век ему верна» (VI, 188).

Изменился и расширился круг чтения дворянок: «Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 году роман, писанный в 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим около себя странные платья, однако ж знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими» (VIII, 50). Одной из форм чувственных проявлений стал жанр романтических любовных посланий. Поэтому тотчас после эмоциональных излияний Татьяна пишет письмо Онегину.

¹⁰ *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012. С. 23.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же.

Строфы XVII–XX третьей главы и письмо — исповедь Татьяны. Начало четвертой, на наш взгляд, — исповедь автора, далее следует исповедь Онегина. Содержание третьей главы, начиная с диалога няни с Татьяной, становится триггером дальнейших размышлений автора о сути любви.

2 октября в Михайловском Пушкин закончил третью главу и приступил к четвертой. К 1 января 1825 года была написана XXIII строфа. Вместо публикации ответного письма Татьяне от Онегина автор в рабочей тетради начинает четвертую главу с вопросов и ответов самому себе: делится с будущим читателем любовным опытом:

[Я отрок был] и мною правил!
Ваш хитрый слабый милый пол
Тогда себе закон я ста<ви>л
[Его] летучий произвол

(VI, 333)

Впоследствии, в октябре 1827 года, эти слишком откровенные строфы были напечатаны в журнале «Московский вестник» под заголовком «Женщины. Отрывок из Евгения Онегина». Интересующая нас строфа, в которой говорится о «девочке в 13 лет» (в черновике — IVa), в публикацию 1827 года не вошла:

[Всегда] без нужды лицемерить
Скажите, смешно
Стараться важно в том уверить
В чем уж уверены давно
Всё те же слышать возраженья
Уничтожать предрассужденья
Одно и то же размышлять
[На предрассудки возражать]

(VI, 336–337)

Над последней строкой автор приписал два варианта, предполагавшие последующее развитие сюжета: «которых нет» и «15 лет». По-видимому, первый возрастной маркер «15 лет» возник на основе собственных впечатлений и собственного литературного опыта. В сем-

надцатилетнем возрасте молодой Пушкин написал стихотворение в античном духе «Фавн и пастушка»:

С пятнадцатой весною,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет;
Всё в ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоров томный свет,
И груди трепетанье...

(I, 212)

Героиня стихотворения — «пастушка». Она очаровательна, наивна и соблазнительна. Ей — пятнадцать лет. Был ли у литературной красавицы реальный прототип — неизвестно. Но ей столько же лет, сколько сначала, по мысли автора, должно было исполниться загадочной «девочке» из IV черновой строфы.

Оказавшись в «глухом» Михайловском, поэт разнообразил свой досуг прогулками в Тригорское. 24 октября дочь Прасковьи Александровны Осиповой Евпраксия отмечала свое пятнадцатилетие¹³. Автор, что называется, попал с корабля на бал. Милая девушка стала адресатом ряда комплиментарных стихотворных текстов. Ей в 1828 году на титульном листе 4–5 глав «Онегина» поэт оставил автограф «Твоя от твоих».

В XVII строфе на фоне свидания Онегина и Татьяны автор обращает внимание на деревенские особенности романтических взаимоотношений, основой которых является естественная чувственная простота:

Имеет сельская свобода
Свои старинные права
Как и спесивая Москва.

(VI, 350)

¹³ В семье Пушкиных и, возможно, Осиповых и Вульфов существовала традиция справлять не только именины, но и дни рождения близких родственников. См.: *Козмин В.Ю.* Веселый праздник именин // Михайловская пушкиниана. Вып. 92. Сельцо Михайловское, 2022. С. 109–140.

Ниже автор создает вариант XVIIа семнадцатой строфы, в котором присутствует местный автобиографический контекст:

Но ты — губерния Псковская, —
Теплица юных дней моих,
Что может быть, страна глухая,
Несносней барышень твоих?
Меж ими нет — замечу кстати,
Ни тонкой вежливости знати,
Ни [ветрености] милых шлюх —
Я, уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Порою зуб, нечистоту,
[И непристойность и] жеманство —
Но как простить им [модный] бред
И неуклюжий этикет.

(V, 351)

Негативный настрой автора мог быть спровоцирован общением с гостями, приехавшими на день рождения Евпраксии, или частным конфликтом со старшей дочерью Прасковьи Александровны Анной Николаевной. В письме брату, датируемом первой половиной ноября, поэт пишет: «Кстати о талии: на днях я мерялся поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы. След, из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила, с Анеткою бранюсь; надоела!» (XIII, 120). Наряду с прочими изъясными воспитания Пушкин отмечает пародийный характер адаптации модных тенденций в провинции. Тем более привлекательными для автора становятся те «натуральные» представительницы женского пола, которым недосуг «...всё те же слышать возраженья / Уничтожать предрассужденья...» (VI, 337). П.В. Анненков так охарактеризовал Е.Н. Вульф: «...она... постоянно отворачивалась от романтических ухаживаний за собой и комплиментов, словно ждала чего-либо более серьезного и дельного от судьбы»¹⁴.

¹⁴ Анненков П.В. Пушкин в александровскую эпоху / сост. А.И. Гарусов. Минск, 1998. С. 196.

В начале декабря в письме сестре Пушкин сообщает о своем конфликте с барышнями из Тригорского: «Твои троегорские приятельницы несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сижу дома да жду зимы» (XIII, 127). В это время у поэта случился роман с еще более естественной в своих проявлениях «поселянкой» — дворовой Ольгой Калашниковой. Уездная барышня Евпраксия и, тем более, местная крестьянка обладали способностью любить без затей, по-настоящему. В этом они близки героиням очерка «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева: «Я люблю женщин для того, что они соответственное имеют сложение моей нежности; а более люблю сельских женщин, или крестьянок для того, что они не знают еще притворства, не налагают на себя личины притворныя любви, а когда любят, то любят от всего сердца, и искренно»¹⁵.

Радищев в произведении, написанном в конце XVIII века, выделяет особую генерацию русских женщин, искренних и способных к проявлению настоящих чувств. Этим же даром обладает пушкинская героиня: «Татьяна любит не шутя» (VI, 62). Татьяна и Евпраксия — не крестьянки. Они по «классификации» Радищева — «сельские женщины» или, в пушкинской терминологии, «уездные барышни». В 1829 году в «Романе в письмах» поэт отмечает: «Кроме Лизы, есть у меня для развлечения Машенька ***. Она мила. Эти девушки, выросшие под яблонями и между скирдами, воспитанные нянюшками и природою, гораздо милее наших однообразных красавиц, которые до свадьбы придерживаются мнения своих матерей, а там — мнения своих мужьев» (VIII, 56). Оба автора склоняются к тому, что женщины, живущие «вдали от городов», отличаются чистотой помыслов и целомудренностью. К тому же их чувственные порывы не зависят от регламентированных большим светом правил любовной игры. Они противопоставлены иным, такого рода: «Часто удивлялся я тупости понятия или нечистоте воображения дам, впрочем, очень любезных. Часто самую тонкую шутку, самое поэтическое приветствие они принимают или за нахальную эпиграмму, или неблагопристойную плоскость. В таком случае холодный вид, ими принимаемый, так убийственно отвратителен, что самая пылкая любовь против него не устоит» (VIII, 55–56).

По всей видимости, юная пятнадцатилетняя Евпраксия произвела впечатление на поэта, что нашло отражение в черновом варианте

¹⁵ Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М. ; Л., 1938. Т. 1. С. 304.

«15 лет». 29 ноября поэт отправляет письмо Вяземскому, в котором предельно ясно высказывается о возрасте Татьяны Лариной — «семнадцать лет»: «Отвечаю на твою критику: Нелюдим не есть мизантроп, то есть ненавидящий людей, а убегающий от людей. Онегин нелюдим для деревенских соседей; Таня полагает причиной тому то, что в глуши, в деревне всё ему скучно и что блеск один может привлечь его... если, впрочем, смысл и не совсем точен, то тем более истины в письме; письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной» (XIII, 125). В промежутке между октябрем-декабром 1824 года созданы начальные строфы четвертой главы. В том числе строфа, в которой появляется девочка «в 15» лет. В письме Вяземскому Татьяне — 17 лет, в черновой строфе — 15 лет. Авторская разноголосица в пределах короткого промежутка времени может быть объяснена только тем, что речь идет о разных персонажах и разных сюжетных линиях романа. Татьяна по ходу романного действия повзрослеет, «девочка», в результате авторских правок, напротив, «помолодеет». Странно, что никто из исследователей не обратил внимания на это очевидное противоречие.

В полном соответствии с духом времени семнадцатилетние барышни, реальные и литературные, стали доминировать в пушкинских произведениях. В январе-феврале 1825 года в Тригорском Пушкин вписал в дамский альбом полудружеское и полуназидательное стихотворение, обращенное к Анне Николаевне Вульф:

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны
И самой красоте семнадцать лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой слух обворожает...

(II, 340)

Старшую дочь Прасковьи Александровны Осиповой, Анну Николаевну, поэт впервые увидел во время своего первого посещения Тригорского в 1817 году. Тогда ей исполнилось семнадцать лет. Но к двадцати пяти годам она перешла в разряд старых дев — «однокошниц». Однако в целом невесты в начале XIX века «повзрослели», о чем свидетельству-

ет личный опыт самого поэта. Осенью 1826 года он сватался к двадцатилетней Софье Федоровне Пушкиной. В 1828 году — к Анне Алексеевне Олениной, которой шел двадцать первый год. В апреле 1829 года Пушкин просил руки семнадцатилетней Натальи Николаевны, но получил отказ, так как ее мать посчитала, что дочь была слишком молода для брака.

В ряде произведений Пушкин отразил общую для того времени тенденцию. В 1829 году был написан «Роман в письмах»: «Я познакомилась с семейством ***. Отец балагур и хлебосол; мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста; дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе. Она целый день в саду или в поле с книгой в руках, окружена дворными собаками, говорит о погоде нараспев и с чувством потчует варением. У нее нашла я целый шкаф, наполненный старинными романами. Я намерена всё это прочесть и начала Ричардсоном» (VIII, 47). В сентябре 1830 года, находясь в Болдине, Пушкин стремительно, на одном дыхании, создал повесть «Барышня-крестьянка». Описывая внешность Лизы Муромской, автор замечает: «Ей было семнадцать лет. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень приятное лицо. Она была единственное и следственно балованное дитя» (VIII, 111). В октябре того же года появляется еще одна повесть — «Мятезь». В ней также фигурирует семнадцатилетняя девушка-невеста: «В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместье Ненадрове добрый Гаврила Гаврилович Р**... соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную семнадцатилетнюю девицу» (VIII, 77). Выражение «поглядеть на дочку» в народной культуре называлось «смотринами», которые были частью свадебной церемонии. В романе «Капитанская дочка» возраст преодолевшей семнадцатилетний рубеж героини вызывает беспокойство ее родителей: «Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели... Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековойной невестою» (VIII, 297). В том же возрастном регистре находится влюбленная Татьяна Ларина, готовая соединиться узами брака с возлюбленным:

...Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

(VI, 66)

В 1827 году в журнале «Московский вестник» Пушкин опубликовал первые четыре строфы четвертой главы под общим названием «Женщины» (VI, 652). В 1828 году вышли в свет четвертая и пятая главы романа. Начальные строфы четвертой главы отсутствовали. Возможной причиной сюжетных «пустот» могло стать желание автора не оглашать подробности своих прежних «честолюбивых» подвигов. Четвертая глава начиналась с нумерации строф от I до VII. «Полноценные» строфы начинались с восьмой. Авторская редукция первоначальных строф, посвященных женщинам, не только скрывала грехи молодости, но и намекала сверхзадачу, решение которой выводило локальную историю пушкинских героев на иной уровень авторских обобщений: «Так, в начале четвертой главы через прием «стяжения смыслов» (над начальной строфой расположено сразу семь римских цифр) представлена философская актуализация «странности любви». Парадокс заключен уже в первом стихе: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей». Автор выводит некую универсальную закономерность, проявляющуюся независимо от времени. Обобщенное авторское «мы» вводит мужской взгляд на взаимоотношения с женщиной, доведенный до сентенции. Феномен любви философски осмысливается автором и вводится в текст романа как всеобщий закон бытия»¹⁶.

Четыре опубликованных в 1828 году строфы были изъяты из окончательного печатного текста. Но пронумерованных строф не четыре, а шесть. Наличие двух дополнительных может свидетельствовать о том, что автор не только в отрывке «Женщины», но и в двух других строфах скрыл нечто личное и сокровенное. Или намекнул. Во всяком случае, особое структурирование начала главы, а также появление и последующее удаление «опасных» строф заставляет задуматься о том, кто на самом деле является автором потаенных строф: Онегин или его «роди-

¹⁶ Боткина Л.Н. Семантика композиционных пропусков в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2013. № 3. С. 47.

тель» Пушкин. От решения этого вопроса в значительной степени зависит атрибуция героини, той самой «девочки в тринадцать лет», которая в печатном издании появляется в VIII строфе четвертой главы.

Рецепт «любовного напитка», обеспечивающего власть над женскими сердцами, был получен Пушкиным в результате «смешения» разноплановых набросков, возникших в многочисленных вариантах черновой IV строфы: от IVa до IVг. «Текста строф V и VI не сохранилось, и возможно, что эти строфы не были написаны. Черновые рукописи строф VII, VIII, X утрачены» (VI, 342). Далее в рукописи появились XVII и IX строфы. В XII Онегин обещает поведать Татьяне историю своей жизни: «Узнайте исповедь мою — / Себя на суд ваш отдаю...» (VI, 344).

По-видимому, смысловая перенасыщенность начальных строф стала причиной структурирования текста. Сразу после окончания XII строфы поэт создает план расположения начальных строф четвертой главы. Но если только с XIII начинается исповедь Онегина, то чья то ли исповедь, то ли воспоминания разворачивается в первых строфах четвертой главы, начинающейся со слов: «[Я отрок был] и мною правил» (VI, 333)? К этой строке в черновике был приписан вариант — «15 лет».

Первые три строфы «Плана» вошли в отрывок «Женщины». Четвертая, «Словами юного поэта» (VI, 344), стала третьей. «Юный поэт» — вовсе не литературный Ленский, а лицейский друг автора А.А. Дельвиг, написавший в годы ученичества стихотворение «Фани». К тексту этого произведения адресованы пушкинские строки в отрывке «Женщины»:

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Как сон забыты мной давно.
Но есть одна меж их толпою...

(VI, 592)

Строфа IVa в печатном варианте 1828 года стала восьмой. В ней-то и появляется «девочка в тринадцать лет».

Заголовок опубликованного поэтом отрывка «Женщины» носил программный характер, поскольку был адресован доброй половине рода человеческого. Внутри данного «сообщества» автор разделяет два типа женщин. Представительница одного из них — опытная,

искушенная в искусстве любви покорительница мужских сердец. Воспоминания о другой, «одной меж их толпою» (VI, 592), окутаны легкой дымкой сокровенных чувств. В 1830 году в трагедии «Каменный гость» Пушкин обозначит водораздел между двумя противоположными женскими характерами: «В сущности — всё поведение Лауры полностью «автоматизировано», при всех неожиданных вспышках ее необузданного нрава. И наоборот, сила и прелесть Доны Анны — как раз в ее наивности, неопытном, неавтоматизированном восприятии мира»¹⁷.

Кого вспоминают то ли Онегин, то ли Пушкин — предмет отдельного исследования. Кто вспоминает — вопрос, ответ на который дает анализ правок, осуществленных автором в течение 1824–1826 годов. Сложно представить Онегина, который при первом свидании (строфа XII) знакомит влюбленную в него девушку со своим любовным «послужным» списком: «Я [отрок был] и мною правил / Ваш хитрый слабый милый пол». Также в черновом варианте строфы Ia обращение «Признаться ль вам» предполагало наличие как минимум двух участников. В печатном варианте первое свидание Онегина и Татьяны произойдет намного позже.

Особенно интересным выглядит процесс работы Пушкина над IX строфой. Сначала в первом варианте автором также рассматривалась диалогическая форма общения героя и героини: «Я жертва долгих заблуждений» (VI, 342). В «Плане» местоимение «Я» было заменено местоимениями «Он» и «Мой»: «Так точно думал, мой Евгений / Он в бурной юности своей...» (VI, 344). В первой строке между глаголом «думал» и местоимением «мой» поставлена запятая. Отсутствие в черновиках знаков препинания — явление привычное и закономерное. Но когда подобные знаки вводятся в первичный текст вопреки всем правилам правописания, это сигнализирует о важном для автора уточнении. В данном случае Пушкин настойчиво убеждает себя самого и будущего читателя в том, что всё сказанное выше принадлежит именно Онегину, а не ему. По-видимому, именно на этом этапе работы над текстом поэт почувствовал опасное пересечение «своих» и «его» воспоминаний.

Даже если запятая — описка самого автора или редакторов собрания сочинений Пушкина, оборот «так точно» содержит иные смысловые оттенки. Во второй строфе первой главы Евгений — «так думал»: «Так думал молодой повеса, / Летя в пыли на почтовых» (VI, 5). В чет-

¹⁷ Устюжанин Д.Л. Маленькие трагедии А.С. Пушкина. М., 1974. С. 80.

вертой главе — «так точно думал мой Онегин». Небольшая, но существенная в данном случае разница между этими выражениями всё-таки присутствует.оборот «так точно» в художественной литературе выступает в качестве заверения в истинности сказанного, например: «Граф? — повторил Зарецкой. — Так точно, это тот французской полковник, которого я избавил от смерти, которого сам Рославлев прислал в дом к своей невесте... Итак, есть какая-то непостижимая судьба!»¹⁸ Заверение в истинности сказанного характеризует зависимость «дум» Онегина от воспоминаний Пушкина. Таким способом автор исподволь предлагает читателю поверить в то, что воспоминания принадлежат именно Онегину, а не его создателю, то есть: «Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной» (VI, 28).

В последней строке девятой строфы (В «Плане» — № 5) сообщает, что «в первой юности своей... погубил он 8 лет» (VI, 344–345). Когда именно наступила пора первой юности у Онегина, точно неизвестно. Но если исходить из внутренней хронологии романа, предложенной Ю.М. Лотманом, Онегину во время его первой встречи с Татьяной Лариной было 25–26 лет. Отнимаем восемь «убитых» лет. Получаем 17–18. Поздновато! Иное дело — биография автора. В черновике предполагался вариант «Так погубил он 10 лет» (VI, 345). Когда создавалась четвертая глава, Пушкину шел 25-й год. Глава начиналась со строки «Я отрок был и мною правил», к которой есть авторская приписка — «15 лет» (VI, 333). Если от 25 лет отнять 10, получаются те самые 15 лет, когда, будучи в Лицее, Пушкин приобрел первый опыт чувственных наслаждений.

После публикации отрывка «Женщины» читатель легко мог вообразить, что в семи начальных «потаенных» строфах четвертой главы скрыта истинная история любовных походов самого автора. Поэтому фраза «Так точно думал мой Онегин» могла быть воспринята с понятным недоверием: если Пушкин так упорно ссылается на выдуманного им же героя, не является ли это очередной авторской мистификацией? Иными словами, хочешь верь, а хочешь — не верь, что вполне устраивало поэта. Он мог, не раскрывая публично и однозначно деталей личной жизни, всё-таки донести до читателя главное.

В печатном варианте после семи зашифрованных строф в следующей VIII строфе Пушкин публикует свое знаменитое определение: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей» (VI, 75).

¹⁸ Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М., 1993. С. 461.

Никакого отношения это авторское «открытие» к Евгению Онегину не имеет, так как ранее, в 1822 году, оно впервые появилось в письме поэта младшему брату Льву: «То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею» (XIII, 50).

В той же VII строфе впервые на страницах романа появляется слово «разврат»: «Разврат, бывало, хладнокровный / Наукой славился любовной» (VI, 75)¹⁹. Онегин — специалист в «науке страсти нежной», но все не развратник. Еще дважды это слово встречается во второй и шестой главах. Во второй главе автор осуждает нравы, царившие в высшем обществе:

От хладного разврата света
Еще увянуть не успев...

(II, 34)

В шестой взбешенный Ленский бросает в адрес Онегина эмоциональные, но ничем не аргументированные обвинения:

Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искал...

(VI, 124)

«Сенсационная» версия доктора Которовского базируется на реалиях XXI века. Поведение Онегина объясняется тем, что герой «...не стал совращать малолетнюю Татьяну, хотя девочка сама предложила ему себя. Онегин должен стать образцом для школьников. Смотрите, ребята, вот настоящий мужчина! Меньше было бы в стране педофилов. Сейчас ведь что ни день появляются сообщения о детях — жертвах насилия. Госдума уже предлагает давать пожизненное заключение тем, кто совершил сексуальные действия с подростками моложе 14 лет. А Татья-

¹⁹ В черновых вариантах IX строфы четвертой главы: «Разврата пламенных <?> страстей», «Развратной юности моей» (VI, 342).

не было 13!»²⁰ Но слово «разврат» в значении «совершать сексуальные действия по отношению к малолетним» в пушкинское время не существовало. Тогдашнее законодательство официально допускало замужество в 13 лет. В «Толковом словаре...» В.И. Даля глагол «развращать» означает «развратить кого-либо, совращать с пути истины; искажать умственно, лжеучением, или нравственно, склоняя на распутство, на дурную и преступную жизнь. Дурной пример всех развращает»²¹. Поэтому сложно поверить в новомодную версию, опубликованную в «Комсомольской правде».

Литературный герой Пушкина мыслит в пределах романа, где время рассчитано «по календарю». Онегин родился в 1795 году. В 1815-м в Лондоне, а через год в Париже был издан роман Бенджамена Констан «Адольф». Пушкинский герой «...по-французски совершенно / Мог изъясняться и писал» (VI, 6). Поэтому он легко, уже в двадцатилетнем возрасте, мог познакомиться с произведением, которое оказало серьезное влияние на формирование в литературе нового типа молодого человека. В пушкинском романе прослеживаются черты героев Байрона и Константа²²:

...В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

(VI, 148)

В отличие от Онегина, поведение и поступки которого обусловлены новомодными тенденциями, автор обращается к прошлому:

²⁰ См.: *Черных Е.* Онегин отверг любовь Татьяны, так как не был педофилом?

²¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1978. Т. 4. С. 20.

²² *Ахматова А.А.* «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л., 1936. [Вып.] 1. С. 91–114.

...Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен.

(VI, 75)

В «дедовские времена» появились на свет дед Пушкина Осип Абрамович Ганнибал и не упомянутый в романе дедушка Онегина. Тогда же родились и вышли замуж няня Татьяны и няня Пушкина. В те же времен вышел в свет роман Ричардсона «Кларисса», в котором повествовалось о красавце-аристократе Ловеласе, соблазнившем главную героиню. Это произведение оказало серьезное влияние на формирование специфических норм поведения:

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя...

(VI, 75)

Одним из носителей информации о тех временах и нравах стала Арина Родионовна, которая не только рассказывала сказки, но и развлекала поэта и его друзей:

Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам...²³

На первый взгляд может показаться, что, дважды упоминая о тринадцатилетних представительницах женского пола, автор выстраивает простейшую антитезу: в «дедовские» времена герой соблазнил героиню, в «новые» — пожалел.

Но обращаясь к содержанию диалога Филипповны и Татьяны, вчитываясь в текст любовного послания героини, понимаешь, что речь здесь идет не об изменившихся нравах, не о свадьбе, венчании и свекрови, а о странностях любви. Природа любви у мужчин и женщин проявляется по-разному. Об этих отличиях говорится в «Романе в письмах»:

²³ Языков Н.М. Полное собрание сочинений. М. ; Л., 1964. С. 240–241.

«Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом? между тем роль женщин не изменяется. Кларисса, за исключением церемонных приседаний, всё же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах — они основаны на чувстве и природе, которые вечны» (VIII, 47–48).

К числу вечных относятся и те проявления чувств, которые в наше время носят название «первая любовь». О том, что именно о ней идет речь в романе, намекает сам автор в IX строфе пушкинского «Плана»: «Мне ли соединить мою судьбу с вами. Вы мне избрали, вероятно, я первый ваш passion...» (VI, 346). К Татьяне это чувство пришло в 17 лет, что коррелирует с тенденциями, проявившимися в начале XIX века. К кому-то оно приходит раньше, к кому-то позже: когда чувства и природа скажут. Кажется, именно эту мысль Пушкин хотел донести до читателя.

Тогда почему же автор отказался от варианта «15 лет» и предпочел ему вариант «13 лет»? Заметим, что последний появился спустя несколько лет в печатной публикации 1828 года. У поэта было время подумать, скорректировать текст.

Вариант «13 лет» позволял выстроить симметричную конструкцию, позволявшую сопоставить возраст любви в «дедовские времена», в которые, по мнению Филипповны, любви вовсе не существовало, с позитивными изменениями, ставшими следствием новых веяний. Причем не только на уровне тенденции, но и на уровне законодательства. В 1830 году вышел указ, зафиксировавший то, к чему в течение века двигалось русское общество: нижний порог выхода замуж был поднят с пресловутых 13-ти до 16-ти лет²⁴. Повышение брачного возраста способствовало развитию и осуществлению данных природой высоких чувственных порывов. Дата «тринадцать лет» стала притчей во языцех на протяжении XVIII — начала XIX века: от церковных положений, скоропалительного указа Петра I, указов 1762 и 1774 годов до указа 1830 года. Возможно, автор в данном случае действовал по аналогии с его же уточнениями к XVIII строфе третьей главы²⁵. С той лишь

²⁴ Пушкирева Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. С. 24.

²⁵ См.: Козмин В.Ю. «...А было мне тринадцать лет» (из комментариев к роману А.С. Пушкина Евгений Онегин) / Пушкин в культуре: к 225-летию со дня рождения: материалы международной научной конференции (10–12 октября 2024 года). Псков, 2025 (в печати).

разницей, что в четвертой главе Пушкин подверг возрастной типизации не брачные отношения, а способность человека к любви, которая, по его мнению, могла пробудиться уже в 13 лет. В этом состояло отличие нового времени от старого. Дата «тринадцать лет» превращалась из возраста замужества в возраст влюбленности или того состояния, которое в наше время носит название «первая любовь». То есть становилась «просто выражением». Так же, как «просто выражением» ранее стала дата «в семнадцать лет», означавшая переход девушки в статус невесты.

Тем не менее, ряд авторских помет в черновых рукописях дают основание для поиска автобиографических черт в юной героине восьмой строфы. Но это предмет отдельного исследования.

К ИСТОРИИ ТРИГОРСКОГО:
ВЫНДОМСКИЕ И ИХ НЕДВИЖИМОСТЬ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

*По документам Государственного архива
Псковской области (ГАПО)*

В последнее время сотрудники Тригорского активно занимаются историей усадьбы, поскольку в планах музея, согласно Концепции развития Пушкинского Заповедника на 2025–2037 годы, Тригорскому отводится едва ли не ведущая роль: именно там планируется воссоздание целого комплекса построек на сохранившихся фундаментах и создание по меньшей мере двух новых экспозиций, посвященных роману «Евгений Онегин» и драме «Борис Годунов». Намечена рэкспозиции библиотеки Тригорского, в связи с чем запланирована серия выставок «Круг чтения обитателей Тригорского», и одним из центральных персонажей этой серии будет, безусловно, Александр Максимович Вындомский, основатель Тригорского и собиратель его библиотеки. Предлагаемое сообщение — наш вклад в изучение истории Тригорского.

Представляемый вниманию публики документ до сих пор не был использован исследователями и, кажется, даже не имеет листа использования (по крайней мере, не имел в 2018 году), так как в советское время он был ошибочно озаглавлен «Дело по прошению А.М. Вындолина об отказе за ним имения умершего его отца»¹. В свое время, занимаясь историей иконостаса Георгиевской церкви пригорода Воронича, мы просматривали опись дел фонда 148 (Опочецкий уездный суд) Государственного архива Псковской области (ГАПО). Необычная фамилия «Вындомский» довольно часто искажалась как при жизни носителей этой фамилии, так и в архивных описях позднего времени. Мы уже сталкивались с подобными искажениями, поэтому дело было заказано и просмотрено. Оно оказалось, как и можно предположить по заглавию, полным набором копий документов, необходимых для закрепления за Александром Максимовичем Вындомским собственности на земли Тригорского, и содержало, среди прочего, копии

¹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 148. Опочецкий уездный суд Псковской губернии. Оп. 1. Д. 108.

отказных книг на деревни Егорьевской губы 1762 (когда земли передавались Максиму Вындомскому) и 1770 годов (когда после смерти Максима Дмитриевича его имение было передано наследникам). На всех копийных документах имеется расписка А.М. Вындомского в получении обратно подлинников.

Напомним, что отказные книги — документы (юридические акты) об «отказе» (пожаловании; передаче в пользование) земельных угодий дворянам в Русском государстве в XVII–XVIII веках. Отказ при этом являлся актом, завершающим укрепление прав, а отказная грамота или отказная книга — основанием владения и главным доказательством прав владельца².

Отказные книги Тригорского содержат перечень 100 деревень, пожалованных М.Д. Вындомскому, с указанием количества при них пашенной земли, покосов и лесных угодий; а также поименный перечень крестьян, поступающих в собственность помещика вместе с этими деревнями. Это замечательный материал по топонимике, причем некоторые деревни имеют два названия, часть из них до сих пор на слуху (и как названия населенных пунктов, и как фамилии, производные от этих мест). Перечислены не только деревни, но и пустоши, пожни и нивы, приписанные к этим деревням. Эти микротопонимы обычно отсутствуют на межевых планах, к которым, впрочем, отказные книги служат прекрасным дополнением.

Обращает на себя внимание название деревни и пустоши Витовтова, отзвук событий начала XV века. Поражает разнообразие имен в русской деревне. Но это темы отдельных исследований. Мы же остановимся на краткой характеристике всего комплекса документов и сведениях о представителях семьи Вындомских, упоминаемых в них.

Состав дела следующий:

л. 1–2	Прошение А.М. Вындомского об отказе за ним имения отца от 1 июня 1792 года
л. 2 об.	Решение в журнале Опочецкого уездного суда от 1 июня 1792 года

² Отказная книга // Википедия: сайт [Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Отказная_книга#:~:text=Отказные книги — документы \(юридические акты, в XVII — начале XVIII века\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Отказная_книга#:~:text=Отказные%20книги%20—%20документы%20(юридические%20акты,%20в%20XVII%20—%20начале%20XVIII%20века).)].

-
- л. 3–3 об. Доверенность А.М. Вындомского «служителю моему Климу Лобанову». На обороте подписи Петра и Иосифа Ганнибалов, удостоверяющих подпись самого А.М. Вындомского
- л. 4 В Псковское наместническое правление из Опочецкого уездного суда доношение — запрос справки из межевой канторы, от 13 июля 1792 года
- л. 5–9 об. Указ... отставному гвардии сержанту Парфену Михайлову сыну Гулидову сего 1762 года августа 20 дня о пожаловании деревень Егорьевская губа Максиму Вындомскому (с полным перечнем деревень) на 1 185 душ
- л. 10–26 об. Отказные книги Тригорского (Псковской дворцовой Воронежской волости Егорьевской губы деревни) 1762 года октября дня (даты нет). Деревни с жителями поименно, итого 100 деревень и 1 431 м. д. и 1 453 ж. д.
- л. 27–50 об. Отказные книги Тригорского (усадище Егорьевское да ко оному усадищу деревни) 1771 года с полным перечнем деревень и жителей их
- л. 51–52 Купчая крепость на часть Тригорского Елены Трофимовны Вындомской (1774 году июля 11 дня в вотчинную кантору копия принята секретарь Андрей Рыбаков)
- л. 53 12 июля 1792 года. Прошение А.М. Вындомского об отказе за ним имения по купчей крепости от подполковника Николая Андреева сына Вындомского, с объяснением, что она была раньше в гдовском имении, а теперь представлена в Опочецкий уездный суд. Писал служитель Николай Максимов, по верующему письму подписал Клима Лобанов
- л. 54 Решение Опочецкого уездного суда от 12 июля на это прошение
- л. 55–56 Купчая крепость на имения Екатерины Федоровны Вындомской от Николая Андреевича Вындомского, который, получив по купчей эти имения, продал их в 1780 году Александру Максимовичу Вындомскому, с пометой: «1783 года июня 30 сия купчая в гдовском уездном суде явлена и копия принета секретарь Степан Чепелев»

-
- л. 57 12 июля 1792 года прошение А.М. Вындомского (...сверх жалованного родителю моему имения, купленные мною по смежности земли и пустоши как от московской межевой канцелярии из оброчных дворцовых земель, так и по купчим от владельцев по первой от подпорутчика леонтия григорьева сына наперсткава, по второй от вдовы настасьи ивановой дочери жены затеплинской то те указы и крепости при сем в опочецкий уездный суд представляю и прошу дабы подлинные приняты, с них списаны копии и подлинные отдать обратно — и покупные земли... за меня справить и отказать). Писал служитель Николай Максимов, по доверенности Клим Лобанов руку приложил
- л. 58 12 июля 1792 года. Решение опочецкого суда (приобщить к делу)
- л. 59–61 об. Указ из московской губернской межевой канцелярии (о разных смежных землях — было отдано в оброк М.Д. Вындомскому 154 статьи за 172 рубля, и до 1770 года оброк платился: а теперь продать А.М. Вындомскому и за 65,5 десятин принять 131 р.)

Поясним встречающиеся имена. Основные сведения о роде Вындомских известны из труда Н.Н. Кашкина «Родословные разведки». Приведем фрагмент родословной росписи, составленный по этому изданию (*см. Приложение в конце статьи*).

Новые для нас сведения сосредоточены в первом же документе. Приведем его полностью.

«Просит полковник Александр Максимов сын Вындомской, а о чем мое прошение тому следуют пункты

1е

Состоит за мною во Псковском наместничестве в Опочецкой округе в Егорьевской губе бесспорно отмежеванное движимое и недвижимое родителя моего покойного генерал-майора Максима Дмитриевича Вындомского имение, пожалованное ему и отказанное за него в прошлом 1762 году село Егорьевское Тригорское тож с деревнями, с пустошами и со всеми принадлежащими угодьями, в коем по последней четвертой ревизии <1781–1787 гг.> в написании состоит за мною мужеска тысяча шестьсот девяноста две души, доставшееся мне из име-

ния — часть деревня Лохова с деревнями за выделом родительницею моею в прошлом же 1771 году указной седьмой части и за разделом с племянником моим Максимом Дмитриевым и невесткою капитаншею Еленою Трофимовою дочерью Вындомскими по наследству; почему в том же 1771 году, кроме части матери моей, всё то разделенное имение за каждого порознь за нас по указу 1770 года государственной вотчинной коллегии из канторы откащиком подканцеляристом Никоновым справлено и отказано, а родительницы моей имение по случаю продажи от ней в 1770 году как за нею, так и за покупщиком, нижеписанным господином Вындомским, не отказано, а потом после того раздела и отказа дошло всё то отшедшее имение во владение мне: 1-е, племянника моего Максима Вындомского деревня Ровная с деревнями по смерти его в прошлом 1778 году по наследству; 2-е, от невестки Елены Вындомской ее часть, деревня Лазовка с деревнями, по купчей, данной в 1773 году генваря 21 день; 3-е, и седьмая часть родительницы моей, село Егорьевское с деревнями, по купчей же писанной в Санктпетербургской крепостной канторе в прошлом 1777 году от подполковника Николая Андреева сына Вындомскаго. Как же всё то вышеписанное дошедшее опочечкое движимое и недвижимое мне имение, наследственное и купленное, за меня справленным и отказанным и поныне еще не состоит, в таком случае прошу, дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в опочечком уездном суде принять и в вышеписанное наследственное и купленное опочечкое движимое и недвижимое мое имение, за исключением одной моей части, повелено б было за меня по силе высочайшаго узаконения законным порядком чрез кого следует справить и отказать, а в доверие сего суда о дошествеи предкам моим и мне сего имения со отказных книг как за родителя моего в прошлом 1762 году по указу Государственной вотчинной коллегии из канторы, какой указ при сих отказных книгах приобщается, так и в прошлом же 1771 году за меня и племянника Максима и за невестку Елену Вындомских за каждого за нас порознь за откащиковыми руками подлинныя две копии, равно и купчую крепость, данную мне от невестки Елены Вындомской при сём прошении представляю и со оных прошу при деле, списав, оставить копии, а представленные с отказных книг копию за скрепою откащиков и подлинную купчую возвратить мне обратно; что ж принадлежит до второй купчей, следующей же к сему отказу, данной мне от подполковника Николая Вындомскаго, то и оную к сему отказу

доставить не премину, которой ныне в делах при опочечкой моей вотчины не имеется, так как она служит не на одно опочечкое имение, а и на другие, почему и отослана к делам гдовской моей вотчины, и о сем учинить как Вашего Императорского Величества указы повелевают. Всемилостивейшая государыня, прошу Вашего Императорского Величества о сём моем прошении решение учинить».

Из этого прошения видно, во-первых, что по последней переписи число душ в деревнях, пожалованных Максиму Вындомскому, к 1792 году увеличилось до 1 692 душ мужеска пола. Во-вторых, согласно данным Н.Н. Кашкина, генерал-майор М.Д. Вындомский умер в 1778 году и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Несколько лет назад С.П. Пинчук установил точную дату смерти М.Д. Вындомского, 23 июля 1768 года, и место его погребения — Введенский монастырь Обонежской пятины Новгородского уезда³. Наш документ дополняет эту информацию: в 1770 году состоялся указ о разделе его имения после его смерти, и в 1771 году оно было разделено между наследниками. Как и положено, $\frac{1}{7}$ часть выделили вдове, Екатерине Федоровне, которая сразу же продала свою часть племяннику Николаю Андреевичу Вындомскому. Оставшееся имение было разделено на две равные части, одна поступила Александру Максимовичу Вындомскому (деревня Лохова с деревнями), а вторая семье его покойного брата Дмитрия — его вдове и сыну. Вдове Елене Трофимовне была выделена указная $\frac{1}{7}$ часть, которую она продала Александру Вындомскому, а часть своего племянника Максима Вындомского Александр получил по наследству после смерти последнего в 1778 году. При этом к 1792 году официально закреплена («отказана») за Александром была только его доля, полученная сразу после смерти отца, — «деревня Лохова с деревнями». Становятся понятны причины крестьянских волнений 1783–1784 годов в Тригорском, вызванные слухами о возвращении в состояние государственных крестьян, — ведь более 20 лет А.М. Вындомский с соблюдением всех формальностей владел лишь менее чем половиной земель и крестьян Тригорского⁴.

³ Пинчук С.П. Новые данные о погребении М.Д. Вындомского // Михайловская пушкиниана. Вып. 75. Сельцо Михайловское, 2019. С. 117–121.

⁴ «Создавшейся обстановкой в своих корыстных целях решил воспользоваться бывший тригорский приказчик Василий Болотов, который исподволь начал распространять слух о том, что Вындомский «не имеет владетельской на них крепости и что они — дворцовые», почему, мол, следует выгнать при-

Согласно родословной Вындомских, дед Александра Максимовича, Дмитрий Абрамович, был женат на Марфе Михайловне Белеутовой, и у них было два сына — Андрей и Максим, и дочь Федосья, замужем за Федором Тимофеевичем Скобельцыным. Н.Н. Кашкин пишет, что после смерти тетки А.М. Вындомский получил ее лугское поместье, которое продал в 1784 году Марии Алексеевне Назимовой⁵. Андрей был женат и имел сына Николая, но, по-видимому, рано умер, так как сведений о нем не сохранилось⁶. Максим же, волею судьбы оказавшийся при- ставленным охранять так называемую «Брауншвейгскую фамилию», ревностно исполнял это поручение во время царствования Елизаветы и оставил заметный след в истории. Екатерина II отправила его в почетную отставку, наградив чином генерал-майора и пожаловав Егорьевскую губу из дворцовых земель Воронежского уезда.

У Максима, как известно, было тоже два сына, Дмитрий и Александр. О старшем, Дмитрие, Кашкин сообщает, что он с 1748 года числился в лейб-гвардии Семеновском полку, в 1761 году подпоручик; в 1762 году вышел в отставку с чином гвардии поручика. Умер бездетным⁷. Про Александра Кашкин пишет, что он был записан в лейб-гвардии Семеновский полк в 1756 году; в 1773-м подпоручик; в 1775-м поручик; в 1777-м квартирмейстер того же полка; в 1778-м капитан-поручик; в 1780 году уволен в статскую службу армии полковником; поселился в Тригорском. С 1792 года опочечкий уездный предводитель дворянства. Умер 12 февраля 1813 года в Тригорском; погребен у церкви на погосте Городище (Воронич). Жена — Мария Аристарховна Кашкина (1745 — 10 марта 1791, погребена в Новодевичьем монастыре)⁸.

Наш комплекс документов дополняет сведения Кашкина о старшем брате Александра Дмитрие⁹. Хотя к разделу 1770 года он уже умер, но до

сланного помещиком управляющего». См.: *Малеванов Н.А.* Волнения крестьян в селе Тригорском в конце XVIII века и стихотворение Пушкина «Деревня» // Пушкин: исследования и материалы. М. ; Л., 1958. Т. 2. С. 374. Ссылка на: Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 74. Д. 115. Л. 17.

⁵ *Кашкин Н.Н.* Родословные разведки. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 113.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Там же. С. 142.

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Из еще одного документа ГАПО (Ф. 502. Оп. 2. Д. 407. Л. 1) следует, что к 1 февраля 1761 года Дмитрий Вындомский был всё еще сержантом лейб-гвардии Семеновского полка. Здесь же сообщается, что «по умертвии онго

того времени успел жениться и обзавестись сыном Максимом, внуком и полным тезкою генерал-майора Максима Дмитриевича Вындомского. Именно малолетний Максим умер в 1778 году и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, что послужило основанием ошибочного утверждения Кашкина, что это Максим Дмитриевич-старший умер в 1778 году.

Продажи недвижимости родственникам широко практиковались в XVIII веке, чтобы избежать нежелательного, хотя и законного, раздела имущества. Именно таким представляется случай с продажей части вдовы Екатерины Федоровны племяннику Николаю Андреевичу Вындомскому, а от него уже — ее сыну Александру. С этой купчей многое кажется странным. В прошении купчая датируется 1777 годом, а сама купчая от 1780-го. Представлена не сразу, так как оставалась в гдовском имении. За $\frac{1}{7}$ часть вдовы Елены Трофимовны Вындомской (12 деревень в них мужеска 143 женска 148 а обоего пола 291 душа) заплачено 4 000 рублей, а за долю Екатерины Федоровны (15 деревень в них мужеска пола 288 женска 266 а обоего пола 554 души) и еще разные наследственные и купленные имения в Псковском и Новгородском наместничестве, включая усадьбу Щепец Гдовского уезда, — всего 200 рублей. Скорее всего, были аналогичные услуги и со стороны Александра в пользу Николая, но это лишь предположения, ничем пока не подкрепленные. Можно утверждать лишь одно: дети и внуки Николая и Александра поддерживали добрые родственные отношения. Единственная дочь Николая Екатерина (26.12.1774–19.01.1840) была замужем за генерал-майором Иваном Матвеевичем Бегичевым¹⁰ (14.02.1766–23.12.1816)¹¹. У них было две дочери, Анна и Павла. Анна (умерла 3 января 1879 года, на 73-м году) была замужем за генерал-адъютантом, адмиралом Павлом Андреевичем Колзакковым

сержанта Вындомского» проданная ему Иваном Нееловым пустошь досталась брату Дмитрия полковнику Александру Вындомскому.

¹⁰ БЕГИЧЕВЫ: Екатерина Николаевна, урожденная Вындомская (26.12.1774–19.01.1840), двоюродная сестра П.А. Осиповой, и ее дочери Анна Ивановна (1807–3.01.1879) и Павла Ивановна. Знакомые родителей Пушкина и его самого. По-видимому, А.И. Бегичеву упоминает Пушкин в письме к жене от 14 сентября 1835 года. См.: *Черейский Л.А.* Бегичевы // *Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение*. Л., 1989. С. 31–32.

¹¹ Там же. С. 108.

(18.07.1779–1.09.1864), а Павла за Яковом Андреевичем Дашковым¹². Письма А.И. Колзаковой А.Н. Вульфю опубликованы Б.Л. Модзалевским¹³. Кстати, упомянутая в купчей усадьба Надбелье во второй половине XIX века принадлежала П.И. Дашковой.

Надо отметить еще одну особенность: на документах Генерального межевания 9 августа 1784 года земли Тригорского показаны как принадлежащие А.М. Вындомскому. При этом соседние земли (в частности, Михайловское и Петровское) были обмежеваны только в 1786 году.

Но продолжим характеристику документов комплекса.

Доверенность А.М. Вындомского служителю Климу Лобанову в целом повторяет информацию предшествующего прошения, интересна в первую очередь автографами П.А. и О.А. Ганнибалов.

Указ [...] отставному гвардии сержанту Парфену Михайлову сыну Гулидову¹⁴ сего 1762 года августа 20 дня о пожаловании деревень Егорьевская губа Максиму Вындомскому на 1 185 душ. К известному уже указу Екатерины II о пожаловании деревень Егорьевской губы Максиму Вындомскому добавлена ведомость из главной дворцовой канцелярии с полным перечнем деревень, при 16 деревнях количество земли не указано, поэтому Гулидову велено при отказе собрать справки у бывших в той волости управителей или старост и выборных с подтверждением, сколько в тех деревнях имеется четвертной пашни и прочих угодий в каждой деревне отдельно.

Следующий документ — собственно отказные книги Тригорского 1762 года с деревнями — содержит уточненные данные по количеству земли при каждой деревне и поименные списки жителей этих деревень. Итог — «жилых ст[о] деревень в них крестьян мужеска полу тысяча четыреста тридцать одна женска тысяча четыреста пятьдесят две души» (при наборе документа в таблицу деревень оказалось 99, да и при общих подсчетах количества населения деревни иногда тоже допускались

¹² *Черейский Л.А.* Бегичевы // Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 109.

¹³ Пушкин и его современники: материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 159–177. Там же, в примечании 2 к с. 15, Б.Л. Модзалевский сообщает о наличии в архиве Тригорского писем П.И. Дашковой к П.А. Осиповой, датированных 1838–1842 годами.

¹⁴ Имя и фамилия Парфена Гулидова не очень частые — поэтому рискнем предположить, что за его сыном Михаилом Парфеновичем Гулидовым была Кристина Андреевна Пушкина, дочь Елизаветы Абрамовны Ганнибал.

ошибки). В конце приводится еще уточненный перечень пустошей и количества земли в них.

Следующий документ — отказные книги Тригорского 1771 года с полным перечнем деревень и жителей их — фиксирует, каким образом земли Тригорского были поделены между наследниками после смерти генерал-майора М.Д. Вындомского. Перечисляются деревни и крестьяне, отказанные за А.М. Вындомским, его племянником малолетним Максимом и невесткой Еленой Вындомскими, а часть вдовы Екатерины Федоровны Вындомской, проданную ею племяннику Николаю, велено «оставить до челобитной». Как видим, этот документ опровергает выводы о владельцах Тригорского, сделанные на основании исповедных росписей Георгиевской церкви Н.С. Новиковым. Напомним, он считал вотчину Тригорского неделимой и сообщал о ее последовательных владельцах: с 1770-го Екатерина Федоровна Вындомская, а с 1773-го — Александр Максимович Вындомский¹⁵.

Следующий документ — купчая крепость на часть Е.Т. Вындомской. Содержание ее в целом нам уже известно из предыдущих документов. Текст ее традиционный: «Лета 1773 генваря в 21 день покойного лейб гвардии отставного капитана порутчика¹⁶ Дмитрия Максимова сына Вындомского жена ево вдова Елена Трофимова дочь в роде своем непоследняя продала я Елена лейб гвардии Семеновского полку подпорутчику а своему деверю Александру Максиму сыну Вындомскому недвижимое свое имение состоящее Псковской провинции Воронеческого уезда Опочецкого ведомства Егорьевской губы доставшуюся мне после предписанного мужа моего указную свою часть которая за мною по учиненному с ним деверем моим разделу в 771 году и отказана...» Совершена купчая в Санкт-Петербурге и интересна в первую очередь перечнем заверивших ее людей, которые, по-видимому, входили на тот момент в ближайшее окружение Вындомских, и среди них два представителя рода — Федор Федотович и Лев Васильевич Вындомские. Между собой они — двоюродные братья, а А.М. Вындомскому — четвероюродные дяди. Напомним, в библиотеке Тригорского сейчас экспо-

¹⁵ Новиков Н.С. «...Русский барин — и винокур, и хлебосол» // Н.С. Новиков. Легенды и были Пушкиногорья: по архивным изысканиям / Михайловская пушкиниана. Вып. 44. Сельцо Михайловское, 2007. С. 83.

¹⁶ Сведения купчей о чине капитан-поручика Д.М. Вындомского противоречат данным Н.Н. Кашкина о том, что Дмитрий Вындомский вышел в отставку с чином гвардии поручика.

нируется портрет 1817 года сына Федора Федотовича, Сергея Федоровича Вындомского, из собрания Государственного музея А.С. Пушкина. Надо думать, что он, как и его отец, поддерживал родственные отношения с А.М. Вындомским и его семьей.

В следующем прошении Александр Вындомский просит приобщить к делу купчую от Николая Андреевича Вындомского, бывшую до этого времени в гдовском имении (Архангельский Щепец), на которую следует решение суда: «...записав, приобщить к делу, а с предоставленных крепостей взять копии, а подлинные (видимо, имеется в виду и предыдущая купчая от Елены Вындомской) отдать обратно с распискою...»

Сама купчая дает представление об имуществе, которое пришло в семью Вындомских от Екатерины Федоровны, урожденной Квашниной. Приведем основную часть документа полностью:

«Лета 1780 генваря в 11 день отставной подполковник и ладогского уезда дворянский предводитель Николай Андреев сын Вындомской, в роде своем не последний, продал я, Николай, полковнику Александр Максиму сыну Вындомскому недвижимое свое имение, доставшееся мне по купчей крепости покойного генерал-майора и кавалера Максима Дмитриевича Вындомского от жены его вдовы Катерины Федоровой дочери, а ей доставшееся после покойнаго отца ее, дворянина Федора Григорьева сына Квашнина и после сестры ее двоюродной Прасковьи Алексеевой дочери Тырковой, состоящее Новгородскаго наместничества в Новгородском уезде в Водской пятине в Полуской половине в Никольском Бутковском погосте в усадище Надбелье и сельце Белом, да в деревнях в Изборске, в Веретях, в Ерышеве Запещенье; Псковскаго наместничества в Шелонской пятине Залеской половине Щепицкаго погоста в селе Щепце, в сельце Заполье, в усадище Пушелкине и в деревнях в Ветце, в Каменке, в Почапе, в Крутом, в селе Кропивне, да в той же пятине в Дремицком погосте в деревни Име. Да сверх того и купленное ею Катериной от вдовы Авдотьи Лодыженской, что ей подлежало после мужа ея дворянина Ивана Андреева сына Лодыженского на указную часть, Псковскаго наместничества Гдовскаго уезда в Куненской и Каменской губах в сельце Заяновлевце и в деревнях в Речицах и в Надозерцах и в Рябиннине, да в Новгородском уезде в мызе Тресвяцкой и в Лисинской даче, да в Водской пятине в усадище Лужицах и в деревне Пентелеичах, Псковскаго наместничества Опочецкаго ведомства в Вороническом уезде в Егорьевской губе и с принадлежащими и вышеписанными селами, усадищами и деревнями, пашенными, полевыми, пустош-

ными и отхожими помещицкими, коими крестьяне владеют, землями, и что по дачам, по писцовым, отказным книгам и по купчим разных чинов от людей вышеозначенной Катерине после отца ее следовало, тож и Авдотье Лодыженской на указную часть после мужа ее принадлежит, не оставляя во всех вышеписанных пятинах, погостах, деревнях и пустошах за собою ничего, все без остатку, да в том же недвижимом моем имении, что по нынешним поданным в последнюю третью ревизию сказкам мужеска полу дворовых людей и крестьян показано и что по наличности явится, с женами их и с детьми, с братьями, с племянниками, со внучаты и приимышы, и с их крестьянскими животы и пожитки, с хлебом, как в вышеписанных селах, усадищах, так и деревнях, стоячим, молоченым и в земле посеянным, и со всяким скотом мелким и рогатым, с лошадьми и со птицы, и со всяким дворовым хоронным и огуменным помещиковым и крестьянским строением, с пашнею, с лесы, с сенными покосами, с рыбными ловли и со всеми угодыя, тако ж и с беглыми из тех имений людьми и крестьянами, с пожилыми за них годами и заработными деньгами и завладелыми землями... а взял я, Николай, у него Александра за то свое недвижимое имение денег двесте рублей вся сполна».

Эта крепость совершена в палате гражданского суда Новгородского наместничества, круг свидетелей тут другой, но фамилии представлены известные: секунд-майор Федор Иванов сын Мусин-Пушкин, флота капитан второго ранга Иван Яковлев сын Карсаков, поручик Федор Семенов сын Апрелев, коллежский асессор Феоктист Афанасьев сын Долгово-Сабуров. Вызывает недоумение цена в двести рублей, заплаченная за такой большой перечень имений. Очевидно, это какие-то родственные договоренности между Николаем и Александром Вындомскими. К тому же, напомним, имение Надбелье осталось в семье Николая Вындомского. Можно предположить, что легкость, с какой Александр Вындомский расстался в 1799 году с усадьбой Архангельский Щепец, продав ее со всем имуществом, включая картины¹⁷, вызвана тем, что это имущество собирал не он сам, получив через третьи руки имение деда Федора Григорьевича Квашнина.

Еще одним прошением Александр Вындомский сообщает, что «сверх жалованного родителю моему имения, купленные мною по смежности

¹⁷ Пинчук С.П. Тригорское до Пушкина. Сельцо Михайловское, 2021. С. 16.

земли и пустоши как от московской межевой канцелярии из оброчных дворцовых земель, так и по купчим от владельцев», «от подпорутчика Леонтия Григорьева сына Наперсткова» и «от вдовы Настасьи Ивановой дочери жены Затеplinской», еще за него не отказаны, и просит приобщить к делу копии этих купчих, а купленные земли за ним «справить и отказать».

Решение суда стандартно: «Записав, приобщить к делу и с предоставленной крепости взять копию, а подлинное отдать просителю обратно с распискою».

Последний документ в этом деле — длинный и запутанный указ Московской губернской межевой канцелярии от 31 августа 1770 года о продаже Александру Вындомскому казенных оброчных земель, которые ранее его отец брал в оброк, и оброк исправно платился, а теперь, согласно челобитной А.М. Вындомского, «за означенные проданные вам пожни и нивы мерою в них 65 десятин с половиною надлежащие деньги 131 рубль да с них указные пошлины приняты и в приходную книгу августа 27 дня под № 580-м записаны в чем поверенному вашему квитанция дана».

Итак, судя по вышеперечисленным документам, А.М. Вындомский только в 1792 году закрепил за собой наследственные и приобретенные по купчим земли, входящие в состав имения, которое мы знаем как «усадьба Тригорское с деревнями». Это вполне согласуется с его служебной деятельностью: выйдя из военной службы в штатскую с получением чина полковника армии 1 января 1780 года¹⁸, он в 1781–1783 годах занимает выборную должность предводителя дворянства Гдовского уезда¹⁹, о службе в середине 1780-х годов сведений пока нет, но, видимо, живет в Санкт-Петербурге; в 1787–1789 годах числится депутатом дворянства Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии²⁰. Из «Записок» Л.А. Травина мы знаем, что в начале 1789 года А.М. Вындомский собирался приобрести у него дом в Опочке. Сделка не состоялась, потому что Вындомский не оставил залога, а Травин

¹⁸ Список находящимся в статской службе чинам. На 1795 год. [СПб., 1795]. С. 63.

¹⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1781 от Рождества Христова. 1781. С. 189; Там же. 1782. С. 147; Там же. 1783. С. 160. Все три раза ошибочно указано отчество: полковник Александр Михайлович Вындомской.

²⁰ Пинчук С.П. Тригорское до Пушкина. С. 13.

узнал, что Вындомский медлен на отдачу денег, и нашел другого покупателя²¹.

Дом в Опочке понадобился Вындомскому потому, что он намеревался избираться в уездные предводители дворянства. По сообщению Л.И. Софийского, Вындомский занимал эту должность в 1790–1792, 1796–1798 и 1802–1807 годах²². С 1792 года А.М. Вындомский стал жить постоянно в Тригорском, об этом сообщают исповедные росписи, которым в данном случае верить можно²³. В этом же году он решает наконец оформить на себя земли Тригорского.

Сличение перечня деревень, пожалованных М.Д. Вындомскому и затем разделенных между четырьмя наследниками, с межевым планом земель Тригорского позволило заметить, что в экспозиции Дома-музея Осиповых и Вульфов показаны не все владения Вындомских. Северная часть деревень показана на отдельном межевом плане, который имеется в Государственном архиве Псковской области (ГАПО)²⁴. Туда вошли

²¹ «Состоящие ж в Опочке дома стали мне не нужны, кои старался я продать, только в таком малолюдном городе не было желающих, то запродам было и большой из оных господину полковнику Александру Максимовичу Вындомскому за пятьсот рублей в генваре 1789 года; деньги же обещевал в апреле, а дом спешил от меня получить. Слава Богу, что он ошибся, не озадачил нисколько, а между тем добрые люди предостерегли, что он на отдачу весьма медлен, и я бы с великими волокитами и хлопотами не скоро мог получить, что и я размыслил». См.: Вспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века // Труды Псковского археологического общества. 1913–1914. Вып. 10 [Электронный ресурс: <http://statehistory.ru/books/9/Vospominaniya-russkikh-krestyan-XVIII---pervoy-poloviny-XIX-veka/2>].

²² *Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914). Псков, 2004 (репринт, 1-е изд.: Псков, 1912). С. 109. Полностью подтвердить эти сведения данными адрес-календарей не удалось. В собрании адрес-календарей Государственной Публичной исторической библиотеки есть пробелы. Месяцеслов на 1790 год вышел без сведений о предводителях дворянства Опочецкого уезда. В 1791 (с. 218) и 1792 (с. 199), 1796 (с. 210), 1804 (с. 202) годах А.М. Вындомский упоминается как предводитель дворянства Опочецкого уезда. Календари с 1797 по 1801 год в электронной библиотеке отсутствуют, а с 1805 года должность предводителя опочецкого дворянства занимают П.С. Бороздин в 1805, в 1806 вакансия, в 1807–1809 И.Т. Сनावидов, в 1811 К.Н. Росихин, в 1812 году — П.А. Пантелеев.

²³ *Новиков Н.С.* «...Русский барин — и винокур, и хлебосол». С. 86.

²⁴ ГАПО. Ф. 38. Оп. 7. Д. 103. Опочецкий уезд. План сельца Калинина, деревень: Васиткиной, Цыбатовской, Тимашовой, Щупки, Лазовки с пустоша-

как деревни А.М. Вындомского, так и часть вдовы Елены Трофимовны Вындомской.

На межевом плане Тригорского с деревнями практически не осталось деревень из доли вдовы Екатерины Федоровны Вындомской, которой досталось само Тригорское с ближайшей деревней Ваулино. Остальные деревни ко времени межевания (9 августа 1784 года), видимо, были расселены, а земли переведены под усадьбу, под которой по экономическим примечаниям числится 70 десятин 600 сажень; на межевом плане в непосредственной близости к Тригорскому деревень нет. Видимо, переселением крестьян занимался, и довольно жестоко, нанятый А.М. Вындомским управляющий Карп Мунтин. Как цитирует в своей статье Н.А. Малеванов жалобы крестьян на К. Мунтина, «шестнадцать жилых крестьянских дворов, — писали крестьяне в том же доношении, — на дрова сжег и впредь похваляется более ломать и заводить села»²⁵.

Как мы уже упоминали, именно вдове М.Д. Вындомского Екатерине Федоровне досталась усадьба Тригорское, точнее, как пишут в отказных книгах 1771 года, «пустошь Слинкино, что ныне усадище Егорьевское, одна четверть два четверика с получетвериком и с имеющимся на ней господским строением, да ко оному усадищу деревни...»²⁶ Это первое известное нам сообщение, что усадьба Тригорское была основана на месте пустоши Слинкиной. Зная это, можно вполне оценить информацию из отказных книг 1762 года: «Пустошь Слинкино пашни одна четверть с полусосминою и с получетвериком завьтн[ые?] тож в поле а в дву

ми, Воронежской части, Егорьевской губы, владения помещика полковника Александра Максимовича Вындомского. К нему есть межевая книга (Ф. 38. Оп. 1. Д. 2315).

²⁵ Малеванов Н.А. Волнения крестьян в селе Тригорском в конце XVIII века и стихотворение Пушкина «Деревня». С. 374. В сноске ссылка на: ГАПО. Ф. 74. Д. 114. Л. 36. Кстати, в этой же статье находим подтверждение тому, что к 1783 году А.М. Вындомский во владение всеми частями Тригорского не вступил: «Создавшейся обстановкой в своих корыстных целях решил воспользоваться бывший тригорский приказчик Василий Болотов, который исподволь начал распространять слух о том, что Вындомский «не имеет владетельской на них крепости и что они — дворцовые», почему, мол, следует выгнать присланного помещиком управляющего». Там же. С. 374. Сноска на: ГАПО. Ф. 74. Д. 115. Л. 17.

²⁶ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 108. Л. 27.

потомуж на той пустоши внов построен управительской дом»²⁷. То есть к 1762 году на этом месте был сложившийся центр управления дворцовыми Воронежскими волостями.

Последним на 1762 год управителем «Псковских дворцовых воронежских волостей» по исповедным росписям Георгиевской церкви числится «порутчик Петр Николаев 35 лет, при нем дворовый человек Иван 20 и девка Васса 15» лет²⁸. В 1760 году в исповедных росписях указывается «дворцовых воронежских волостей управитель комисар Василий Алексеев», и дворовых у него девять человек обоего пола²⁹. Для кого из них и когда именно строился управительский дом, сказать пока трудно, данных нет. Но есть шанс найти сведения об этом доме, или хотя бы об аналогах в других дворцовых волостях, в документах Российского государственного архива древних актов (РГАДА). В ГАПО же имеется документ «Дело о ложном доносе на управителя воронежской волости»³⁰, с упоминанием обоих управителей, из них Василий Алексеев обвинялся в утаивании, вместе со старостами, части сборных денег, а Петр Николаев упоминается в следующем контексте: «1762 года генваря 8 дня [...] крестьянин Мина Митрофанов в распросах показал: Прошлого 1761 года декабря 29 числа в содержании его Мину воронежских дворцовых управительских дел в колодничей избе под караулом, пришедшим во оную же избу опочечкой воеводской канцелярии солдатам, Ивану Федотову и Карпу Петрову, он, Мина за собою слово и дело государево подлинно кричал, токмо что по первому пункту не выговаривал, не стерпя чинимого ему от дворцового управителя Петра Николаева за нижеследующий на него самого от него Мины донос нестерпимого побоями и тем под караулом содержанием мучения...»³¹

Вот пока все сведения об управителях воронежских дворцовых волостей, которыми мы располагаем. Мы знаем, что на пустоши Слинкиной, которая позже стала усадьбой Тригорское, к 1762 году был построен «вновь» «управительской дом», была там колодничья изба³² и, надо

²⁷ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 108. Л. 25 об.

²⁸ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1599. Л. 42 об.

²⁹ Там же. Д. 1597. Л. 30 об.

³⁰ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 903.

³¹ Там же. Л. 4.

³² Возможно, именно в колодничьей избе и «была организована домашняя тюрьма, вмещавшая до сорока человек», как сообщает Н.А. Малеванов. См.: Малеванов Н.А. Волнения крестьян в селе Тригорском в конце XVIII века

думать, другие необходимые для управления дворцовыми волостями постройки, которые отошли М.Д. Вындомскому вместе с пожалованными землями и крестьянами и в отказных книгах 1771 года именовались уже «усадьбе Егорьевское, с имеющимся [...] господским строением». Остается открытым вопрос, что изображено на межевом плане 1784 года — этот оставшийся от времен дворцовых волостей управительский комплекс или уже перестроенные или вновь выстроенные Вындомскими постройки новой усадьбы? Уже намечены аллеи сада между постройками и берегом Сороти, а в экономических примечаниях отмечено: «Дом господской деревянной и при нем сад с плодovitыми деревьями и неподалеку от онаго села мучная ветреная мельница об одном поставе винокуренной завод по обе стороны ручья безымянного, деревни Ваулина речки Луговки на правой стороне на оной мучная мельница об одном поставе». Кирпичного завода и полотняной фабрики при усадьбе еще нет. В легенде на межевом плане 1784 года отмечен «в селе Егорьевском один госпоцкой дом в нем мужеска полу тритцать одна женска петнатцать душ а ныне налицо мужеска петдесять женска тритцать душ». По данным исповедных росписей до 1780 года в имении жили только дворовые в составе от 3 до 11 душ, включая детей. В 1781 году число дворовых выросло до 30 душ, в 1782 году 31 душа мужского пола и 15 женского³³, в 1784 году — 50 мужчин и 30 женщин. Возросшее количество дворовых говорит о том, что усадьба начала активно обустраиваться. Но что именно и когда в ней появилось по воле А.М. Вындомского, предстоит еще выяснить.

Будем надеяться, что будут обнаружены новые документы по истории Тригорского.

и стихотворение Пушкина «Деревня». С. 374.

³³ Новиков Н.С. «...Русский барин — и винокур, и хлебосол». С. 83–84.

[illegible]

Подпись А.М. Вындомского под доверенностью служителю Климу Лобанову
и заверяющие его подпись расписки П.А. и О.А. Ганнибалов

*Схема родства М.Д. Вындомского
по «Родословным разведкам» Н.Н. Кашкина с уточнениями*

Крестового Восемьдесятых поставь под яхмеев
пашни одна десятин шестьдесят девять
рубль. девять четвертей осмью и сорок
отдасть потомству сена пятнадцать копей
и сорок два десятин поставь столбовое пашни
осмью бесполу и сорок девять и сорок
четвертей осмью по сорок отоса отдасть
сена пятнадцать копей и сорок пашни
пашни одна десятин поставь Слинкино пашни
одна десятин столбовое пашни и сорок
отоса отдасть потомству пашни поставь
и сорок отоса отдасть потомству сена
пашни одна десятин поставь Слинкино пашни
одна десятин столбовое пашни и сорок
отоса отдасть потомству сена пашни
пашни одна десятин поставь Слинкино пашни
одна десятин столбовое пашни и сорок
отоса отдасть потомству сена пашни

Фрагмент отказных книг 1762 года с упоминанием
«вновь построенного управительского дома» на пустоши Слинкиной

ЖАНРОВАЯ СЦЕНА «ПУШКИН И НЯНЯ»: ОТ КАРТИНЫ Н. ГЕ К ФОТОГРАФИИ

По материалам Всероссийского музея А.С. Пушкина

Среди многотысячного фотографического собрания музея снимки, представляющие собой фотолетопись пушкинских юбилеев разных лет, запечатлевшие не только сами события, но и передающие дух времени, всегда вызывали интерес. В юбилейный год 225-летия со дня рождения поэта они были особенно востребованы в разных выставочных проектах, интервью, «участвовали» в съемках нескольких телесюжетов.

Одним из самых любопытных фотографических «комплексов» стал 1899 год — столетие со дня рождения поэта. В череде праздничных и памятных мероприятий имя Пушкина звучало отовсюду: открывались пушкинские музеи, избы-читальни, издавались его произведения, устраивались массовые читки, на театральных сценах шли постановки по мотивам его произведений, широко распространялись копии с прижизненных и более поздних портретов.

Художники по-своему интерпретировали факты пушкинской биографии, воплощая их в портретах поэта и жанровой живописи. В фонде хранится около десятка фотокопий, выполненных (переснятых) с живописных и графических произведений — т. н. переснимков. Наряду с ними есть несколько оригинальных постановочных фотографий, представляющих особый интерес как попытка воспроизведения того или иного сюжета из жизни Пушкина. Подробнее расскажем о двух из них, ранее не публиковавшихся.

Фотография под названием «Пушкин ребенком с няней» (*см. Приложение в конце статьи*) поступила в музейный фонд в 1928 году. Фотоотпечаток выполнен в технике альбуминовой печати и наклеен на картонную подложку, на обороте которой карандашная надпись, адресованная Павлу Евгеньевичу Рейнботу, хранителю первого пушкинского музея: «Дорогой и многоуважаемый Павел Евгеньевич. Если пригодится сия фотография для Пушкинского Дома, то используйте ее. Она в Харькове, кажется, исполнена по замыслу фотографа Скасси, к столетнему юбилею со дня рождения Великого поэта...»

Речь идет об ателье «Скасси и К^о», его основатель — Август Иванович Скасси — один из первых путешественников-фотографов, его мно-

гочисленные фотографии экспонировались на Московской фотографической выставке в 1889 году. Будучи фотографом-профессионалом, он заботился о поддержании репутации «Скасси и К^о» как специализированного заведения, работавшего на высоком художественном и техническом уровне. С 1896 года в его ателье трудился фотохудожник В.А. Шабельский, который, по некоторым сведениям, являлся вольнослушателем Академии художеств, что также задавало определенную планку. Ателье пользовалось большой популярностью у жителей Харькова и приносило хороший доход. Любопытно, что одним из характерных творческих приемов «Скасси и К^о» была постановочная фотография, или, как бы мы сказали сейчас, — фотосессия.

На снимке перед нами не позирующие в определенной обстановке люди, а своеобразная реконструкция эпизода из биографии Пушкина: натура, обстановка и предметы служат раскрытию замысла фотографа.

Вторая фотография — «инсценировка картины Н. Ге «Пушкин у Пушкина в Михайловском» (см. *Приложение в конце статьи*). В книге поступлений отмечено: «Артист Денисюк в роли поэта, неизвестные в образах няни и Пущина» — отпечаток на фирменном бланке знаменитого Карла Буллы, с вытисненным логотипом и адресом его петербургского фотоателье. При рассмотрении снимка сразу бросается в глаза бутафорская обстановка «дома» поэта, задрапированные на скорую руку стены. Образ няни считывается по атрибутам: накинутая на плечи шаль, повязанный на голову платок, вязание в руках...

При изучении этих фотоснимков возникли вопросы: как сформировался широко известный сегодня образ няни? Кто впервые начал использовать этот прочно укоренившийся иконографический образ?

Имя Арины Родионовны становится известным со второй половины 1820-х годов. Пушкин неоднократно упоминает о ней в своих произведениях: «моя старушка» («Зимний вечер», 1825), «подруга дней моих суровых» («Няне», 1826).

Описание внешности Арины Родионовны не сохранилось, кроме кратких упоминаний. У М.И. Осиповой: «Это была старушка чрезвычайно почтенная — лицом полная, вся седая и страстно любившая своего питомца...»¹, у И.И. Пущина: «...няня преважно разгуливала с чулком в руках...»²

¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985. С. 460.

² *Пушкин И.И.* Записки о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. СПб., 1998. С. 95 // Фундаментальная электронная библиоте-

В набросках поэта, оставленных на полях черновых рукописей, узнаваемы и атрибутированы многие изображенные им современники. На листе 17 рабочей тетради-альбома (№ 838) вычерчены несколько рисунков, среди которых портрет старушки в повойнике. До сих пор не установлено, точно ли это Арина Родионовна. При детальном рассмотрении можно заметить сходство с обобщенными (собирательными) образами няни, которые некоторыми исследователями предполагались портретами Арины Родионовны. Имеются в виду живописный портрет старухи-крестьянки работы неизвестного художника и барельеф работы Я.П. Серякова, которые хранятся в коллекции музея.

Предполагаемый портрет Арины Родионовны кисти неизвестного художника арзамасской школы поступил в 1956 году от Т.А. Крюковой, ранее принадлежал К.М. Корнилову, инспектору народных училищ Арзамаса, и передавался в его семье из поколения в поколение как портрет няни Пушкина Арины Родионовны.

Другой известный портрет Арины Родионовны в виде барельефа был выполнен Я.П. Серяковым и датируется 1840-ми годами. Долгое время работа приписывалась Лаврентию Серякову (двоюродному брату Якова). До 1896 года этот рельефный портрет находился в Пскове у его родственников, затем попал к М.Ф. Каменскому, сын которого в 1911 году подарил его Максиму Горькому, а он, в свою очередь, передал предмет в дар Пушкинскому Дому в 1918 году именно с таким предполагаемым авторством — «Лаврентий Серяков (?)». Ленинградский искусствовед Михаил Давидович Ромм, изучавший творчество Я.П. Серякова, говорит о портрете Арины Родионовны как об одной из лучших его работ и датирует его 1840-ми годами. По мнению Ромма, «Серяков никогда не придумывал портретов, и этот костяной рельеф, скорее всего, был создан им по не дошедшему до нас оригиналу»³. Примечательно, что на обратной стороне предмета сохранилась надпись «Арина Радіоновна няня А.С. Пушкина. Приписывается: Лавриентію Сьерякову, резано имъ въ 40 во Псковъ».

Первым художником, изобразившим няню и поэта в жанровой композиции, был Николай Николаевич Ге. Его живописная работа «Пушкин у Пушкина в Михайловском», оконченная в феврале 1875 года и представленная на 4-й передвижной выставке

ка: сайт [Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs1/vs1-060-.htm>].

³ Ромм М.Д. Скульптор Яков Серяков // Нева. 1958. № 2. С. 188–191.

в Петербурге, была названа «первой исторической картиной из жизни русского писателя»⁴.

Известно, что художник тщательно готовился к созданию картины: совершил поездку в Михайловское, общался с очевидцами, рассматривал сохранившиеся личные вещи поэта, предметы его времени, продумывая мельчайшие детали, изучил «Записки о Пушкине» Ивана Пущина. Сведения об этом содержатся в воспоминаниях Т.Б. Семечкиной и брата художника Григория Николаевича Ге. Несмотря на распространившиеся в то время споры об иконографических и художественных достоинствах картины, она пользовалась популярностью именно благодаря сюжету.

После Н.Н. Ге многие живописцы обращались к теме ретроспективного изображения Пушкина и няни. Так, в 1890-е годы признанные мастера бытового жанра, знатоки народной жизни Петр Геллер и Василий Максимов представляют свои работы «Пушкин в селе Михайловском» (1891) и «Пушкин с няней на крыльце ее домика» (1899) соответственно. На фотографии, выполненной с картины П. Геллера (оригинал в фондах Пушкинского Заповедника «Михайловское»), хорошо видно, с какой точностью художник повторяет ту же самую часть кабинета, лишь немного поменяв ракурс, и элементы интерьера, создающие «поэтический беспорядок», подробно выписанные на картине Н. Ге. Вдоль стены — диван, над ним портрет — можно разглядеть, что Геллер «поместил» портрет Н.О. Пушкиной, восходящий к миниатюре Ксавье де Местра. На картине Ге, предположительно, портрет Байрона. Напротив дивана — стол, покрытый длинной скатертью, заложенный книгами и бумагами. В углу кабинета камин, облицованный белыми изразцами, у Геллера видна только его левая часть. Немного в стороне — стул с книгами, к которому прислонена трость. На полу ковер, на который упали несколько листов рукописи. Считается, что ковры в то время были роскошью и нечасто встречались в помещичьих имениях. Н. Ге изобразил ковер сознательно, для создания цельного художественного образа. Нужно отметить и портретное сходство изображенных, которое проявляется в типаже фигур поэта и няни, в их костюмах. В образе няни заметны все характерные детали: шаль на плечах, своеобразно повязанный на голове платок, вязание в руках, один из клубков упал на пол.

Однако, в отличие от работы Н. Ге, у Геллера няня, тоже занятая вязанием, выступает в роли рассказчицы. Полагаю, что П. Геллер, присту-

⁴ *Суворин А.С.* Письма к М.Ф. Де-Пуле // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1979. Л., 1981. С. 125.

пая к своей работе, не только хорошо знал картину Н. Ге, но и постоянно имел ее перед глазами.

В работе Максимова фигура няни намечена в общих чертах, эскизно. В фонде хранится фотография этюда В. Максимова «Портрет няни», где запечатлен узнаваемый типаж, обнаруживающий сходство с «няней» Н. Ге, даже виднеются спицы.

Известно, что Максимов писал работы так называемого «пушкинского цикла» во время поездки в Михайловское, предпринятой им вместе с его другом, литератором В. Острогорским в 1898 году, чтобы «...самим повидать эти дорогие каждому русскому места; узнать, сохраняется ли здесь память о поэте, жив ли еще кто-нибудь из знавших его... как содержится могила Пушкина, — словом, интересно было посмотреть, каков-то этот «уголок земли» теперь, так сказать, накануне столетия рождения поэта и через 61 год после его роковой смерти»⁵.

Результатом поездки художника стал ряд работ, этюдов и фотографий, вошедших в альбом «Пушкинский уголок», который можно считать одним из первых путеводителей по заповедным пушкинским местам.

Таким образом, к концу 1899 года существовало как минимум три жанровые работы, на которых представлены Пушкин и няня: картины Н. Ге, П. Геллера, В. Максимова. Предполагаю, что перечисленные последние два, более поздние, произведения восходят к картине Н.Н. Ге как к самой первой жанровой сцене, отражающей достоверный факт пушкинской биографии.

Картина «Пушин у Пушкина в Михайловском» была окончена в конце февраля 1875 года, в это же время художник приобретает хутор в Борзенском уезде Черниговской губернии, где планирует начать строительство дома. Из письма, адресованного В.П. Гаевскому, узнаем: «...В половине марта я должен буду ехать по моим делам в Малороссию. Теперь же, окончив картину, я — свободен...»⁶

27 февраля 1875 года картина была представлена на 4-й передвижной выставке в Петербурге. В это время Геллер еще учится в Академии художеств и, скорее всего, мог видеть картину на выставке. В 1874 году Василий Максимов становится членом Товарищества передвижных художественных выставок, в котором, как известно, Николай Ге

⁵ Альбомъ Пушкинскій уголокъ (Вместо предисловия). Издание Художественной фототипии К.А. Фишеръ. Москва, Кузнецкий мост, № 11. 1899.

⁶ Ге Н.Н. Письма, статьи, критика. Воспоминания современников. М., 1978. С. 91.

принимал деятельное участие. В связи с этим есть все основания полагать, что Максимов также был знаком с картиной «Пушкин у Пушкина в Михайловском». Такое «знакомство» могло состояться и посредством тиражирования изображения в иллюстрированных журналах, а также — фотографии. С середины 1860-х годов стало популярным изготовление фотографических копий с произведений живописи, что становилось своего рода тиражированием. Полученные фотоснимки распечатывались и продавались, принося доход и популярность обоим участникам. Подобные услуги выполняли известные, востребованные фотографы: Карл Булла, Вильям Каррик, Карл Фишер, сотрудничавшие с Иваном Крамским, Виктором Васнецовым, Николаем Ге.

Любопытно, что еще в 1856 году, в письме своей будущей жене Анне Петровне Забелло, Николай Ге пишет: «Сегодня не работаю, по этому случаю ходил гулять, заходил к одному фотографисту спросить, что может стоить фотография с картины моей, но его не застал и пойду еще. Ежели не дорого, закажу и пришлю Вам один экземпляр»⁷.

В фонде фотографии хранится три отпечатка 1875 года, воспроизводящих картину, выполненных в ателье В. Каррика, два из которых — с автографами художника. Это дает основание полагать, что картина «Пушкин у Пушкина в Михайловском» тиражировалась также и с помощью фотографий и была широко распространена, в том числе и в разных частях Российской империи.

Можно предположить, что фотографии, о которых мы начали рассказ, по композиционному замыслу также восходят к работе Н. Ге. На снимке Карла Буллы нет сомнений в таком заимствовании: поэт запечатлен в период расцвета его духовных сил, в михайловской ссылке. Вид комнаты и основные детали производят впечатление быстро введенной для съемки декорации.

На другом фотоотпечатке Пушкин представлен в образе ребенка, слушающего нянины сказки. В изобразительном искусстве XIX века такие жанровые сцены практически не встречаются. Именно поэтому фотография привлекает своим сюжетным замыслом и режиссурой кадра: скромное убранство комнаты, традиционная в нашем нынешнем восприятии фигура няни, особый антураж создает кот — фигурка из папье-маше. Часть комнаты занимает печь с лежанкой, при детальном рассмотрении можно заметить, что боковая поверхность ее деформи-

⁷ Ге Н.Н. Письма, статьи, критика. Воспоминания современников. С. 35.

рована, а нанесенные линии, имитирующие кладку, неровные; вполне вероятно, что эта «пристройка» была сделана специально для постановки. На печи расположился «живой мальчик, курчавый, быстроглазый»⁸, одетый по моде в короткие панталоны, застегивающиеся под коленом на пуговицы, рубашку с отложным воротником, парадные туфли, украшенные помпонами. Подпирая голову рукой, он будто бы замер в ожидании нянинного рассказа.

Вероятно, в выборе подобного сюжета проявилась фантазия фотографа, навеянная живописным полотном Николая Ге. Картина по окончании выставки 1875 года была приобретена поэтом Н.А. Некрасовым, а после его смерти попала к харьковскому коллекционеру и общественному деятелю Борису Филонову. На выставках, проводимых меценатом, оригинальное полотно могли видеть сотрудники ателье «Скасси».

В поисках материала о праздновании столетнего юбилея А.С. Пушкина в разных уголках Российской империи обнаружилась любопытная статья о пушкинских торжествах в Харькове: «В это время в Харькове, как и в некоторых других крупных городах, начался сбор средств в пользу установки памятника поэту, а улицу Немецкую планировалось переименовать в Пушкинскую, в харьковской частной воскресной школе Христины Даниловны Алчевской готовились к празднику. По случаю 100-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина 20 апреля 1899 года (не дожидаясь времени экзаменов) в школе давали литературный вечер с чтением стихотворений поэта и постановкой живых картин — популярного в то время увеселения, представлявшего собой некое подобие пантомимы с участием нескольких человек, изображавших сцену из литературного произведения или воображаемый случай»⁹. Вполне возможно, что на съемку торжественного юбилейного пушкинского мероприятия в школу как раз и был приглашен известный городской фотограф «Скасси».

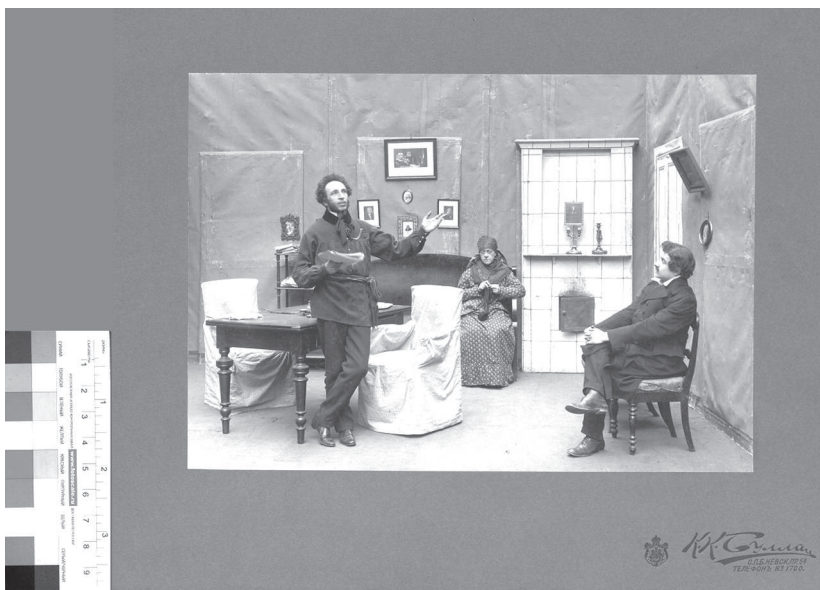
Таким образом, возвращаясь к вопросу пластического воплощения образа няни А.С. Пушкина, предполагаю, что основополагающую роль в его формировании и дальнейшем развитии сыграла работа Н. Ге «Пушкин у Пушкина в Михайловском».

⁸ *Пушкин И.И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 43.

⁹ Истории старого Харькова. 1899 год стал для Российской империи годом торжественных празднований // Старый Харьков: клуб почитателей дореволюционной истории Харькова. Публ. 20.04.2019 [Электронный ресурс: <https://interesnoe.me/source-17590728/post-24685>].

*Фотоателье Скасси и К^о (Василий Аркадьевич Шабельский (1863–?).
Композиция по замыслу фотографа Скасси: А.С. Пушкин ребенком с няней.
Харьков. 1898–1899 годы. 16,9 × 22,8 см (фото), 25,3 × 35 см (картон).
Картон, альбуминовый отпечаток. ВМП НВ-Ф5814*

*Карл Карлович Булла (1855–1929). Постановочная фотография.
Инсценировка картины Н. Ге «Пуцин у Пушкина в Михайловском».
Артист Денсюк в роли поэта, неизвестные в образах няни и Пуцина.
Петербург, Невский проспект, 54. 1912 год.
15,2 × 21,8 см (фото), 23,2 × 29,1 см (картон).
Картон, желатиновый отпечаток. ВМП НВ-Ф36556*

ИРИНА РОДИОНОВНА.

Картина В. Максимова.

*Арина Родионовна. Этюд. Фотография с этюда В.М. Максимова.
11 × 8 см. Серебряно-желатиновый отпечаток. ВМП НВ-Ф577*

*Николай Николаевич Ге (1831–1894).
Пушкин у Пушкина в Михайловском. 1893 год.
41 × 57 см, рама 54 × 70 × 4 см. Холст, масло.
ВМП КП-2671. Ж-53. ГК-2261637*

*Maria von Tscherning
von Harnisch
1875. C.M.*

1875. 11. 13

Вильям Каррик (1827–1878).
Фотография с живописного оригинала Н.Н. Ге
«Пушкин и Пущин в Михайловском». 1875 год.
20,2 × 28,1 см (фото), 27 × 33,2 см (наспарту).
Картон, альбуминовый отпечаток.
ВМП КП-12174. Дф-597. ГК-3090611

«СОН О ГАННИБАЛЕ» ИЗ ЦИКЛА ДАВИДА САМОЙЛОВА «НАВЕЯНО ПУШКИНЫМ»

Прежде чем мы будем говорить о произведении, означенном в заглавии нашего сообщения, необходимо отметить, что Давид Самойлов, по меткому определению Евгения Евтушенко, «тихо оказавшийся классиком»¹, — один из самых «историчных» поэтов второй половины XX века. Он удивительным образом сумел в своем творчестве соединить «память о войне» и интерес к русской и мировой истории, отражая авторские размышления о связи настоящего и прошлого, о роли человека в сложившихся условиях и обстоятельствах в разные эпохи. В его стихотворениях, поэмах, драматических сценах живут и действуют не только Пушкин и Ганнибал, но и многие другие исторические персонажи — это и Анна Ярославна, и Марта Скаврнская, Иван Грозный и Андрей Курбский, Бертольд Шварц и царевич Дмитрий, Петр I и Меншиков, Емельян Пугачев и Державин, Шуберт и Моцарт, Дельвиг и Пестель, Бонапарт и Александр I...

Но всё же когда речь заходит о Давиде Самойлове, то в памяти тотчас возникают ставшие уже хрестоматийными строки:

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!²

«Где бы ни звучала эта строфа, — писал Евгений Евтушенко, — на вечере поэзии из уст самого поэта, или на концерте художественной самодеятельности, или в Театре на Таганке, или в глубине нашей памяти, — за ней сразу встает Время. А ведь это только четыре строчки!»³ Именно эти «четыре строчки» стали визитной карточкой целого поколения поэтов — поколения 1940-х годов.

¹ *Евтушенко Е.А.* Тихо оказавшийся классиком // «Тебя мне память возвратила...»: книга воспоминаний о Давиде Самойлове / сост. А.Д. Давыдов, Г.Р. Евграфов; пред. А.С. Немзера. М., 2023. С. 209.

² *Самойлов Д.* Сороковые // Д. Самойлов. Равноденствие. М., 1972. С. 15.

³ *Евтушенко Е.* Талант есть чудо неслучайное. М., 1980. С. 92.

И вместе с тем это поэт особого стиля:

Пусть нас увидят без возни,
Без козней, розни и надсады,
Тогда и скажется: «Они
Из поздней пушкинской плеяды»⁴.

Относивший себя к поэтам «из поздней пушкинской плеяды», Самойлов словно бы сверял поэзию и жизнь по Пушкину и его кругу.

Быть, хоть ненадолго, с собой в согласье
И поражаться своему уму!
Кому б прочесть — Анисье иль Настасье?
Ей-богу, Пушкин, всё равно кому!⁵

Войдя в русскую литературу под псевдонимом «Давид Самойлов», взятым после войны (1946) в память об отце — Самуиле Абрамовиче Кауфмане, поэт в мемуарных «Памятных записках» пишет:

«Мы все состоим из кусков самочувствия, доставшихся нам от предков. Я знаю, что досталось мне от матери, что — от отца. Отец — военный врач в Красной армии. По демобилизации — всю жизнь — ученый, старший научный сотрудник одного из институтов. Мать работала переводчицей во Внешторгбанке. Отец — мое детство. Ни мебели квартиры, ни ее уют не были подлинной атмосферой моего младенчества. Ее воздухом был отец.

Мне повезло в товарищах и учителях. Друзьями моей поэтической юности были Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Николай Глазков, Сергей Наровчатов, Борис Слуцкий. Учителями нашими — Тихонов, Сельвинский, Асеев, Луговской, Антокольский. Видел Пастернака. Встречался с Ахматовой и Заболоцким. Не раз беседовал с Мартыновым и Тарковским. Дружил с Марией Петровых. Поэтическая школа была строгая. Воевал. Тяжело ранен»⁶.

⁴ См.: *Самойлов Д.* Пусть нас увидят без возни // *Д. Самойлов. Из новых стихов // Дружба народов.* 1979. № 12.

⁵ *Самойлов Д.* Болдинская осень // *Д. Самойлов. Равноденствие.* С. 140.

⁶ *Самойлов Д.С.* За третьим перевалом / *Д.С. Самойлов; сост. Г.И. Медведева.* СПб., 1998. С. 7–10.

Позднее Давид Самойлов вспоминал: «Когда вернулся с фронта, моим человеческим опытом была целая война, это ускоряет развитие лет на двадцать, наверное, а опыт поэтический оставался прежним. Эти два опыта не совпадали»⁷.

Признание искреннее, до некоторой степени объясняющее поздний прорыв слова, рожденного в муках:

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..⁸

Совершенствованию поэтических навыков способствовали переводы зарубежных поэтов, ставшие для Самойлова основным занятием в первое послевоенное десятилетие. «Мастер перевоплощения», как назвал его Павел Антокольский⁹, переложения тех лет представил в книге «Поэты-современники». Первую книгу своих стихов «Ближние страны» Самойлов опубликовал почти в сорок лет, в 1958 году, под эпиграфом из Пушкина: «Я возмужал среди печальных бурь...» Главным героем поэтического цикла, состоящего из 29-ти стихотворений, был увиденный взором войны солдат-победитель.

Постепенно в стихах 1960-х годов о войне стала возникать, а потом и неизменно соседствовать с военной тематикой тема творчества. Например, его лирический герой, лежащий в обороне за пулеметом «на земле холодной и болотной», вспоминает о лире старика Державина. Вот в этих напряженных поисках углублялся художественный облик поэта-филолога, желающего донести до читателя первородное значение будничной речи, привычные слова которой приобретают иной, более глубокий и ясный смысл:

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.

⁷ *Артемьева М.Г.* «Мне выпало счастье быть русским поэтом...» К 100-летию со дня рождения Давида Самойлова: библиографическое пособие. Курган, 2020.

⁸ *Самойлов Д.* Сороковые // Д. Самойлов. Равноденствие. С. 15.

⁹ *Антокольский П.* Предисловие // Д. Самойлов. Поэты-современники. М., 1963. С. 7.

Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло¹⁰.

Этой законченной, лаконично сформулированной эстетической программе Давид Самойлов следовал в своем творчестве довольно-таки строго, так как именно с начала 1970-х поэт по-настоящему входит в литературу. Вслед за сборником «Равноденствие» он издает исследовательскую монографию об особенностях русского стихосложения, в которой прослеживаются изменения русской рифмы в историческом времени: с фольклорной поэзии, с момента становления силлабо-тонического стихосложения XVIII века (Тредиаковский, Сумароков, Ломоносов) до поэзии советского периода XX столетия (до Ахматовой). Вышедшую в 1974 году книгу «Волна и камень» Вадим Баевский назовет «самой пушкинской»¹¹, справедливо утверждая, что «идейно-образно-тематический комплекс «история — культура — Пушкин — память» образует ядро поэтического мира Самойлова»¹².

В какой-то степени этому способствовало произошедшее в 1962-м знакомство с А.А. Ахматовой, которую Самойлов называл «последним гением». Согласно его «Памятным запискам», они «виделись не то что очень часто, но регулярно во все ее приезды в Москву», «много беседовали о поэзии и поэтах»¹³. По мнению Л.Ю. Клевцовой, исследовавшей поэтическую эволюцию Самойлова, «от Ахматовой он унаследовал увлечение пушкинской темой и воспринимал этот образ, с одной стороны, во всей конкретике, а с другой — как обобщенный образ поэта, чьи судьба и творчество должны являться примером для любого стихотворца»¹⁴.

Пушкинские аллюзии в поэзии Самойлова неоднократно рассматривались исследователями¹⁵. Они присутствуют иногда без всякого

¹⁰ Самойлов Д. Слова // Д. Самойлов. *Равноденствие*. С. 84.

¹¹ Баевский В.С. Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М., 1986. С. 133.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Самойлов Д. *Памятные записки*. М., 1995. С. 383.

¹⁴ Клевцова Л.Ю. *Поэтическая эволюция Давида Самойлова: автореф. дисс.... канд. филол. наук*. М., 1999. С. 18.

¹⁵ См., например: Медведева Г. О пушкиниане Давида Самойлова // ЛГ — Досье. 1990. Июнь. С. 8; Немзер А.С. *Лирика Давида Самойлова* // Д. Самойлов.

прямого указания, как, например, в «Доме-музее» (1961) или «Ехегі» (1986), а иногда явно, как в стихотворениях «Болдинская осень» (1961), «Святогорский монастырь» (1968), «Пушкин по радио» (1984), или как в поэтической балладе «Пестель, поэт и Анна» (1965), в сюжетной линии которой предстает реальная беседа Пушкина с пришедшим к нему в гости Пестелем, состоявшаяся в апреле 1821 года в Кишиневе, о чем свидетельствует запись в дневнике поэта¹⁶.

О своем погружении в мир пушкинского творчества Давид Самойлович в беседе с Геннадием Евграфовым накануне 200-летнего юбилея А.С. Пушкина говорил так:

«Культурная атмосфера Пушкина возникла во мне очень рано, но после целого ряда поэтических увлечений Маяковским, Пастернаком, Хлебниковым. Со временем сильнее и яснее формировалась потребность обращения к первоисточнику, к Пушкину. В последние двадцать лет тяга к нему увеличивалась и привела к осознанию моей связи с Пушкиным в пространстве современной поэзии, к ощущению себя в русле послепушкинской плеяды.

Я стал внимательно читать не только стихи, не только его прозу, но и статьи, письма, заметки, дневниковые записи, воспоминания о поэте и многие работы о нем. Передо мной открылся огромный мир Пушкина как явления нравственного становления русского народа и его духовной культуры. Уже много лет я живу в этом городе, некогда называвшемся Перновом (ныне Пярну), в котором в XVIII веке жил предок Пушкина Ганнибал. Когда я задумал поэму о Ганнибале, меня интересовало не только это историческое время, постоянная тяга россиян к северному морю, но и история происхождения Пушкина, вариант его судьбы, просматривающийся через судьбу весьма незаурядного предка»¹⁷.

Выказывая свой интерес к тому, как «получился Пушкин», Самойлов пытается воссоздать историческую его предысторию, так как авторский «сон» не столько о Ганнибале, сколько о Пушкине. Свиде-

Стихотворения. СПб., 2006. С. 5–53; Кононова Н.В. «Старый Дон Жуан» Давида Самойлова: диалог с классикой // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Вып. 12. Таллин, 2012. С. 201–209.

¹⁶ Мусатов В.В. Стихотворение Д. Самойлова «Пестель, поэт и Анна» // Анализ отдельного художественного произведения. Л., 1976. С. 99.

¹⁷ Евграфов Г.Р. Из «Воспоминаний о Давиде Самойлове» // Вопросы литературы. 2013. № 2. С. 315–336.

*Д.С. Самойлов в своем кабинете в Пярну.
Из свободных источников*

тельство этому дневниковые записи, сделанные Самойловым в марте-апреле 1977 года, о семейной жизни Пушкина и причинах его гибели. Суть их сводится к тому, что «Пушкин заплатил жизнью за то, что в угоду своей страсти женился на Н[аталье] Н[иколаевне], не заставив ее полюбить себя, т. е. переступил высший человеческий закон. Скажут — тогда все так поступали. На то он и Пушкин, чтобы отвечать за всех»¹⁸.

Но «отвечать за всех» случилось Ганнибалу. Прямо о трагическом исходе Пушкина написать Самойлов не рискнул. Однако в параллель с «перновским сюжетом» можно рассматривать стихотворение «Он заплатил за нелюбовь Натальи» как ответвление от поэмы и комментариев к ней:

Он заплатил за нелюбовь Натальи.
Всё остальное — мелкие детали:
Интриги, письма — весь дворцовый сор.
Здесь не ответ великосветской черни,
А истинное к жизни отвлечение,
И страсть, и ярость, и души разор.
А чья вина? Считайте наши вины
Те, кто умеют сосчитать свои,
Когда уже у самой домовины
Сошлись концы любви и нелюбви.
И должен ли при сём беречься гений?
О страхе должен думать тот, другой,
Когда перед глазами поколений
В запал курок спускает нетугой¹⁹.

«Внука предок» подходил на роль «героя-ширмы». Во-первых, разыгравшаяся драма с первой женой Ганнибала была предметом пристального внимания Пушкина, хоть он и не дал своей версии семейных неурядиц прадеда. В статье «Начало автобиографии» этот сюжет дан бегло; в наброске «Как жениться задумал царский арап» заложена предыстория событий; незаконченный роман, традиционно име-

¹⁸ Самойлов Д. Поденные записки. М., 2022. Т. 2. С. 287.

¹⁹ Самойлов Д. Он заплатил за нелюбовь Натальи // Д. Самойлов. Залив. М., 1981. С. 40.

нуемый «Арап Петра Великого»²⁰, обрывается до ожидаемой свадьбы царского крестника. Но сюжетные перспективы романа почти предвидены: как во Франции графиня D разрешается черным ребенком от Ганнибала, так и русская боярская дочь Наталья Гавриловна Ржевская родит белого ребенка наверняка от стрелецкого сироты Валерьяна, которым она бредила и который в VII главе входит в каморку пленного шведа-танцмейстера.

Во-вторых, культивируемый Пушкиным миф о его «негритянском» происхождении и, стало быть, африканской страсти крепко укоренился в русской литературной традиции XX века (Пастернак, Тынянов, Цветаева и другие).

В-третьих, учтем общую для автора и героя «географию», где произошли драматические семейные коллизии прадеда Пушкина и где жил в пору работы над поэмой Самойлов.

И в-четвертых, Давид Самойлов был знаком с работами эстонского исследователя биографии Ганнибала — Георга Лееца. В предисловии вышедшей в 1981 году в Таллине книги стихов и переводов «Улица Тооминга» он констатирует, что «толчок для моей фантазии и для трактовки образов и обстоятельств был дан мне рукописью покойного Георга Лееца «Абрам Петрович Ганнибал», недавно выпущенной в свет издательством «Ээсти раамат»²¹.

«Перновская драма» в работе Г.А. Лееца представлена с теми же страшными подробностями, что потрясают при чтении «Сна о Ганнибале». К тому же в эти годы Леец выступил с оспариванием традиционного портрета А.П. Ганнибала, признавая в так называемом «французском портрете» молодого африканца прадеда Пушкина²².

С отрицаний этих спорных портретов, которые «мало схожи с оригиналом», предстает истинный портрет Ганнибала в изображении автора:

²⁰ Название пушкинского романа «Арап Петра Великого» принадлежит редакторам (скорее всего В.А. Жуковскому, который после гибели поэта разбирал бумаги Пушкина). См.: *Фомичев С.А.* Об одном редакторском заглавии произведения Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1982. С. 106–109.

²¹ *Самойлов Д.* Предисловие // *Д. Самойлов. Улица Тооминга. Стихи и переводы.* Таллин, 1981. С. 6.

²² *Козмина Л.В.* Когда «неизвестный» становится известным: несколько штрихов к иконографии А.П. Ганнибала // *Михайловская пушкининана.* Вып. 101. Сельцо Михайловское, 2024. С. 4–21.

Глаза как пара черных виноградин,
походкой мягок и фигурой ладен,
во цвете лет мужских, не слаб, не хвор,
И по военной табели — майор.
Заслугами, умом и сердцем храбрым
Он сходил был с венецианским мавром²³.

Какие же параллели угадываются в «схожести» Ганнибала с «венецианским мавром»? Прежде всего, это социальный статус: он, как и Отелло — царственного происхождения²⁴, Ганнибал, как и шекспировский герой, военачальник на службе чужой и далекой страны, знавший трагические переломы судьбы, женившийся на белой женщине и испытывавший душевные терзания, вызванные приступами ревности:

В нем всё смешалось — подозренье, гнев,
раскаянье, любовь. Как пленный лев,
весь день метался в узком помещенье
меж мыслями о мщенье и прощенье.
И вдруг пришел к жене. Сказал ей: «Ты
меня презрела из-за черноты.
Но мне как на духу ответь — что было?
И правда ли, что ты мне изменила?»
И снова, так же твердо, как тогда,
ему гречанка отвечала: «Да!»

Присутствие Шекспира сразу же распознала Л.К. Чуковская. «Сцена расправы с гречанкой прямо шекспировская», пишет она в письме от 24 июля 1977 года. Вспомнился ей и Пушкин, но совсем не так, как Самойлову: «(Почему А[лександр] С[ергеевич] не последовал примеру своего косвенного предка? поколотил бы свою Natalie, сослал бы

²³ Самойлов Д. Сон о Ганнибале // Молодежь Эстонии. 3.12.1977 (первая публикация поэмы).

²⁴ Современная пушкинистика выявила мифогенную основу многих фактов в Немецкой биографии А.П. Ганнибала, в том числе и миф о княжеском происхождении Ганнибала. См.: Набоков В.В. Пушкин и Ганнибал. Версия комментатора / вступ. ст. и публ. В.П. Старка // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 53.

в деревню, а он подставил грудь Дантесу... Так бы хорошо, и ему бы, и нам)»²⁵.

Однако, как справедливо заметил Андрей Немзер, «точной аналогии быть не может (при самойловском уважении к историческому факту превратить Евдокию — и реющую за ней Наталью Николаевну — и безгранично любящую мужа Дездемону было совершенно невозможно), но ответ «Отелло» объясняет, почему Ганнибал игнорирует первые грязные слухи, после приступа ярости почти выпрашивает у гречанки так и не произнесенное «не было» и уверяется в ее вине (согласно поэме — мнимой; возможность прелюбодеяния введена оговоркой), услышав клевету от Морши, монолог которой заменен шекспировским оборотом «И в ухо яд ему влила». Отсылка здесь не к «Отелло», а к «Гамлету»²⁶. Безусловно, этот «шекспировский мазок» актуализирует образ Ганнибала: «сходен» (и не сходен) на «венецианского мавра».

Вынесенное в заглавье и разъясненное в начале поэмы слово «сон» сразу же настраивает на серьезность сюжета поэмы, ведь сны просто так не снятся: привидевшийся образ Ганнибала автор забыть не может, оттого что «всё это правда». И по подобию сна у него происходит «возврат в иные времена», где «нравы были круты, а честь и гордость тяжелей, чем путы». Но век XVIII стоит другого — XIX. Разница только в одном: «за нелюбовь» у Пушкина — прощение, у Ганнибала — мщение.

В контексте философских размышлений, просматривая судьбу поэта через судьбу предка, на выходе Самойлов прямо обращается к Пушкину:

Арапа бедный правнук! Ты не мстил,
а, полон жара, холодно простил
весь этот мир в часы телесной муки,
весь этот мир, готовясь с ним к разлуке.
А Ганнибал не гений, потому
прощать не свойственно ему...

²⁵ Самойлов Давид, Чуковская Лидия. Переписка. 1971–1990. М., 2004. С. 48–49.

²⁶ Немзер А. Поэмы Давида Самойлова. М., 2005. С. 434.

Самому автору «гречанку жаль», но он «ни женщине, ни веку не судья». «Мы дети вечности и дня грядущего и прошлого родня», вот итог размышлений Самойлова. Однако «от мыслей» неотступных, от которых ему «нет житья» и на фоне которых «разыгрывается воображение», он видит «как бы двух душ отображение, несчастную гречанку, бегущую вдоль длинного причала, и на валу фигуру Ганнибала». И больше «никого», лишь в «небесах луны латунный круг», и «бурный век вокруг». Нужно сказать, что в этой авторской дефиниции заложен глубокий смысл, имеющий отношение непосредственно к веку настоящему, следовательно, и к нему самому. Смысл этого состоит в том, что и сейчас в человеческих отношениях, как рассуждал теневой герой поэмы, «живут мучительные сны».

Историзм мышления, свойственный Давиду Самойлову, выразительно проявил себя в рассмотренной нами лирико-драматической поэме, в контексте подобранных автором сведений, а также пушкинских трактовок в изображении своей родословной. Отсюда следует, что сюжеты и в романе о царском арапе, и в поэме схожи в том, что оба произведения выступают в качестве историко-художественного жизнеописания А.П. Ганнибала — «действительно заслуженного генерала в императорской Русской службе», как верно уточнил его правнук А.С. Пушкин²⁷.

И последнее. В год своего 65-летия, в сентябре 1985 года, Д.С. Самойлов вместе с семьей посетил Пушкинский Заповедник, отразив поденно недельное пребывание в Псковском крае в дневниковых записях:

«21 сентября. Вечерним поездом выехали в Псков.

22 сентября. Встретил нас Валентин Курбатов. Умный, видно религиозный, радушный и любезный человек. Поселились с детьми в гостинице «Октябрьской». Псков беден, плохо прибран, плохо кормлен. Русская провинция рядом с хорошо подстриженной и сытой Эстонией. Вечером у нас в номере Курбатов.

23 сентября. Ездили вчетвером на машине СП (Союза писателей) в Печоры. Лавра производит впечатление. У сурового монаха купили иконку Казанской Божьей Матери. Вечером у нас Курбатов, отец

²⁷ Помета А.С. Пушкина на полях «Немецкой биографии» А.П. Ганнибала. Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 19.

Владимир, современный священник²⁸, и местный корреспондент ТАСС, пожилой бывалый человек²⁹. Читал им стихи.

24 сентября. Курбатов водил нас по старому пригороду вдоль реки, потом по Кремлю. Живет К.[урбатов] одиноко и бедно. Не похож на московских щелкоперов. Встречи с ним были памятны и содержательны.

25 сентября. Автобусом выехали в Пушкинские Горы. Поселились в гостинице. Созвонились с Гейченко.

26 сентября. Гейченко прислал машину, и мы полдня с милой Надей Николаевой бродили по Михайловскому («милая Надя Николаева» сегодня — уважаемая Надежда Борисовна Василевич, руководитель издательских проектов Пушкинского Заповедника. — Авт.), ездили в Тригорское и Петровское. Несколько раз вышибало слезу. Пили чай у Гейченко. Выступал перед небольшим сбором сотрудников Заповедника. Приятная жена Гейченко. Сам он человек разный, но на нем всё держится. В нем и тщеславие, и фанатизм, и организаторские способности. Подарил нам свою книгу и путеводитель по Заповеднику, прекрасно изданный³⁰.

27 сентября. Выехали из Пушкинских Гор»³¹.

²⁸ Протоиерей Владимир Андреевич Попов (30.03.1940) с 1973 года по настоящее время является настоятелем храма святителя Николая Чудотворца XV века в Любятове (Псков). По словам отца Владимира, судьба его привела в Эстонию, где он работал учителем. В Пярну жила его будущая жена — Е.К. Шаховская, дочь священника Константина Шаховского. Здесь произошло у него знакомство с митрополитом Эстонским и Таллинским Алексеем.

²⁹ Скорее всего, это Ник. Мих. Иванов (Н. Берегов) (1919–?). В 1970–1980-е он являлся корреспондентом ТАСС по Псковской и Новгородской областям. Участник Великой Отечественной войны: в составе 54-й армии 3-го Прибалтийского фронта освобождал Псковщину, воевал под Ригой и Веной. В последние годы жизни (в 1990-х годах) в псковских газетах печатал серию заметок «Записки старого псковича», изданные в 2002 отдельной книгой. См.: Псковские краеведы: исследователи истории, культуры и природы края: биобиблиографический справочник. Псков, 2020. С. 80.

³⁰ В 1981 году вышли книжные издания С.С. Гейченко: У лукоморья. Записки хранителя (4-е издание книги); Путеводитель по музею-заповеднику «Пушкиногорье».

³¹ *Самойлов Д.С.* Поденные записи. В 2 т. Т. 2 / подгот. к публ. и сост. Г. Медведевой, А. Давыдова, Е. Наливайко; предисл. Г. Ефремова; коммент. В. Тумаркина при участии М. Ефремовой. М., 2002. С. 216–217.

Факт своего пребывания в Пушкинском Заповеднике Д.С. Самойлов засвидетельствовал автографом в Книге посетителей:

Я в том Петровском побывал,
Где древле Ганнибал живал.
Я видел Пушкина скамью,
И Вульфов славную семью.
Спасибо, милые друзья,
За то, что это видел я.
Д. Самойлов.

26.09.85

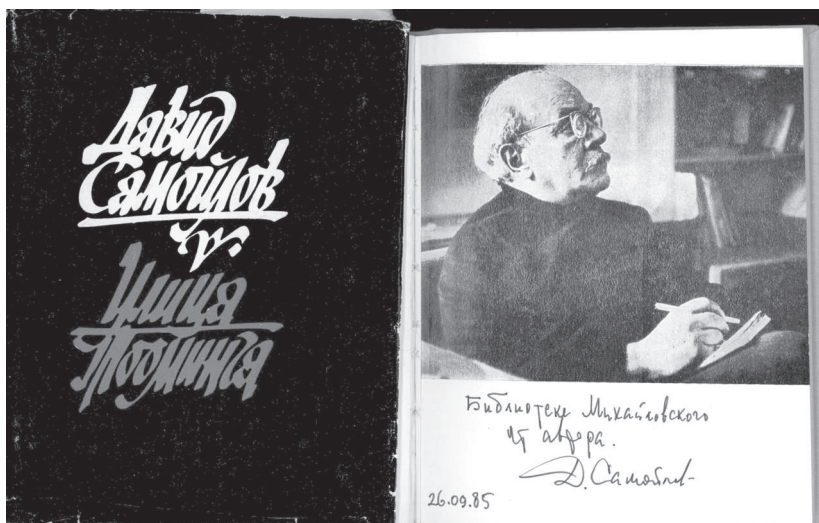
Кроме того, Д.С. Самойлов подарил в библиотеку Михайловского книги «Улица Тооминга». В этот сборник вошли стихи и переводы, созданные Давидом Самойловым в Пярну, и в том числе поэма «Сон о Ганнибале», которую он завершил 26 июня 1977 года. Так сложилось, что в календаре это совсем рядом со знаковым событием в истории Пушкинского Заповедника: 4 июня в рамках XI Всесоюзного праздника поэзии состоялось открытие восстановленного Дома Ганнибалов в Петровском.

Я в том Петровском побывал,
 Где древн Ганнибал жила.
 Я видел Пушкина сканью,
 И Вулгаров слепую семью.
 Спасибо, мои друзья,
 За то, что я видел я.

Д. Самойлов.

26.09.85

Автограф Давида Самойлова в Книге посетителей Пушкинского Заповедника.
26 сентября 1985 года

Книга Д.С. Самойлова «Улица Тооминга» с автографом:
 «Библиотеке Михайловского от автора. 26.09.85»,
 где на с. 51–59 опубликована поэма «Сон о Ганнибале».

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОПИСАНИЯ ПУШКИНСКИХ МЕСТ (XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Псковский край богат достопримечательностями, напоминающими о его многовековой истории и представляющими большой интерес для туристов. Поэтому не удивительно внимание к ним со стороны историков, краеведов и официальных властей, что имело место уже в XIX веке, не говоря уже о последующих временах. У кого-то из них к этому был личный интерес, другими двигали интересы науки, третьи нередко выполняли указания вышестоящих органов, но благодаря этому фиксировался облик многих «древностей», в том числе находящихся в пушкинских местах. При этом наибольшим вниманием пользовался Воронич, когда-то входивший в систему оборонительных укреплений Псковской земли. Долгое время он был городом, неоднократно подвергался нападениям со стороны немцев и литовцев, а в XVII веке утратил свое оборонное значение. Сохранившиеся описания XIX — начала XX века как раз и посвящены времени, когда военная история Воронича закончилась, но все они представляют интерес для исследователей. Попутно с описанием «древностей» Воронича в них фиксировались и другие близлежащие к нему селения и объекты.

В 1784 году действительный статский советник Петр Александрович Соймонов¹ обратился к правителю Псковского наместничества Ивану Алферьевичу Пилю² с просьбой «доставить ему сведения по предложенным вопросам», которых было 20. Просьба была инициирована императрицей Екатериной II, которая поручила «сочинить для

¹ Соймонов Петр Александрович (1737 (по другим данным 1740, 1747) — 1800) — русский государственный деятель, действительный тайный советник, секретарь, статс-секретарь императрицы Екатерины II, почетный член Петербургской Академии наук (1795), директор Императорских театров (1789–1791), президент Коммерц-коллегии (1796–1799).

² Пиль Иван Алферьевич (?–1801, Симбирск) — генерал-поручик, из шведского рода, в армии служил с 1745 года. В 1782 году губернатор Лифляндии, в декабре 1785 — сентябре 1788 года псковский губернатор, в 1788–1794 годах иркутский губернатор, в декабре 1794 года переведен в Симбирск, где вышел в отставку.

собственного ее употребления топографическое описание каждого наместничества». После получения предписания необходимые сведения были затребованы от всех городничих и исправников губернии, а также от духовной консистории. Требуемое описание удалось составить только в июле 1789 года, после чего оно было отправлено в столицу. Через много лет собранные материалы были обработаны и изданы отдельной книгой Д. Лазаревым, где о Воронице и Святогорском монастыре, в частности, содержатся следующие сведения:

«В старом Воронице насыпной земляной вал, лежащий при реке Сороти, по течению на левой стороне, окруженный с трех сторон рвами, от северо-полуночной и восточной сторон, а от реки Сороти ровным местом вышиною от горизонта от 13 до 15, длиною по поверхности от северо-полуденной 67, поперек от северо-западной — 39, от северо-западной до полуночной и к северо-восточной стороне поперек 61, от плоскости оного насыпь вышиною от одной до двух сажень, стен не было, а на возвышении того вала ныне имеется два въезда: первый — от северо-западной к полуночной, второй — от полуночной к северо-восточной стороне, на оной плоскости имеется ныне церковь во имя великомученика Георгия, от оного вала от северо-восточной к северо-полуденной стороне за рвом церковь деревянная во имя Воскресения Христова в 70 саж. Оный Воронич от Опочки расположен в 40, от Новоржева — в 30 верстах.

Святогорский монастырь имеет начало свое в 1563 году, в нем соборная церковь каменная во имя Успения Божьей Матери на горе, зово-мой Синичьей, где имело быть, как то в летописи значитсЯ, явление двух чудотворных икон: Божьей Матери Умиления и Одигитрии, построена при державе благочестивого царя Великого князя Ивана Васильевича, по повелению Его Царского Величества из государственной казны и повелено быть обителью. При той же церкви построены две придельных церкви: во имя Одигитрии Божьей Матери в 770 году из кошту коллежского асессора Ивана Львова, вторая в 776 году во имя Покрова Божьей Матери, устроена коллежским асессором Михаилом Кремневым. Третья во имя Святителя Николая, каменная, теплая, построена в 786 году из монастырских сумм, на оном же монастыре каменная колокольня, над церковной папертью, на ней часы боевые русские»³.

³ Псковское наместничество. По материалам архива псковского губернатора собрал Д. Лазарев. Псков, 1887. С. 19, 21.

Почти через полвека после указанного предписания Екатерины II, в октябре 1837 года, распоряжение «о доставлении сведений о древних зданиях и памятниках древности в губернии» издало Министерство внутренних дел. Во исполнение его опочецкий уездный предводитель дворянства 1 июля 1840 года сообщал псковскому военному и гражданскому губернатору, что «в городе Опочке и уезде никаких древних зданий и других памятников древности не имеется»⁴. В соответствии с новым распоряжением МВД псковским губернским архитектором Ранвидом⁵ в 1872 году была составлена новая справка о «древностях» (с приложением планов), но в ней опять же подчеркивалось, что в Опочецком уезде «памятников, крепостей и других зданий древности не имеется»⁶. Остается неизвестным, какими критериями руководствовались чиновники, дважды «не заметившие» заслуживавших внимания памятников древности, например, того же Воронича. А вот побывавшие на территории Опочецкого уезда историки и краеведы их не проигнорировали, более того, привели даже характеристики, обратив внимание даже на мельчайшие подробности.

В 1862 году во время путешествия по древним русским крепостям в пушкинских местах побывал известный историк Н.И. Костомаров⁷,

⁴ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1223. Л. 14.

⁵ Ранвид Афанасий Иванович (1806–1890) — псковский губернский архитектор (1868–1883), руководил работами по поддержанию крепостных стен Пскова, надстройке второго и третьего этажей городского корпуса в Опочке, по его проекту сделана пристройка к зданию духовной консистории (1872, Псков, Кремль) и др.

⁶ ГАПО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 536. Л. 166.

⁷ Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — русский и украинский историк и археограф, фольклорист и этнограф, поэт и просветитель. Окончил Харьковский университет (1836), с 1846 года — профессор Киевского университета. Один из организаторов тайного Кирилло-Мефодьевского общества, авторов его устава и программы. За участие в его деятельности был арестован и сослан. В 1859 году с него было снято запрещение заниматься педагогической деятельностью, в 1859–1862 годах — профессор Санкт-Петербургского университета. Занялся историей вечевых республик на Руси, в 1860 году побывал в Пскове, в 1862 году изучал псковские пригороды, посетив Изборск, Печерский монастырь, древние монастыри близ Пскова, пригороды Выбор, Опочку, Врев, Велье, Воронич, побывал на могиле А.С. Пушкина в Святогорском монастыре. Сотрудничал в ряде журналов.

так описавший Воронич: «Воронич — пригород Пскова на левом берегу Сороти, ныне погост близ с. Тригорского. С реки представляются глазам три высоких живописных холма. На правом расположено с. Тригорское, на левом — погост с поселением, а на среднем — городище древнего пригорода. Это естественный холм, обделанный в виде вала: искусство дополнило природную защиту. Вышина вала до 40 шагов, на западной части он поднят выше, в окружности более 700 шагов. На этом холме церковь, кладбище и жилища церковников. Об этом городище сохранились в народе поверья: говорят, что там сокрыты клады, но их трудно взять, потому что привидения пугают того, кто станет их вскрывать, а во время пасхальной заутрени слышны под землей вой, вопли и звук оружия. Посад был разбросан отчасти на близлежащем холме, где теперь погост, а отчасти внизу на низком месте. В расстоянии одной с половиной версты от него над Соротью неправильная возвышенность — курган с часовней, в память бывшей там церкви. Вероятно, здесь было укрепление, господствовавшее над ходом по реке, в другом месте — также возвышенность на противоположной стороне Сороти»⁸.

Несколько позже Н.И. Костомарова инженер-полковник И.Ф. Годовиков⁹ (1880), почти не касаясь «древностей» Воронича, зафиксировал то, что мог видеть невооруженным глазом любой посетитель этих мест: «Воронич, основанный псковичами в 1408 году, пригород при реке Сороти, ныне погост Опочецкого уезда, отстоящий от города Опочки к северу в 40 верстах, и в котором находятся на возвышенности почти круглой горы: 1) деревянная церковь с колокольней во имя Св. Великомученика и победоносца Георгия, построенная в 1794 году; 2) дома, службы и сады четырех дворов священно- и церковнослужителей; 3) сельское кладби-

⁸ Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада // Сочинение Николая Костомарова. Т. 2. СПб., 1863. С. 79–80.

⁹ Годовиков Иван Федорович (1797–1868) — инженер, получил образование и до 1853 года работал в Петербурге, в июле 1854 года переехал в Псков и был назначен «начальником искусственного стола» губернской строительной и дорожной комиссии (в звании майора). В 1857–1866 годах в звании инженер-полковника составил рукописное «Краткое историческое описание г. Пскова и его древностей с атласом рисунков», в котором точно воспроизвел копии исторических планов Пскова и его пригородов; составил подробный «План губернского Пскова в существующем виде 1857 года». Описание издано в 1880 году без атласа (рукопись — в собрании Псковского музея-заповедника). Активный член Псковской археологической комиссии.

ще; 4) еще видимые остатки земляного вала с западной и южной сторон; 5) дороги, ведущие по косогору в погост; 6) тропинки; местность около Воронича гористая, с озерами, довольно живописная»¹⁰.

Гораздо лаконичнее оказался псковский краевед Ф.А. Ушаков¹¹, ограничившийся лишь упоминанием, что «в пригороде Ворониче есть насыпная гора, которая называется городищем; с южной стороны приметен въезд» (1897)¹². Составители же «Статистико-географического словаря Опочецкого уезда», вышедшего почти одновременно с трудом Ф.А. Ушакова, коснулись не только современной им характеристики Воронича, но и других неподалеку расположенных селений, тоже относящихся к пушкинским местам:

«Воронич, погост и деревня Воронежской волости, при реке Сороти, от Опочки отстоит на 45 верст, от волости — 5 верст, крестьянских дворов — 13, жителей — 72 чел. обоего пола, духовенства и других сословий — 20 мужчин, 29 женщин, две церкви, две лавки, корчма, 6 января бывает торжок. Селение Воронич находится на месте бывшего пригорода Воронича, основание которого относится к XIV ст[олетию], т. к. в летописях есть указание, что еще в начале 1400-х годов был уже укрепленным городом и выдерживал нашествия неприятелей... В Ворониче и теперь существует земляной вал, служивший прежде крепостью. Во второй день Пасхи в Воронич приходит крестный ход из Святогорского монастыря, а во вторник на той же неделе установлен крестный ход из Воронича в названный монастырь;

Бугрово, деревня Воронежской волости, Святогорского прихода, от Опочки 40 верст, от волости — 2,5 версты, дворов семь, жителей обоего пола 45 душ;

¹⁰ Описание и изображение древностей Псковской губернии. Посмертное издание инженер-полковника И.Ф. Годовикова. Вып. 1. Псков, 1880. С. 40–41.

¹¹ Ушаков Федор Алексеевич (1850–1914) — краевед, воспитатель Псковского кадетского корпуса, генерал-майор. Происходил из потомственных дворян Тамбовской губернии, получил военное образование, находился на военной службе. В 1902 году вышел в отставку, с 1895 года — член Псковского археологического общества, в 1895–1906 годах — его секретарь, составил сводку 172 археологических памятников, опубликовал ряд краеведческих работ. В 1906 году переехал в Санкт-Петербург.

¹² Описание древних городищ, городцов, курганов, валов, каменных крестов, мостов и камней с отпечатками разных предметов, сохранившихся в Псковской губернии (Материалы для составления археологической карты) Ф.А. Ушакова. Псков, 1897. С. 16.

Воскресенское, село Вороничской волости, строений 10, жителей 10 мужчин и 5 женщин, имеется каменная часовня;

Дериглазово, селение Вороничской волости, строений 25, жителей 5 мужчин и 8 женщин, при реке Сороти;

Петровское, село при реке Сороти и озеро Петровское, от Опочки 45 верст, строений 20, жителей 5 мужчин и 5 женщин;

Тригорское, село Вороничской волости, при реке Сороти, строений 20, жителей 5 мужчин и 5 женщин;

Тоболенец, слобода Вороничской волости, от Опочки 40 верст, при Новоржевском почтовом тракте, дворов 70, жителей 140 мужчин и 160 женщин. В селении: безымянное озеро, две церкви, две часовни, земское училище и больница, богадельня, волостное правление, кладбище, квартира урядника и Святогорская почтово-телеграфная станция. Кроме того, находятся: 11 лавок, разные промзаведения, в числе последних есть золотых и серебряных дел мастерские. При самом селении расположен Святогорский (Успенский) мужской монастырь»¹³.

В «Полном» же «географическом описании» России — многотомном издании, выходившем на рубеже XIX–XX веков, сведения о пушкинских местах оказались очень краткими:

«Верстах в 22-х от станции Новгородка расположено село Тоболенец с населением около 450 человек, а при нем Святогорский мужской монастырь. Село и монастырь расположены в красивой, холмистой местности, при озере Тоболенец; монастырь стоит на горе, в прежние времена называемой Синичьей, а по построению монастыря — Святой. Основан монастырь в XVI веке по повелению царя Ивана Грозного, по случаю явления чудотворной иконы Божьей Матери; в нем теперь две церкви: одна на горе — Успения Богородицы, построенная в начале XVII века, а другая под горою — Святого Николая, основанная в 1780 году. В монастыре покоится прах А.С. Пушкина. Вблизи монастыря почта, в 1895 году на средства крестьян Воронежской волости (частью бывших крепостных Пушкина) устроена в память поэта богадельня и библиотека-читальня.

В четырех верстах от монастыря находятся теперь небольшая церковь и погост Воронич, при реке Сороти (жителей около 150 человек); селение находится на месте бывшего пригорода Воронич, основанного

¹³ Статистико-географический словарь Опочецкого уезда Псковской губернии. Псков, 1895. С. 52–53, 70, 71, 95, 188, 236, 241.

еще в XIV столетии, т. к. в летописях имеется указание, что Воронич был укрепленным городом еще с начала 1400-х годов и выдерживал нападения неприятелей — литовцев, немцев и поляков, когда князь литовский Витовт в 1406 году «под Вороничем городом наметаша рать мертвых детей две лодки». В 1582 году город был взят польским королем Стефаном Баторием, но возвращен в том же году по договору. В 1719 году Воронич приписан пригородом к Опочке. В селении существует еще и в наши дни земляной вал, который некогда служил пригороду укреплением. Близ Воронича расположено село Тригорское, принадлежавшее прежде приятелю А.С. Пушкина А.Н. Вульфу... Верстах в двух от Воронича на восток находится село Михайловское, родовое имение Пушкиных...»¹⁴

В начале XX века в очередной раз сбором сведений о «древностях» занялось Министерство внутренних дел, и на основании предписания псковского губернатора опочецким исправником был в декабре 1901 года составлен «Список памятников старины», расположенных на территории уезда. На сей раз чиновник не ограничился отпиской об отсутствии таковых, а составил весьма подробное описание «памятников древности», в том числе и пушкинских мест:

«В Ворониче (погост и деревня), в 45 верстах от города, имеется 60 строений и две церкви. Селение Воронич находится на месте бывшего пригорода Воронича, основание которого относится к XIV столетию, т. к. в летописях есть указания, что еще с 1400-х годов Воронич был укрепленным городом и выдерживал нападения неприятелей. Так, например, по словам летописи, в 1426 году князь Литовский Витовт с многочисленным войском приступил к Вороничу и держал его в осаде три недели, после чего был заключен мир, по которому псковичи за освобождение Воронича уплатили литовцам 1 000 рублей. В 1517 году Воронич подвергся сильному опустошению от литовцев, поляков и немцев. В 1582 году он был захвачен польским королем Стефаном Баторием, но по договору, заключенному Великим князем Московским с Польшей, в том же году возвращен России. Для защиты от неприятелей и служил крепостью существующий и поныне насыпной земляной вал.

В селении Святые Горы памятник над могилой великого поэта А.С. Пушкина, находится на восточной стороне Успенской церкви Святогорского монастыря, в 10 аршинах от алтаря. Основанием памятника

¹⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / под общ. ред. П.П. Семенова. Т. III. Озерная область. СПб., 1900. С. 316.

служит каменный бут, а на нем кирпичный оштукатуренный фундамент, покрытый по краям листовым железом. На фундаменте три плиты из гранита, и на них поставлен постамент. Самый памятник представляет из себя усеченную пирамиду из белого мрамора. С одной стороны, внутри постамента, находится мраморная урна (Эмблема погребения), под которой на фасаде постамента два выпуклых опрокинутых факела, перекрещивающихся между собой (Эмблема угасшей жизни), а на другой, обращенной к храму, укреплен бронзовый вызолоченный крест; под крестом на памятнике высеченный венок. На гранитном постаменте высечена надпись: «Александр Сергеевич Пушкин. Родился в Москве 26 мая 1799 года. Скончался в Санкт-Петербурге 29 января 1837 года». Вокруг памятника железная решетка, в длину и ширину по 6 аршин».

Богадельня и народная читальня, устроенная в 1895 году на средства крестьян Таболенского общества Воронежской волости Опочецкого уезда. Устав богадельни утвержден Г. Министром ВД 8 июня 1908 года. Содержится на средства крестьян. Призреваемых в ней 4 мужчины и 21 женщина»¹⁵.

Все приведенные выше свидетельства относятся к тому времени, когда пушкинские места являлись обычными провинциальными местами Опочецкого уезда, а Воронич уже давно перестал быть крепостью, и составлены они были большей частью путем визуального наблюдения описываемых мест, в том числе сохранившихся остатков более далекого прошлого. Сведения их чаще всего повторяются — повторяются даже некоторые фразы, что не исключает заимствований одного составителя у другого, с различиями лишь в небольших подробностях. Некоторых посетителей описываемые места поражали своей неповторимой красотой и даже приводили в восторг, оставляя в их памяти неизгладимое впечатление.

Так, например, в 1885 году в пушкинских местах побывал сопровождавший Великого князя Михаила Александровича К.К. Случевский¹⁶,

¹⁵ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2665. Л. 19, 21.

¹⁶ Случевский Константин Константинович (1837–1904) — поэт, прозаик, очеркист. В 1860 году уехал за границу, в Гейдельберге получил степень доктора философии, по возвращении в Россию поступил на государственную службу, которая проходила параллельно с поэтическим творчеством. В качестве камергера царского двора в 1884 и 1885 годах сопровождал Великого князя Владимира Александровича при осмотре военных учреждений Санкт-Петербургского военного округа: в маршрут были включены Псков, Остров, Новоржев, Холм,

писавший обо всех посещаемых им местах. Подробного описания «древностей» он не привел, что в задачу его, скорее всего, и не входило, в отдельных моментах его свидетельства повторяют данные предшественников и современников, но впечатления К.К. Случевского гораздо образнее и восторженнее. В Воронице он не был, а посетил Святогорский монастырь и Михайловское.

«2 июня часам к 6 вечера, — писал он, — поверх густой зелени поросших лесом холмов показались купол и колокольня Святогорского монастыря, где похоронен Пушкин. До монастыря оставалось еще 8 верст. Святогорский монастырь, находящийся в 108 верстах от Пскова, возник во второй половине XVI века на так называемых Синичьих горах и известен всей России потому, что приютил останки Пушкина... Подъем по лестнице к церкви крут и высок, он идет всё время под навесом и, так сказать, направляет идущих прямо в церковь...»

Кратко коснувшись истории монастыря, пребывания в этих местах А.С. Пушкина, его погребения и других моментов, К.К. Случевский далее констатировал, что «монастырская ограда имеет до 400 сажень длины, соборная церковь Успения поставлена, вероятно, в XVII столетии, статьями монастырского дохода являются две местных ярмарки, ежегодно из монастыря совершается крестный ход...» Путешественники прибыли в монастырь как раз к началу крестного хода («похода» иконы). «Обычная, многолюдная на этот раз ярмарка была на исходе, — писал далее Случевский, — течение народа, расплзавшегося по крутым скатам святогорских холмов, обильно поросших листвою вековых деревьев, вдоль края и к крыльцу лежащей у подножия монастыря слободы Тоболенец, ожидало начала торжества; колокола гудели неумолчно. Готовая к походу, стояла на постаменте икона Одигитрии и перед нею в полном облачении, окруженный монахами, архимандрит Николай. Яркое солнце горело на золоте иконы и ризах духовенства...»

Вечер того же дня К.К. Случевский вместе с другими путниками провел в Михайловском, у сына поэта Григория Александровича Пушкина, и «в любезной беседе время к ночи подошло очень быстро, воспоминаниям о Пушкине отведено было, конечно, первое место». Там же, в Михайловском, они и заночевали, хотя дом, «приютивший путников на ночлег», как заметил Случевский, «построен только в 60-х годах, но

по дороге путешественники заехали в Святогорский монастырь на могилу А.С. Пушкина.

некоторое сходство в общем расположении усадьбы сохранилось: длинный, одноэтажный дом посредине, с обеих сторон его два небольших флигеля, перед домом круглая куртина, из вещей Пушкина остались кресло, ятаган, подаренный ему на Кавказе графом Паскевичем, и четыре бильярдных шара».

«Ночь была чрезвычайно ясная, как и минувший день, — продолжает К.К. Случевский. — На следующее утро, перед отъездом из Михайловского, последовавшим в 9 час[ов] утра, путники более часа сидели на балконе. Вид с балкона в ясный день очарователен. От дома вниз идет ступенчатая терраса, широкая долина разворачивается перед глазами верст на 16, ее обрамляют далекие, поросшие лесом холмы; глубоко внизу течет по зеленому лугу синяя река Сороть; вправо и влево совсем близко блещут по одному озеру. Говорят, что простой народ селения Михайловское не знает, а называет его Зуево...»¹⁷

Достоинством повествования К.К. Случевского являлось и то, что текст его сопровождается несколькими иллюстрациями — фотографиями и рисунками: монастыря, ярмарки, могилы А.С. Пушкина, Михайловского.

Приведенные официальные и авторские свидетельства о пушкинских местах, относящиеся к XIX — началу XX века, сегодняшним специалистам могут показаться примитивными, мало что добавляющими к их знаниям. Это вполне естественно, т. к. написаны они были более века назад, и за это время исследования памятных мест значительно продвинулись, уйдя далеко вперед. Они интересны с точки зрения историко-географической, т. к. демонстрируют тогдашний уровень краеведения (пушкиноведения в частности) и то, с чего начиналось и как велось постепенное накопление знаний о пушкинских местах.

¹⁷ Случевский К.К. По Северо-Западу России. Т. 1: По Северу России. СПб., 1897. С. 104, 106, 107, 109.

**ВОСПОМИНАНИЯ КРАЕВЕДА А.И. БЕЛИНСКОГО
О ФИЛИАЛЕ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ ГОСЗАПОВЕДНИКА
«ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК» В ГОРОДЕ ОПОЧКЕ
(1920-Е ГОДЫ)**

В городе Опочке (Псковская область) в 1928 году был создан филиал Общества друзей госзаповедника «Пушкинский уголок»¹. Председателем этого филиала был преподаватель русского языка и литературы школы II ступени имени А.С. Пушкина — Александр Иванович Белинский. В Опочечком краеведческом музее есть его небольшой фонд, который состоит из личных документов, фотографий, а самое главное — рукописей А.И. Белинского: это «Воспоминания о жизни» и краеведческие материалы, касающиеся истории Опочечского края в 1920-е годы. В его воспоминаниях есть страницы и о филиале Общества друзей госзаповедника «Пушкинский уголок» в Опочке. Но прежде чем перейти к ним, несколько слов о самом А.И. Белинском.

Родился А.И. Белинский 8 июня 1886 года в селе Никольском Вельско-Лукского уезда Псковской губернии. После учебы в частном пансионе Рожновской (Опочка) Александр с 1897 по 1907 год обучался в духовном училище, а затем в духовной семинарии Пскова. 29 мая 1912 года получил диплом второй степени, завершив образование в Санкт-Петербургском Императорском университете на историко-филологическом факультете. 31 августа 1911 года в Санкт-Петербургской Входа-Иерусалимской церкви А.И. Белинский был повенчан с Антониной Андреевной Палкиной.

С 3 сентября 1912 года преподаватель истории в Могилевской мужской гимназии с получением уроков русского языка. С 1916 года преподавал историю в еврейском ремесленном училище, а с 1917 года и в земском реальном училище Могилева.

В Опочке с 1 октября 1919 по 1 сентября 1924 года работал в школе II ступени имени Герцена и с 1 сентября 1924 по 6 ноября 1930 года — в школе II ступени имени Пушкина и педтехникуме. В 1928 году

¹ *Бойцова А.* Общество Друзей госзаповедника «Пушкинский уголок». 1926–1929 годы // Михайловская пушкиниана. Вып. 101. Сельцо Михайловское, 2024. С. 95–107.

А.И. Белинский организовал кружок краеведения в электромеханическом техникуме. По его предложению школьники собрали около 1 500 частушек, много похоронных песен, примет, поверий, заговоров, свадебных песен и т. д.²

Преклоняясь пред памятью гениального поэта, преподаватель А.И. Белинский организовал в Опочке Пушкинское общество. Опочечское ГПУ отказалось утвердить организацию. Пришлось связаться по этому поводу с Ленинградом. А.П. Карпинский (президент Академии наук и председатель Пушкинского общества) написал письма председателю Опочецкого райисполкома и укома с просьбой не мешать учреждению Общества в Опочке. В конце концов Общество было признано как филиал Ленинградского Пушкинского общества.

Первыми членами Пушкинского общества были учащиеся Пушкинской школы II ступени в количестве 12 человек. Председателем Общества, в виде «громоотвода», был избран П.И. Рощевский, заместителем — И.В. Владимиров, вторым заместителем — А.М. Рогова, казначеем — В.Ф. Ратьковский, ответственным секретарем — А.И. Белинский. Вся организационная работа легла на него.

Целью Общества была популяризация имени и творчества Пушкина. Члены Общества решили один раз в месяц устраивать вечера, посвященные памяти поэта. Каждый вечер должен был начинаться докладом. Художественная часть должна была заполняться декламацией, пением, музыкальными номерами на текст произведений А.С. Пушкина.

Первый вечер был приурочен к годовщине смерти поэта. Доклад на тему «Дуэль и смерть А.С. Пушкина» сделал сам Белинский. Зал школы II ступени был заполнен учителями, учениками, интеллигенцией города — врачами, служащими. Ученики декламировали стихотворения Лермонтова («Смерть поэта»), Кольцова («Лес»). Дочь А.И. Белинского Лида играла на рояле похоронный марш. Первый вечер удался. В Общество записались новые люди. Среди учеников нашлось много поклонников поэта. Они принимались в Общество со званием «Юный пушкинист». Между учениками, гражданами города распространялись открытки с видами пушкинских уголков, портретами поэта, его семьи, друзей. Открытками снабжало Пушкинское общество в Ленинграде. За пять лет распродали несколько тысяч открыток.

² Кондратеня А.В. А.И. Белинский (1866–1977) — учитель, публицист, краевед // Псков. 2018. № 49. С. 187–193.

Чтобы придать Обществу большую прочность, заинтересовать большой круг людей, сделать вечера более содержательными, для докладов стали приглашать профессоров, связанных с Пушкинским обществом. К этому времени Общество приобрело такую популярность, что школьный зал перестал вмещать всех желающих поприсутствовать на вечерах. Собрания перенесли в зал городского клуба вместимостью на 450–500 человек. С докладами в Опочке выступали профессор Владимир Евгеньевич Максимов-Евгеньев (на тему «Пушкин и Некрасов»); С.А. Золотарев («Борис Годунов: история произведения, значение его для русской литературы»); П.Н. Медведев («Пушкин в нашей современности» и о Грибоедове (для учеников и учителей); С.Д. Троицкий («Пушкин и наша современность»).

На вечерах, кроме учеников, с декламацией выступал доктор Бельский, который рекомендовался пушкинистом, критиком и литератором; сотрудница журнала «Резец» Карельская из группы ЛАПП прочла стихотворение собственного авторства о дуэли Онегина с Ленским.

Музыкальную часть старались разнообразить. Кроме учеников (Лидия Белинская, Евгения Борткевич), на рояле играли оперные номера (А.В. Каминская и З.И. Скворцова). На скрипке солировал С.И. Коченовский, А.И. Суйя, А.А. Ухорский, А.И. Юкнат, С.И. Коченовский, И.Н. Корчинский составили ансамбль и разыгрывали на скрипках, рояле и виолончели арии из опер на тексты Пушкина.

Когда Общество стало располагать некоторыми суммами, был приглашен платный учитель музыки (А.И. Суйя) для обучения членов Общества скрипичной игре. Уроки брали преимущественно ученики. В течение года составилась небольшой симфонический оркестр (12 человек). Во главе его стал учитель пения, опытный дирижер И.Н. Корчинский.

Из певцов, выступавших на вечерах Пушкинского общества, надо вспомнить О.И. Игнатович, Елену и Веру Николаевну Кудрявцевых, Н. Загорского, Г. Никифоровского.

Инженер А.А. Малинин помогал в оформлении пушкинских сцен, которые разыгрывали ученики. Интересно с помощью проекционного фонаря он поставил «Сон Татьяны». Доклады профессоров и опочечских докладчиков (И.В. Владимиров, В.П. Михайлов и другие) широко раскрывали личность поэта. Общество устроило хороший вечер, посвященный памяти поэта, в Пушкинских Горах. С докладом здесь выступал В.П. Михайлов на тему «Предки Ганнибала».

В 1927 году Белинский ездил в Ленинград на одно из собраний Пушкинского общества, где делал доклад о работе Опочецкого филиала. Здесь он поставил вопрос об усилении издательской деятельности Общества, рассчитанной на среднего читателя, причем главное внимание он просил обратить на издание произведений самого поэта.

Позднее на заседаниях Пушкинского общества А.И. Белинский встречался с академиком А.П. Карпинским, председателем Ленинградского Пушкинского общества. Вот как он вспоминал об этом:

«Памятно мне собрание пушкинистов 12–16 октября 1927 года в бывшем дворце Юсупова. Мне поручили встретить Карпинского в вестибюле дворца и провести в комнату академиков. Собрание было назначено в 8 часов. Без 5 минут в 8 часов я увидел знакомую мне фигуру президента Академии наук. Он спешил. Заявив о данном мне поручении встретить и проводить Александра Петровича, я хотел идти впереди него. Но Александр Петрович так «махнул», что в один момент оказался во втором этаже. Я едва успевал за ним.

В небольшой комнате, обитой синими обоями и увешанной портретами академиков, Карпинский сел на диван как раз под свой портрет. Кто-то из присутствующих обратил на это внимание:

— В комнате два Карпинских.

Александр Петрович недоумевал, потом догадался, привстал и стал искать второго Карпинского. Обнаружив портрет над своей головой, он улыбнулся. На заседании присутствовали профессор Фальборк, профессор Елагин, Беляев (секретарь Пушкинского Дома), учитель Балаев.

После официальной части присутствующие на собрании были приглашены в большой театральный зал, где выслушали доклады Эйхенбаума и Троицкого, посвященные памяти Л.Н. Толстого («Пушкин и Толстой»), а затем артистка Александринского театра Комаровская вдохновенно, прочувствованно произнесла из «Евгения Онегина» VIII главы монолог Татьяны и отрывок из «Анны Карениной» — «Встреча Анны с Сережей»; бас Шуванов, артистка Павлова-Боровик спели несколько романсов на тексты Пушкина; лирические стихотворения Пушкина хорошо декламировал Голубев.

С того момента, как в 1924 году я видел Карпинского в Пушкинских Горах, он не изменился. Такой же кругленький, совершенно седой, с постоянной лукавой улыбочкой, Александр Петрович поражал своей подвижностью. В дни Пушкинского юбилея он отказывался от услуг лошадей, которые следовали за ним по дорогам от Михайловского в Три-

горское, оттуда в Пушкинские Горы, из Пушкинских Гор в Михайловское. Таким же он оставался и через три года».

Число членов Опочецкого отделения Пушкинского общества продолжало расти. Работа ширилась и углублялась. В числе интересных мероприятий Общества было устройство викторины по творчеству Пушкина. О ней было объявлено за три месяца до ее проведения. Тексты из произведений подбирал сам Белинский (всего 20 выдержек). Все участники викторины, которых оказалось 15 человек, были приглашены на сцену. Участники викторины писали ответ, называя произведение, из которого взят был текст, героя, которому принадлежат слова, время написания произведения и т. п. Кроме 15-ти, сидевших на сцене, из публики, переполнявшей зал, несколько человек подавали ответы. Лучшие из них были даны казначейским служащим Павлом Горенковым. Премия (полное собрание произведений Пушкина) была присуждена ученику школы II ступени Сергею Телепневу, который дал только один ошибочный ответ и оказался победителем.

О работе Общества в городе много говорили. Пушкин стал интересовать очень широкие круги. Партийные работники стали поговаривать, что Пушкиным в Опочке больше интересуются, чем Лениным, Сталиным и вопросами политики. Летом с учениками и группами граждан Опочки Белинский неоднократно ездил на экскурсии к могиле поэта. Ученики загодя готовились к экскурсии: писали рефераты, разучивали стихотворения Пушкина, связанные с пушкинскими местами. Когда читали «Опять на родине», всегда удивлялись точности в описании тех мест, которые до последнего времени сохранились в том виде, как о них говорил поэт. «Прощание с Тригорским» у многих вызывало слезы. Экскурсия рассчитывалась на два дня, но каждый раз поступали настоячивые заявления о желании еще побродить по заповедным уголкам. С большим удовольствием ученики откликались на приглашение сплести венки на могилу поэта. Много старания вкладывалось в это дело. Набирали самых лучших полевых цветов, подбирали их с искусством, с любовью, чтобы венок действительно украсил могилу.

Опочецкое ГПУ следило за работой Общества. Закрывать Общество было бы неудобно; значит, надо было убрать наиболее активных работников. Несмотря на успешную педагогическую, общественную и краеведческую деятельность, в ноябре 1930 года Александр Иванович был арестован Псковским оперсектором ОГПУ по доносу: якобы он среди учащейся молодежи и педагогического персонала ведет антисоветскую

агитацию, распространяет провокационные слухи о скорой гибели советской власти, имеет связи с «бывшими людьми» и духовенством. При обыске у Белинского было обнаружено письмо высланного за контрреволюционную деятельность священника Лаврова и цифровые данные о состоянии опочецких парторганизаций ВКП(б), ВЛКСМ и пионеротряда³. С арестом А.И. Белинского филиал Общества друзей госзаповедника «Пушкинский уголок» в Опочке перестал существовать.

А.И. Белинский был осужден 30 января 1931 года тройкой ПП ОГПУ Ленинградского военного округа по ст. 58-10 УК РСФСР на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Реабилитировали его 13 сентября 1989 года⁴.

Отбыв срок заключения в лагере на Поповом острове (побережье Белого моря), Александр Иванович вместе с женой поселился в Новгородской области. В 1943 году их угнали в Германию. После возвращения на Родину Белинский занимался преподавательской деятельностью и жил в поселке Пола Старорусского района.

Но связи с Опочкой он не прерывал, вел переписку и сотрудничал с редакцией местной газеты «Красный маяк», на страницах которой печатались его краеведческие статьи, иногда совместно с Н.К. Польским — одним из инициаторов создания краеведческого музея в Опочке.

Александр Иванович Белинский умер в 1977 году, на 91-м году жизни. Похоронен на кладбище в Поле Новгородской области.

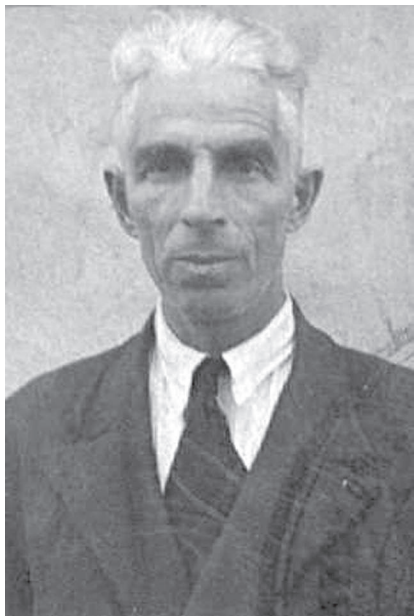
³ Воспоминания А.И. Белинского. Фонды Опочецкого краеведческого музея. Рукопись.

⁴ Отдел регистрации и архивных фондов (ОРАФ) УФСБ по Псковской области. АА-4223.

**ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ ВОЛКОВ —
ДИРЕКТОР ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА
С МАРТА 1928 ПО СЕНТЯБРЬ 1930 ГОДА.
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ**

Удивительны и неожиданны бывают источники информации! Иногда исследуемый материал не только открывает неизвестные страницы истории, но и направляет на дальнейшие поиски и исследования. Так произошло во время изучения документов Общества друзей «Пушкинского уголка»¹. В архивном деле хранится письмо в административный отдел Василеостровского районного совета Ленинграда, информирующее об изменениях в составе правления и ревизионной комиссии Общества за 1928 год. В письме представлены автобиографические данные о членах правления, и здесь впервые встречается информация о человеке, который занимал пост заведующего Пушкинским Заповедником с марта 1928 по сентябрь 1930 года. Сведений было совсем немного — полное имя и отчество, дата рождения, номер партийного билета, место работы, но они позволили продолжить поиск в других архивах и учреждениях. Прежде всего, имея имя и номер партийного билета, мы обратились с запросом в Российский государственный архив социально-политической истории и получили Регистрационную карточку члена ВКП(б), где были указаны места работы П.М. Волкова до 1935 года и, самое главное, была его фотография. Позднее было общение с Центральным государственным архивом историко-политических документов Санкт-Петербурга, Архивом Российской Академии наук, Государственным архивом Республики Крым, Архивом города Севастополя, музеями в Республике Крым, Калужским объединенным музеем-заповедником и Сергиево-Посадским государственным историко-художественным музеем-заповедником. Благодаря помощи неравнодушных сотрудников Музейного историко-мемориального комплекса 35-й батареи (Республика Крым) мы получили сведения о боевом пути во время Великой Отечественной войны и наградах П.М. Волкова. Его героическая биография в год празднования 80-летия Великой Победы как нельзя лучше дополняет комплекс

¹ Место постоянного хранения — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Петр Михайлович Волков

сведений о директорах-героях Великой Отечественной войны и актуализирует страницы истории Пушкинского Заповедника.

Петр Михайлович Волков родился в 1897 году, предположительно в Москве или ближнем Подмосковье в семье рабочего-перчаточника. В 16 лет он остался сиротой. Несмотря на рабочее происхождение, с ранних лет судьба предопределила Петру путь в сферу культуры и искусства. Окончив три класса Московского синодального училища и начальное городское училище города Москвы в 1908 году, он пошел работать певчим в церковный хор Иванова и Губонина в Москве. С начала 1911 года он работал приемщиком-накладчиком в литографии Бар-

нета, затем был год работы на Главпочтамте города Москвы. А далее 1914 год — начало Первой мировой войны, и Петр Михайлович призван в ряды российской армии. Он оказался на Юго-Западном фронте в 12-м стрелковом полку 3-й дивизии, где прослужил без малого три года. Вероятно, после ранения, с 1917 года он продолжил служить до июня 1920-го при санитарных поездках сначала на Юго-Западном, а потом на Польском фронтах. На Польском фронте он числится уже в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии, и в 1920 году подает заявление о вступлении в коммунистическую партию в Гомельский горком ВКП(б) (ему выдали партийный билет в горкоме Москвы в 1921 году). С июня 1920 по 1922 год он — политрук и военком Военно-санитарного управления на санитарных поездках.

Оседлая жизнь у Петра Михайловича началась с августа 1922 года в городе Сергиев в Московской области. Он недолгое время поработал лесозаготовителем, затем статистиком, заведующим отделом в Кустпромсоюзе, помощником директора в Сергиево-Посадском историко-

художественном музее. С начала 1926 года он переехал в город Севастополь, где работал научным сотрудником в музее и секретарем в отделе народного образования.

В июле 1927 года П.М. Волков был назначен директором музея «Оптина пустынь» в Калужской области. Бывший монастырь по декрету Ленина в 1924 году был взят под охрану государства как историко-мемориальный памятник и определен в подчинение Главнауке. Такое подчинение не устраивало местные уездные и губернские власти, так как вместе с собственностью монастыря под охрану государства попали лесные угодья с мачтовыми соснами, лишив власти возможности финансового обогащения. Началась бюрократическая война местных властей с «центром». Итогом ее стала ликвидация музея «Оптина пустынь», от которого в 1928 году осталась одна экспозиция, посвященная Л.Н. Толстому и являющаяся подразделением Калужского областного музея². Директор музея «Оптина пустынь» П.М. Волков был переведен в другой сельский музей, подчиненный Главнауке, расположенный «в местечке Пушкинские Горы»³.

В 1928 году Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР, не подлежащим опубликованию, музей «Пушкинский уголок» Псковского округа был выделен из состава ликвидированного Управления музеями в самостоятельную единицу и подчинен напрямую Наркомпросу⁴. Руководство П.М. Волкова продлилось до сентября 1930 года и являлось почти что самым продолжительным в списке других быстро сменяющихся руководителей музея. Вспомним их имена:

Василий Митрофанович Никифоровский	декабрь 1923 — октябрь 1924
Александр Иванович Щеголев	декабрь 1924 — декабрь 1925
Федор Павлович Павлов	декабрь 1925 — декабрь 1927
Петр Михайлович Волков	март 1928 — сентябрь 1930

² История Оптиной пустыни // Оптиная пустынь: официальный сайт Введенского ставропигиального мужского монастыря [Электронный ресурс: <https://www.optina.ru/history/optina/>].

³ Так назван поселок в Регистрационной карточке члена ВКП(б) П.М. Волкова.

⁴ Постановление Совета народных комиссаров РСФСР № 60 п. 6 от 26.06.1928г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 12-а. Д. 74. Л. 15.

Надежда Леонидовна Пацко	ноябрь 1933 — июль 1934
Сергей Александрович Семенов	июль 1934 — декабрь 1935
Василий Захарович Голубев	декабрь 1935 — декабрь 1937
Павел Ефимович Безруких	март 1938 — январь 1940
Константин Мамертович Ходасевич	январь 1940 — январь 1941
Михаил Зиновьевич Закгейм	май 1941 — февраль 1945

Вместе с хозяйством «Пушкинского уголка», которое включало 52 гектара земли вокруг села Михайловского и 15 гектаров в Тригорском⁵, новый директор Волков «унаследовал» постоянные тяжбы с местным населением и властями за сохранение целостности этих заповедных земель. Он выступал против сноса собора, против вырубки заповедного леса, против организации Дома отдыха и личных дач на заповедной территории. Петр Михайлович вел активную просветительную и разъяснительную работу среди местного населения о том, «что Заповедник представляет собой природный памятник, тесно связанный с жизнью и литературным творчеством А.С. Пушкина». Результатом этой просветительной деятельности стало регулярное посещение музея крестьянами, которые приходили группами по 10–15 человек и после прослушанной экскурсии «делились рассказами своих стариков, знавших Пушкина лично»⁶.

В бытность свою директором музея Петру Михайловичу приходилось дипломатично решать вопросы с Пушкинским районным комитетом ВКП(б), выполнять распоряжения Народного комиссариата просвещения РСФСР и консультироваться с научным сообществом в Академии наук, Пушкинском Доме и Обществе друзей «Пушкинского уголка». Так, в начале своей карьеры весной 1928 года он убедил районный исполнительный комитет, а через него организации, распола-

⁵ Святогорский монастырь находился в ведении районного исполнительного комитета; в монастырских постройках располагались учреждения; собор и особенно колокольня, на которую установили антенну, разобрав железное покрытие крыши, находились в стадии активного разрушения настолько, что поднимался вопрос о полной ликвидации.

⁶ По сведениям из письма П.М. Волкова в Пушкинский райком ВКП(б) о состоянии Заповедника, приведенного в статье И.И. Андреевой «Пушкинский уголок» в 1920–1930-х годах» (Псков. 2012. № 37).

гающиеся на территории бывшего Святогорского монастыря, провести ремонт монастырской стены, «дабы картина разрушения не нарушала общего пейзажа вокруг памятника»⁷. Для уборки хлама и мусора внутри собора Волков организовал субботник и ходатайствовал перед Главнаукой о «срочном приеме в свое ведение здания бывшего собора и об ассигновании требующихся сумм на ремонт последнего ввиду крайне плохого его состояния»⁸.

Активные действия нового директора не остались незамеченными в обществе пушкинистов. Правление «Общества друзей «Пушкинского уголка» констатировало улучшение положения музея после назначения П.М. Волкова⁹. Он выступил с докладом о состоянии Заповедника на общем распорядительном собрании Общества 15 октября 1928 года, подготовил план работы музея, список необходимых для музея экспонатов и материалов. По заданию Общества методист Губполитпросвета Татьяна Николаевна Черепнина провела переговоры с Государственным музейным фондом, Государственным книжным фондом, Пушкинским Домом, Центральным бюро краеведения, Комитетом популяризации художественных изданий о выделении и передаче в Заповедник предметов для экспонирования. В итоге для музея были выделены: гарнитур из карельской березы со стульями и креслами, портреты современников Пушкина, виды Царскосельского Лицея и других мест, связанных с жизнью А.С. Пушкина, книги и литературные альманахи начала XIX века, фарфор, репродукции с портретов Пушкина и членов его семьи, иллюстрации к произведениям. На средства Общества был приобретен большой портрет А.С. Пушкина в ореховой раме. Вместе с Т.Н. Черепниной Волков работал над созданием экспозиции в правом флигеле бывшей Колонии для престарелых литераторов.

В своем письме в райком ВКП(б) о состоянии Заповедника П.М. Волков писал: «В доме, отведенном под Музей-выставку, имеется пять комнат, из коих в настоящее время оборудовано три: 1. Выставка, посвященная пребыванию А.С. Пушкина в Михайловском, 2. Бытовая комната начала XIX века, 3. Библиотека-читальня для интересующихся литературой вообще и в частности имеющая направление «Пушкин

⁷ Резолюция по докладу заведующего Госзаповедником т. Волкова о состоянии Пушкинского Заповедника. К бюро РК ВКП(б) от 9 мая 1928 года // Псков. 2012. № 37. С. 194–196.

⁸ Там же.

⁹ Отчет Общества друзей «Пушкинского уголка» за 1928 год.

и современные ему писатели». К разворачиванию четвертой и пятой комнат приступили, там предполагается создать образы литературных типов Пушкина в художественном изображении и «Уголок флоры и фауны Пушкинского района»¹⁰.

В отчете 1929 года, направленном в Президиум Академии наук, П.М. Волков указывает, что фонд библиотеки-читальни включает до 1 000 единиц хранения, в этом помещении ведется работа над выставкой иллюстраций к пушкинским произведениям. Вместо «Уголка флоры и фауны» в отчете появляется задача сделать краеведческий музей, рассказывающий не только о природе, но и раскрывающий тему исторически значимых архитектурных объектов Пушкинского района. Пушкинский Заповедник представляется как «очаг культурного времяпрепровождения широких масс населения», где проходят экскурсии, лекции, спортивные мероприятия, праздники, беседы с деятелями культуры¹¹.

Большое внимание в отчете директор уделил описанию хозяйства Пушкинского Заповедника. «Имеется у музея-заповедника леса 300 га. Отходы от леса используются для нужд самого Заповедника по ремонту зданий и т. д., на топливо и частью на продажу местным организациям и населению (за 1928 и начало 1929 года выручено 1 190 рублей). Лесоустройство не проведено, но намечено на 1929–1930 годы. Порубок в лесах почти нет. Охраняется двумя лесниками, живущими на кордонах, с оплатой в месяц 30 рублей каждому. Из сельхозугодий у музея имеется около 45 га пахотной земли. В текущем году земля использована была по большей части самим музеем путем обработки под разные культуры, а именно: лен 6 га, овес 6 га, клевер 3 га. Корнеплоды, овощи и картофель — около 17 га. Обработка и уборка полей, покосы проводились путем найма из окрестных крестьян. Всего от земельных угодий получено за 1928/29 год 2 130 рублей и израсходовано 900 рублей. Остаток чистый в пользу Заповедника 1 200 рублей, не считая корма для скота. Из скота имеется: три лошади, одна корова. Из хозяйственных построек имеется: скотный двор не отделанный (на 30–40 голов скота), каменный амбар 13 × 10 метров, ледник каменный, конюшня на три лошади, амбар деревянный, баня курная, повесть трехстенная, гумно

¹⁰ Из письма П.М. Волкова в Пушкинский райком ВКП(б) о состоянии Заповедника, приведенного в статье И.И. Андреевой «Пушкинский уголок» в 1920–1930-х годах» (Псков. 2012. № 37).

¹¹ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 1. Д. 106. Л. 54–56.

с реем, дом для служащих на 4 комнаты, дом для административного персонала на 4 комнаты и пятая — кухня. Все здания в более или менее удовлетворительном состоянии. Требуется необходимый капитальный и текущий ремонт. Сельскохозяйственный инвентарь имеется: 3 плуга, пружинная борона, сенокосилка, веялка, 3 телеги, 2 дрожки, 2 саней, 2 розвальней. К реализации есть продукты сельского хозяйства: 210 пудов овса, отделанного льна около 200 снопов, солома — 250 пудов и прочее. Продано за последнее время 5 вагонов клевера — сена. Получено за аренду сада в текущем году 300 рублей. Из собственных средств музея проведен телефон в музей (расстояние 5 км). Куплен хозяйственный инвентарь на сумму 500 рублей на средства музея. Дано на улучшение музея 250 рублей в 1928 году».

Штат госзаповедника «Пушкинский уголок» на тот момент состоял из восьми человек: заведующий, два лесника, три сторожа, заведующий экскурсионной базой и уборщица. Последних двух принимали только на период летнего сезона. Посещаемость музея, согласно отчету, составляла около трех тысяч человек.

С весны 1929 года начинаются изменения в государственной политике, касающейся государственных музеев; в управлении рассматривались вопросы объединения, слияния и даже закрытия музеев. Наркомфин разработал и предложил на обсуждение в Главнауку проект о передаче некоторых музеев на местные бюджеты; среди «некоторых» был и музей «Пушкинский уголок». Главнаука 14 мая 1929 года представила в Наркомфин заключение, в пункте 10 которого возражает против перевода госзаповедника в селе Михайловском на местный бюджет, обосновывая это тем, что он «может существовать и развиваться только в связи с крупнейшими центральными музейными учреждениями, в частности с Пушкинским Домом и Академией наук. Тем более, что довольно глухое местонахождение этого музея (станция Опочка Псковской губернии) с одной стороны и значительное число направляющихся ежегодно в Пушкинский уголок экскурсий требуют от центра особо внимательного к нему отношения»¹².

В течение 1929 года в пушкинские места в Псковской области неоднократно направлялись аудиторы и инспекции. В документации Государственного института опытной агрономии присутствует докладная записка в правление института от заведующего отделом

¹² ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 14. Д. 21. Л. 1–1 об.

земледелия (без фамилии и инициалов) от 6 сентября 1929 года. «Хозяйство госзаповедника «Пушкинский уголок» находится в настоящее время в полном упадке, несмотря на прекрасные почвенно-климатические условия и обеспеченный сбыт любых продуктов. Причина в том, что Главнаука интересуется только садами и парками своего Заповедника и на хозяйство не обращает внимания. Чтобы поставить на ноги хозяйство 139,23 га пашни и 13,89 га луга, нужно затратить примерно десять тысяч рублей в два года на разные улучшения и постройки. Главнаука должна была это сделать, чтобы бесхозяйственность не подрывала уважения к государству у местного населения. Для отдела земледелия ГИОА этот пункт не представляет научного интереса, но после преобразования хозяйства может быть как опорный пункт изучения льняной культуры»¹³.

Одновременно усложняется взаимодействие музея с районным исполнительным комитетом. Описание политической ситуации в районе, где, по мнению руководящих организаций, музей-заповедник должен быть авторитетом и рупором государственной пропаганды, П.М. Волков приводит в письме в Главнауку от 4 декабря 1929 года. «Район должен в 1929/30 году выполнить производственное кооперирование крестьянского населения на 30% от всего состава крестьянских хозяйств, в силу чего перед всеми организациями района, а также от музея требуется максимальная активно-творческая работа по выполнению этих общих задач... Главная помеха состоит в том, что музей до сих пор не может как следует поставить свое сельское хозяйство, ввиду отсутствия достаточных средств на это дело, отпускаемых [как] со стороны Главнауки, так и со стороны других организаций, в которые музей обращался неоднократно в течение двух лет. Это в сильнейшей степени вредит как авторитету музея, так и Главнауки. Нерешение этого вопроса вызывает нарекания местных советских партийных организаций и окрестного крестьянского населения, которое указывает нам — работникам музея на то, чтобы мы сперва у себя поставили хозяйство как следует, а потом уж агитировали в сторону коллективизации. Подчеркивая вышеизложенное, я еще раз в категорической форме требую от Главнауки практического и скорого разрешения этого вопроса, дабы прекратить всякие нападки на музей и на Главнауку»¹⁴.

¹³ Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. Р-179. Оп. 11. Д. 1102. Л. 63.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 1. Д. 106. Л. 62–63.

Для сохранения за «Пушкинским уголком» статуса музея-заповедника, со всеми вытекающими охранными обязательствами, в период, когда страна взяла курс на коллективизацию и индустриализацию, П.М. Волков разработал приемлемую на его взгляд концепцию внедрения принципов сельского хозяйства в музейное учреждение: «В части использования сельского хозяйства в будущем вопрос должен быть разрешен в следующем направлении. Земля будет обработана машинно-тракторной станцией, создающейся в районе на договорных началах, что прекратит сдачу части земель в аренду крестьянам и облегчит работу музея, сократит расходы и поднимет урожайность. Основная задача — организация молочной фермы для питания экскурсантов, снабжения местного рынка и развития племенного скота. Исполнение этого дела есть претворение в жизнь пятилетнего плана подъема сельского хозяйства в районе. Эти мероприятия поддерживаются местными организациями в целом»¹⁵.

В планах музея на 1930/31 год, отправленных руководству Главнауки и согласованных с правлением Общества друзей «Пушкинского уголка» (куда Петра Михайловича Волкова включили в марте 1929 года) было не только внедрение новых принципов хозяйствования. В начале 1930 года П.М. Волков активно занимается устройством музея. Он планировал сделать краеведческий музей в здании собора Святогорского Свято-Успенского монастыря в Пушкинских Горах, подвести электричество к зданию собора, чтобы осветить Некрополь Ганнибалов — Пушкиных. В начале 1930-х годов были запланированы работы в парках Михайловского и Тригорского, пополнение экспозиции в Михайловском изобразительными и рукописными материалами и даже проектные работы по воссозданию пушкинского дома взамен утраченного «для приведения в законченный вид усадьбы»¹⁶. В поисках экспонатов директор музея-заповедника обращался в Главнауку и Музейный отдел Наркомпроса, чтобы из ликвидируемого в этом году музея «Остафьево» — бывшей усадьбы Вяземских, «вещи, имеющие отношение к памяти А.С. Пушкина, передать в ведение Пушкинского государственного заповедника»¹⁷.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 1. Д. 106. Л. 53–55.

¹⁶ Краткий план работы музея «Пушкинский уголок» на 1930–1933 годы // ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 1. Д. 106. Л. 56–61.

¹⁷ Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 813. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 об.

История и судьба распорядились так, что осуществлять эти грандиозные планы, всесторонне согласованные и одобренные, в 1931 году было уже некому. После того как осенью 1929 года Луначарский был смещен с поста наркома просвещения, во всех научно-культурных кругах и учреждениях прошла смена курса. В Академии наук в начале 1930-х годов был принят новый устав, начались структурные изменения во всех подведомственных институтах, в том числе в Пушкинском Доме. В 1930 году, несмотря на массовость, активную деятельность и авторитет, Общество друзей «Пушкинского Уголка» резко прекратило свое существование. Преобразования коснулись и Главнауки, которая в 1930 году была преобразована в сектор науки Наркомпроса. Попытки П.М. Волкова сохранить госзаповедник как музейное учреждение с добавлением сельскохозяйственного направления не увенчались успехом, несмотря на активное взаимодействие со всеми руководящими структурами. Прежде всего для обострения ситуации на местах был применен метод «бюджетного недофинансирования музея». Вместо положенных по смете на текущий год 15 тысяч рублей в Заповедник было отпущено 6 558 рублей, из которых: 3 758 рублей заработная плата восьми сотрудников, 2 000 — капитальный ремонт, 500 рублей — хозяйственные расходы¹⁸.

Параллельно с недофинансированием появляются критические статьи о работе музея в прессе и докладные записки (читай — доносы) в Ленинградский областной отдел народного образования (ЛООНО). Один из них приводится в публикации директора Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО) И.И. Андреевой в журнале «Псков» (2012. № 37). Автор «записки» С. Абашидзе сетует, что на надгробном памятнике А.С. Пушкина в монастыре «только надписи умер-родился и нет никаких сведений о том, кто был Пушкин»;

«Въезд в сосновый лес и дальше исторический лес вековых елей ничем не оживляется. Никаких следов Пушкина или о Пушкине здесь нет»;

«Этикетаж в музее сух и лаконичен, носит исключительно информационный характер»;

«Самовара нет, прислуги нет, постели нет, и вообще ничего нет»;

¹⁸ Информация из Отчета инспектора по музеям ЛООНО // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 40. Л. 6.

«Огромные возможности здесь не использованы, хотя эти возможности хозяйственно не только необходимы, но и экономически могли бы с лихвой покрыть все расходы, связанные с развертыванием здесь хозяйства: прекрасные пастбища и наличие строевого леса, огромных помещений для скота дают возможность развернуть показательное хозяйство не менее 30 голов (для начала, конечно), развернуть свиноводство и разведение птицы».

На завершающем этапе в сентябре 1930 года в музей были направлены инспекторы из ЛООНО с целью выявить недостатки в денежной, инвентарной и материальной отчетности. Каждый командированный инспектор написал свой подробный отчет с перечислением всех выявленных недостатков работы. Например, в инвентарно-материальной отчетности «записи по материалам ведутся совершенно неправильно», «на странице 27 в разделе «бытовые вещи» записаны два будильника совершенно поломанных», «оценки имущества, находящегося в личном пользовании у служащих, нет», «в продуктивно-фуражной книге записи частично проводятся общей суммой», и так далее¹⁹.

В итоге группа проверяющих пришла к выводу о необходимости отстранить от работы заведующего Заповедником П.М. Волкова и его помощника и организовать на заповедной площади совхоз, закупив для этого рогатый скот, свиней, водоплавающую птицу²⁰. Позднее, описывая этот период жизни музея во «Временнике Пушкинской комиссии», М.М. Калаушин скажет так: «Облполитпросветом решено было подвести под работу Заповедника сельскохозяйственную экономическую базу, основанную на хозяйственной эксплуатации всех его пахотных и сенокосных угодий и тем самым превратить весь Заповедник в показательный совхоз. Не справившись с этой задачей, Облполитпросвет решил передать весь Заповедник Ленинградскому музею социалистической реконструкции сельского хозяйства»²¹.

После увольнения с должности заведующего госзаповедником «Пушкинский уголок» П.М. Волков еще на год задержался в Пушкинских Горах, до сентября 1931 года работая в «Льносоюзе» и, возможно, ожидая, что ситуация в музее нормализуется. Но в 1931 году

¹⁹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 40.

²⁰ Телеграмма в сектор науки Наркомпроса от 23.09.1930г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 40. Л. 1.

²¹ *Калаушин М.* Пушкинские места // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 1. М. ; Л., 1936. С. 390.

ОТЧЕТНАЯ
КАРТОНКА

на №/б

№ 0364343

По заполнении подлежит обязательному
возвращению в ЦК ВКП (б)

Заполняется разборчиво чернилами исключительно
на русском языке

Фамилия

Волков

Имя и отчество

Петр Михайлович

Год рождения

1897.

Время вступления в партию

Май 1921 года

Наименование организации, выдавшей билет

Севастопольский горком ВКП(б) Крымской АССР

Личная подпись

[Handwritten signature]

М. П.

Секретарь Райкома

[Handwritten signature]

[Handwritten signature]

1936 г.

Отчетная карточка на партийный билет П.М. Волкова. 1936 год

он возвращается в культуру — его направляют в Москву на курсы музейных работников при Наркомпросе. С июля 1932 по март 1933 года он работал в Ленинграде инспектором по музеям в отделе народного образования. В феврале 1933 года в ЛООНО пришло письмо из Киргизского научно-исследовательского института культурного строительства с просьбой откомандировать П.М. Волкова в город Фрунзе²². После длительной командировки в Киргизскую АССР, где он участвовал в создании музея при Институте культурного строительства, Волков работал в Музее революции в Ленинграде. В июне 1935 года он переехал в Севастополь, где работал заведующим Музея революции.

Из данных, представленных на сайтах, посвященных Великой Отечественной войне, мы узнали, что капитан Петр Михайлович Волков служил на Крымском фронте в 436-м отдельном батальоне аэродромного обслуживания и в 474-м отдельном батальоне аэродромного обслуживания. Был представлен к награждению медалями за участие в обороне Одессы и Севастополя. Закончил военную службу 5 января 1944 года в возрасте 47 лет; награжден медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

На сегодняшний день отсутствуют сведения о семье П.М. Волкова, нет информации о его трудовой деятельности после Великой Отечественной войны. О том, что жизненный путь его был долг, свидетельствует награда — орден Отечественной войны II степени, полученный им в феврале 1987 года в Москве.

Подробности того, что произошло в пушкинских местах Псковской области в первой половине 30-х годов XX века, еще предстоит выяснить, откроются и тайны биографии директора музея с 1928 по 1930 год П.М. Волкова.

²² Письмо-вызов на П.М. Волкова // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД). Ф. Р-1728. Оп. 1-14. Д. 104758.

ИЗГНАННЫЕ ИЗ ПАРАДИЗА

Много лет назад — теперь уже можно сказать именно так — Татьяна Семеновна Гейченко привезла в петергофскую библиотеку качественные фотокопии писем из семейного архива. С дотошностью профессионального искусствоведа и исследователя она снабдила их как подробными комментариями с расшифровкой рукописного текста, так и пояснениями, какие именно люди скрыты под домашними именами упомянутых в письмах персоналий. Многие из упомянутых лиц сыграли важную роль не только в истории семьи Гейченко, но внесли немалый вклад в науку и культуру довоенного СССР. А события, в письме упомянутые, стали одной из самых трагических страниц истории Петергофа — малой родины Семена Степановича Гейченко.

Письма и тексты долго лежали в папке, ждали своего часа, но, видимо, пришло их время. Возможно, это связано с юбилеем Великой Победы, ибо датированы письма 1943 годом, а события, о которых идет речь, начинаются в сентябре 1941 года, когда фашистские войска захватили Петергоф, где до этого момента проживала большая семья Гейченко.

Будет не лишним напомнить, что в семье Стефана Ивановича и Елизаветы Матвеевны Гейченко было пять детей: единственный наследник — Семен (1902 г.р.) и четыре дочери. Старшая сестра Лидия умерла, как и отец, незадолго до начала войны, в конце 1930-х годов. О судьбах матери и трех других дочерей — Марии, Зинаиды и Александры, оставшихся в Петергофе, можно узнать из двух писем младшей сестры, Александры Степановны Муреевой, и небольшого послания, практически записки, написанной Семеном Степановичем, судя по дате 12 июля 1943 года, еще в СевУралЛаге.

В 2024 году исполнилось 100 лет с того момента, как Семен Степанович был принят в Петергофские музеи, дворцы и парки, где проработал до 1938 года. В 1938–1939 годах был сотрудником Русского музея, в 1939-м перешел на должность научного сотрудника Института русской литературы (ИРЛИ) АН СССР. Здесь он числился до 17 июля 1941 года — момента вынесения приговора по ст. 58-10, по которой был осужден на 10 лет. Так и попал в СевУралЛag, куда брату пишет письмо младшая сестра Александра (в замужестве Муреева). Анализируя текст,

можно предположить, что письмо, датированное 15 апреля 1943 года, — первое письмо, которое смогла отправить Александра Степановна за почти три года разлуки с братом.

«Здравствуй дорогой Сёмочка!

Я Мама и Зина Светлана, Дода и Мика крепко, крепко целуем тебя и желаем тебе здоровья, благополучия и всего самого хорошего.

Дорогой Семёнушка! Что сделал окаянный Гитлер с нашей семьей!!! Разорил нас и рассеял по всей стране» (орфография и пунктуация автора сохранены).

* * *

Довоенный Петергоф. Большая слобода. Именно здесь начинался Петергоф, здесь начинается еще с петровских времен история малой родины Гейченко. Здесь, в Большой слободе Старого Петергофа поставил Петр Великий первую, тогда еще деревянную церковь, которую потом перестроили в большой каменный храм, освященный в честь иконы Знамения Божией Матери. Именно в этом полковом храме лейб-гвардии Конно-гренадерского полка крестили младенца Симеона.

Второй скачок в развитии Петергоф совершил во времена правления Николая I. В 1836 году здесь указом императора впервые были введены названия улиц и нумерация домов. Именно с этого момента, по мнению петергофского краеведа В.А. Гущина, Большая слобода начала облагораживаться. Здесь во второй половине XIX века появились дачи представителей высшего света, например, принца П.Г. Ольденбургского. Отдыхали в этих местах и лучшие представители отечественной культуры — Н.А. Некрасов, П.И. Чайковский. На летний период в Английский дворец вывозили придворную певческую капеллу, воспитанников которой сопровождали Н.А. Римский-Корсаков и А.П. Бородин. Великий пианист и композитор Антон Григорьевич Рубинштейн много времени проводил на петергофской даче, расположенной на той же Знаменской улице, где уже после его смерти, но до самого начала Великой Отечественной войны жила и семья Гейченко. В довоенный период Большая слобода была густонаселенным районом Петергофа, где жили уже не вельможные дачники, но многочисленный мастеровой люд. Ведь рядом располагались и Петергофская гранильная фабрика (перед войной завод точных технических камней), и любимые места отдыха трудящихся Ленинграда — музеи, дворцы и парки Петергофа.

До 1941 года здесь было 15 улиц. Теперь — осталась всего одна, переименованная из улицы Знаменской в Собственный проспект.

О красоте этих мест писали неоднократно. Сложно сказать об этом лучше, чем написано в стихотворении уроженки здешних мест Елены Павловны Семеновой (Максименко), сверстницы Семена Степановича, с которым она постоянно переписывалась и общалась.

...Над Петергофской перспективой,
Что шла вдоль Финского залива,
Был выстроен высокий мост
И малый мост у водопада.
В тени деревьев была прохлада.
Церквушка встала на горе.
Псалмы звучали на заре.
И поселился над оврагом
Люд петергофский трудовой...

Вот этот-то овраг и стал в конце сентября 1941 года линией фронта и передним краем обороны Приморского-Ораниенбаумского плацдарма на целых два с половиной года. Александра Степановна Муреева (Гейченко) пишет: «Мама и Зина с детками просидели в окопах четыре с половиной месяца, то есть до декабря 1941 года. В январе месяце 1942 г. их смогли эвакуировать и в конце января того-же 42 г. я с Зорой смогла их вывезти в Ленинград» (орфография и пунктуация автора сохранены).

Фашисты в сентябре 1941 года наступали стремительно. 16 сентября немецко-фашистские войска вышли к Финскому заливу в районе завода «Пишмаш» и стали быстро, несмотря на упорные бои, продвигаться через Стрельну к Петергофу. Беженцы двигались также в сторону Ораниенбаума. Жители не верили и, конечно, не знали, что им придется надолго, а кому-то и навсегда, покинуть свои дома. Встречавшиеся на пути военные говорили про упорные бои, и всем казалось, что пройдет несколько дней, и всё вернется на свои места. Можно предположить, что и Елизавета Матвеевна с дочерьми Зиной и Марией (Мусей) и внуками оставались в окопах рядом с линией фронта так долго, следуя той же логике. Укрепления между домами в Петергофе строили еще летом, это были так называемые щели, предназначенные для укрытия прежде всего от воздушных атак немецкой авиации.

Многие жители укрывались не только в щелях, но в подвалах и бомбоубежищах. Часть укрылась в бомбоубежище Гранительной фабрики — завода ТТК. Многие — в подвалах церкви Знамения Божией Матери, которые находились совсем рядом с передовой.

Сандружинница 111-го медико-санитарного батальона 10-й Краснознаменной стрелковой дивизии (КСД) Александра Михайловна Савельева вспоминала о тяжелых боях и работе полевого госпиталя, размещавшегося с конца сентября 1941 года в усадьбе Сергиевка (Биологическом институте), расположенной совсем рядом с линией фронта:

«Всего в сентябрьско-октябрьских боях через руки воинов-медиков 10-й дивизии прошло свыше трех тысяч бойцов и командиров и много жителей Стрельны, Петергофа и окрестных деревень. Помню, как в начале 20-х чисел сентября к нам в госпиталь поступили раненые дети из бомбоубежища Гранительной Петергофской фабрики, в которое попала бомба. Я увидела удивленно-испуганные лица ребят, застывшие на лице слезы и забинтованные головы, ноги и ручонки. Такое невозможно забыть никогда»¹.

Через несколько дней после захвата Петергофа фашисты выгнали всех жителей из прифронтовой зоны под страхом расстрела. Эта колонна беженцев двигалась по захваченной территории через Красное Село на Гатчину. Большая часть беженцев — женщины, старики, дети. Вот как описывает этот исход житель довоенного Петергофа Евгений Евгеньевич Кепп:

«По улице Коноплянниковой и далее по Ропшинскому шоссе, занимая всю его ширину, потянулась печальная колонна петергофцев. Кто вез свой скarb на ручных тележках, в детских колясках, кто тащил кладь на себе. Взять возможно было лишь продукты, в основном сухари, да одеть на себя что получше»².

Те жители Петергофа, что успели перейти Овражный и Троицкий ручей или остаться на территории Большой Слободы, ждали, что всё «скоро закончится» и можно будет вернуться. Часть беженцев перемещалась в подвалы церкви Святого Лазаря на Троицком-Приморском кладбище. Бои шли рядом. В Ораниенбаум можно было дойти только

¹ Савельева А.М. Бойцы в халатах // Память подвигу. Воспоминания 10-й Краснознаменной стрелковой дивизии (1941–1945 годы). Л., 1991. С. 143–147.

² Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге (ЛОГАВ). Ф. 118. Оп. 2. Д. 18.

пешком, оттуда и из Большой Ижоры можно было баржами добраться до Ленинграда.

Беженцы уже в октябре начали понимать, что вернуться к прежней жизни не получится.

Хирург полевого госпиталя 10-й КСД, который находился в Старом Петергофе до 20-х чисел октября, Александр Дмитриевич Агушев пишет про обстановку тех дней: «В госпитале по-прежнему приходилось делать операции под обстрелами, вражеской бомбежкой. Немецкая авиация бомбила передний край и тылы дивизии, города Ораниенбаум и Кронштадт. Налеты, пикирующие самолеты прижимают воинов к земле, и земля их спасает. Не только страх, а прежде всего чувство самосохранения, необходимости как можно дольше продолжать борьбу с врагом заставляло воинов ложиться в грязные канавы или воронки»³.

Александра Семеновна пишет: «Мусенька погибла. От нашего родного города, где мы родились остались одни развалины, весь стерт с лица земли. Своей квартиры в Ленинграде я лишилась 7 октября 1941 года и вторичной временной квартиры 8 ноября 1941 года. Мы пережили все ужасы войны. В сердце полно гнева против ненавистного врага, даже наша старая мать говорит: «Эх если бы я бы была здорова и помоложе пошла бы на фронт помогать нашим воинам» (орфография и пунктуация автора сохранены).

В рукописных комментариях к тексту письма Татьяна Семеновна Гейченко пишет, что Мусенька (Мария Степановна, в замужестве Петрова) всё-таки выжила: «Она в один из моментов обстрела выскочила из окопа и побежала, и попала в плен к немцам. Дальше ее угнали в Эстонию». После освобождения Прибалтики она смогла приехать в Тбилиси, где к тому времени были Елизавета Матвеевна, Александра Степановна с дочкой Светланой и Семен Степанович. После войны Мария жила в Эстонии в городе Кохтла-Ярве. В Ленинград ей удалось вернуться только в конце жизни.

Петергоф был захвачен фашистами 23 сентября. 5–6 октября были высажены десанты, но Петергоф освободить не удалось. Были и другие попытки, но тоже неудачные. К концу октября ни одна из сторон не могла вести активных боевых действий. Линия обороны стабилизировалась. Наши бойцы удерживали эту линию обороны до января 1944-го.

³ Агушев А.Д. С трудового на армейский фронт // Памяти подвигу. С. 135–143.

Видимо, плохое самочувствие не позволило Елизавете Матвеевне быстро покинуть прифронтовую зону и уйти в Ораниенбаум в сентябре вместе с основной волной беженцев, что и привело к тому, что она с Зинаидой Степановной и внуками, судя по письму, пробыла «в окопах» с конца сентября по середину декабря 1941 года. Время исчислялось, по-видимому, количеством неполных месяцев (сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь).

«Нужно тебе сказать, родной, что она [Елизавета Матвеевна] чувствует себя совсем плохо, почти не встает. Анатолий приложил все старания, чтобы помочь нам, и я считаю, что мы остались живы только благодаря ему».

Сложно не согласиться с Александрой Степановной Муреевой. Её муж Анатолий Матвеевич Муреев сыграл важную роль не только в семейной истории, но и в истории советской авиации.

Фамилию этого знаменитого в довоенное время летчика, одного из «сталинских соколов», мы встречаем в архивных списках 1 923-х курсантов Качинского летного училища и в списках 18-го выпуска (1926) Борисоглебского высшего военного авиационного училища, не случайно ныне носящего имя Валерия Чкалова. Анатолий Матвеевич с курсантских времен был хорошо знаком не только с такими знаменитыми сверстниками, как Чкалов и Водопьянов, но и с теми, кто часто летал на Петергофском аэродроме Балтийского флота — месте очень важном и популярном для летчиков в двадцатые-тридцатые годы. А.М. Муреев родился в Петергофе в 1901 году. Капитан Муреев награжден двумя орденами Красной Звезды (26.08.1944, 6.11.1945), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В комментариях к письмам Татьяна Семеновна Гейченко пишет:

«Третье письмо написано младшей сестрой С.С. — Александрой Степановной Муреевой из Молотова, куда она с дочерью Светланой и матерью Елизаветой Матвеевной была эвакуирована — перевезена [из Ленинграда] самолетом, которым управлял ее муж — Анатолий Матвеевич Муреев... — известный летчик, полярник, друг М.В. Водопьянова. [Он] воевал, также во время войны возил наркома и члена Государственного Комитета Обороны — Л.М. Кагановича».

Из письма Александры Степановны узнаем и точную дату ее прибытия в Молотов — 21 марта 1942 года: «Работаю я, дорогой брат не покладая рук, отдаю все силы работе и готова работать еще лучше, чтобы разгромить скорее врага» (орфография и пунктуация автора

сохранены). Поразительно мужество и милосердие эвакуированных ленинградцев!

А вот другая выдержка из письма Александры Степановны: «Дорогой Семёнушка у меня семья из 6-ти человек, работаю я одна, но думаю взять на воспитание ребенка сироту, чтобы заменить ему мать, и, хотя бы этим помочь родине» (орфография и пунктуация автора сохранены).

Шесть человек — это мать Елизавета Матвеевна, дочь Светлана, сестра Зинаида и ее дети Дора и Михаил. Зинаида Степановна, во втором замужестве Филина, из Ленинграда выехала с большим трудом и добралась в Молотов только к марту 1943 года. Первым ее мужем в Петергофе был Игорь Шеманский (в комментариях Татьяны Семеновны Шиманский) — младший брат Анатолия Владимировича Шеманского, с которым Семен Степанович работал в Петергофе. В комментариях к письмам Татьяна Семеновна упоминает о встрече Зинаиды с бывшим мужем Игорем Шеманским по пути в Молотов в Соликамске. Коллега Семена Степановича по работе в Петергофе Анатолий Владимирович Шеманский, как известно, был арестован в 1937 году и осужден. Призван в действующую армию в начале июля 1941 года. Младший лейтенант, командир роты 320-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта. Убит в бою в середине января 1942 года⁴.

Александра Степановна упоминает в письме и других коллег С.С. Гейченко по музейной работе в довоенное время. «Павел и Люся, не помню их фамилию... ушли добровольцами на фронт. Соколовский Михаил тоже».

Павел Николаевич Шульц (1900–1983), друг Семена Степановича еще с университетских времен «и на всю жизнь» — выдающийся советский археолог и историк искусства, сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, кандидат искусствоведения, профессор, организатор и бессменный руководитель Тавро-скифской экспедиции. Научное наследие ученого включает более 60 работ. С началом Великой Отечественной войны П.Н. Шульц ушел добровольцем в народное ополчение, попал к партизанам. В 1942 году получил ране-

⁴ Шеманский Анатолий Владимирович // Книга Памяти блокадного Ленинграда: проект о жителях и защитниках блокадного Ленинграда: сайт [Электронный ресурс]: https://blockade.spb.ru/card/?id=5777760&source=main&utm_source=pmt_detail].

ние в голень, отморозил пальцы на обеих руках. Инвалид I группы — Павел Николаевич Шульц имел протезы кистей — стал преподавателем в Суриковском институте и МГУ. С августа 1945 года возглавил регулярные раскопки Неаполя Скифского. В 1948 году по предложению Президиума АН СССР П.Н. Шульц организовал научно-исследовательскую базу Академии наук в Крыму. С 1966 года ученый возглавил античный отдел Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Люся — Валентина Алексеевна Головкина, жена П.Н. Шульца — известный искусствовед и археолог.

Михаил Владимирович Соколовский — один из основателей, режиссер Ленинградского театра рабочей молодежи (ТРАМ), с которым Семен Степанович создавал театрализованные экскурсии в Петергофе в 1930-е годы, погиб в августе 1941 в боях на реке Оредеж на Лужском рубеже.

Письмо Александры Степановны датировано 15 апреля 1943 года. 12 июля 1943 года Семен Степанович пишет (по-видимому, еще из лагеря):

«Милые и дорогие целую Вас миллиён раз!!!!!! Спасибо за посылку. Передано-негаданно.

Получил и сейчас кейфую, наслаждаясь: курю табак и кофий пью. Я стал очень суеверным и мнительным, потому не хочу Вас интриговать... может быть скоро постучусь к Вам в двери и скажу: А вот и я... и целую... ангелы мои. Ваш старый дурень Сёма» (орфография и пунктуация автора сохранены).

В июле 1943 года С.С. Гейченко освобожден. 10 сентября сестра Зинаида Степановна из Молотова провожает его на фронт.

Письмо Александры Степановны Муреевой от 26 октября 1943 года из Тбилиси: «Родной и дорогой! Как гром поразило известие о тебе. Неужели ты пошел простым рядовым маршевой роты? Благослови Боже твой поступок».

В феврале 1944-го Семен Степанович ранен и лечится в госпитале под Нижним Новгородом, после чего начинается совсем новый этап в его большой многотрудной жизни.

А мы возвращаемся в Петергоф. Место на 32-м километре Петергофского шоссе, где сегодня располагается мемориал «Приморский» и где до Великой Отечественной войны находился один из самых густонаселенных районов Старого Петергофа — Большая слобода. Ни от слободы, ни от храма Знамения Божией Матери не осталось

практически ничего. Прокатилась по этим местам война и сровняла всё на своем пути.

Обильно полита эта земля кровью бойцов и мирных жителей. Одним из первых памятников после выхода постановления Ленгорисполкома от 23 июня 1956 года «О сооружении памятников и мемориальных досок, посвященных героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны» стала стела мемориала «Приморский». Первая очередь будущего мемориального комплекса была открыта в Петергофе 9 мая 1961 года. Это десятиметровая гранитная стела, на ней высечена надпись: «На этих рубежах в 1941–1943 годах воины Ленинградского фронта и моряки Балтийского флота в жестоких боях с немецко-фашистскими захватчиками отстояли Приморский плацдарм. Отсюда и со стороны Пулковских высот в январе 1944 года начался разгром врага, завершившийся освобождением Ленинграда от блокады. Вечная слава героическим защитникам Ленинграда».

Оформление братских захоронений в комплекс началось еще в 1964 году, хотя увековечение памяти бойцов, погибших при освобождении и разминировании Петергофа, началось сразу после его освобождения. На территории 17,5 квадратных километра было обнаружено и уничтожено 24 тысячи различных мин. Погибли пять человек, еще 10 — получили ранения. В честь этих бойцов в 1964 году появился памятник «Саперам Балтики». В том же 1964 году на Т-образном перекрестке Петергофского и Гостилицкого шоссе напротив места, где до войны располагалась Большая слобода, были установлены два противотанковых ЗИС-3 и одно зенитное 85-мм орудия.

23 февраля 1965 года в год 20-летия Победы в газете «Смена» была опубликована статья поэта-фронтовика, участника обороны Ленинграда, Михаила Александровича Дудина, который писал: «Пусть на месте кольца блокады вырастет вокруг Ленинграда зеленое кольцо мира, пусть оно обозначит на вечные времена своим зеленым шумом рубеж нашего мужества... Пусть каждый ленинградец, молодой и старый, долгом и честью сочтет посадить на смертном рубеже дерево вечной жизни и памяти — это наш долг». Так было положено начало оформления памятных объектов вокруг Ленинграда в уникальный единый мемориальный комплекс — «Зеленый пояс Славы». В основу планировочного решения «Зеленого пояса Славы» был положен исторический рубеж фронта, на котором в сентябре 1941 года было остановлено наступление немецких и финских войск. Большую работу по уточнению линии фронта и мест

дислокации войск провел штаб Ленинградского военного округа. Горожане живо откликнулись на эту идею и стали воплощать ее в жизнь.

В 1967 году на ближней к заливу стороне Петергофского шоссе, где и жила семья Гейченко до войны, было высажено 350 туй, подобно бойцам, цепями ходившим здесь в штыковую атаку. До сих пор вспоминают старожилы, как руководитель отдела коммунального хозяйства исполкома города Петродворца Михаил Прохоров сам сел за управление танком с грейдером, чтобы разровнять землю для посадки деревьев. Житель довоенного Петергофа и фронтовик, он не мог подвергнуть опасности жизнь водителей — и был прав! Во время этой технической операции из земли Петергофа извлекли еще 12 мин. А еще экскурсоводы любят рассказывать легенду о том, что туи были высажены по линиям бывших здесь когда-то улиц Большой слободы.

1971 год можно считать датой окончательной трансформации братского кладбища минеров в мемориал «Приморский», вошедший в «Зеленый пояс Славы». По проекту Ольги Ивановны Соколовой и при участии архитекторов А. Байдалиновой, Л. Борисовой, Т. Меликовой, Т. Воронихиной, З. Соловьевой, А. Пусикова, В. Щербина, скульптора Г. Беляева, художника А. Арешина был оформлен современный облик мемориала «Приморский». В 1971 году построен гранитный высокий полукруглый парапет с горизонтальной стелой из полированного гранита в центре, с барельефным изображением защитников Ленинграда с внешней стороны. На внутренней выбиты строки стихотворения М.А. Дудина:

Да будет вечным мужество героев.
Их смертью жизнь твоя защищена.
Будь верностью их верности достоин
Своею жизнью, подвигом своим.

Так идейный вдохновитель создания «Зеленого пояса Славы» Михаил Александрович Дудин увековечен и на мемориале «Приморский», воздвигнутом на месте, где когда-то проходили детство и юность Семена Степановича Гейченко и где его семья спасалась в страшные дни осени 1941 года.

В 1975 году, в День Победы 9 Мая, при огромном стечении народа состоялось открытие центральной части мемориального комплекса, а именно Павильона Славы. 22 июня 2012 года на мемориале было торжественно произведено захоронение останков 38 морских

пехотинцев, погибших осенью 1941 года и обнаруженных при строительстве дома на Морской улице на границе парка Александрия и Знаменки.

Мемориал живет. Есть надежда на восстановление храма Знамения Божией Матери благодаря священнику Владимиру Чернобаю и прихожанам. Храм, который в тяжелые месяцы осени 1941-го стал убежищем для изгнанных нацистами из родного города жителей Петергофа и укрытием для бойцов, ни шагу назад не сделавших с линии обороны Приморского плацдарма, займет достойное место в архитектурном ансамбле мемориала «Приморский».

А сейчас неподалеку от поклонного креста, воздвигнутого на месте храма, можно обнаружить большой валун, на котором выбита надпись: «До 1941 года здесь находилось более десятка улиц Петергофа, на которых стояли дома нескольких поколений его старожилов строителей». Старожилов и строителей того самого петергофского парадиза, основанного великим государем Петром Первым 320 лет тому назад. Парадиза, из которого его жители были изгнаны фашистами навсегда.

ЛИТЕРАТОРЫ-ФРОНТОВИКИ. СУДЬБЫ И КНИГИ

За долгие годы своего существования Пушкинский Заповедник привлекал и вовлекал в свою жизнь многих талантливых людей в сфере науки, искусства, литературы. Часто они становились преданными поклонниками и друзьями музея. Многие — представители поколения фронтовиков. В этом году наша страна отмечает 80-летие со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне, и хочется напомнить о некоторых литераторах, в чьих судьбах эта война сыграла важную роль, и об их книгах, вошедших в состав книжного фонда музейной библиотеки. На своих плечах эти люди не только вынесли страшные тяготы войны, но сумели рассказать от имени своего поколения и о ней, и о духовной мощи народа, и о незыблемых нравственных ценностях, помогавших одержать победу над врагом. Война и человеческая память — важные темы послевоенного творчества этих писателей. Их книги сегодня — иллюстрация истории русской советской литературы.

Семен Степанович Гейченко (1903–1993), в судьбе которого война сыграла трагическую роль, стал первым послевоенным директором музея. Вполне вероятно, без него не было бы музейной библиотеки с ее редкими, ценными изданиями, да и экспозиции музеев-усадоб, возможно, не были бы украшены изданиями, иллюстрирующими круг чтения или определенный этап жизни героев этих усадоб. Ряд решаемых задач и проблем, поставленных перед музеем в период восстановления, был огромен, и среди них было комплектование фондов, в том числе и книгами. Необходимы были книги о жизни и творчестве поэта, о его современниках, родных, о пушкинском времени. Кроме этого, нужны были труды по истории, литературоведению, искусству, русская и зарубежная художественная литература прошлых веков, произведения писателей двадцатого века. Еще в начале 1945 года в местной газете было опубликовано обращение дирекции Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина к населению: «Собирать вещи, книги, находившиеся ранее в Михайловском, в музее. Книги, не находившиеся ранее в музее, но связанные с историей Михайловского и Тригорского».

С просьбой о помощи в восстановлении библиотеки дирекция обращалась в разные инстанции — и общественные, и государственные. Еще в июле 1945 года С.С. Гейченко писал директору Библиотеки Академии

наук: «Просим Вас оказать содействие в восстановлении библиотеки Пушкинского Заповедника, разграбленного немецкими захватчиками. Просим выделить из фонда БАН возможное количество пушкинской и другой литературы»¹.

Первыми послевоенными поступлениями в библиотеку окажутся 508 книг из личных собраний сотрудников Института русской литературы (ИРЛИ). Среди них были несколько томов произведений А.С. Пушкина 1887 года издания, «Сочинения А.С. Пушкина с приложением материалов для его биографии» П.В. Анненкова 1855 года издания, «Записки о Пушкине» И.И. Пущина 1899 года, Каталог юбилейной Пушкинской выставки 1899 года, несколько выпусков сборника материалов и исследований «Пушкин и его современники», издание Академии наук за период 1904–1930 годов. Были в этом поступлении книги конца XIX века и 20-х годов XX века — исследования биографии и творчества поэта. Многие из этих книг сегодня являются библиографической редкостью. В середине 1980-х годов большинство из них были переданы на хранение в сектор редкой книги музейных фондов. Там же в настоящее время находятся и книги, которые вернулись в музей в феврале 1946 года, — часть книг из довоенного музея, увезенных фашистами в Германию, библиотека «Пушкинского уголка».

В 1947 году музей приобрел библиотеку пушкиниста С.Я. Гессена, более тысячи томов редкого собрания пушкинианы. С приобретением этой библиотеки в книжный фонд Заповедника вновь волеются книги с автографами членов Общества друзей «Пушкинского уголка», как назывался музей в 20–30-е годы XX века; эти люди оказывали в те годы всякое содействие в работе музея. С 1947 года из собраний разных музеев и фондов библиотек передавались в Пушкинский Заповедник необходимые музею издания. Настойчивость Семена Степановича, знание музейной работы и принципов деятельности больших библиотек, умение найти нужные слова и убедить в необходимости совершаемого дара помогли сформировать в музейной библиотеке солидную коллекцию литературы на иностранных языках — это замечательные образцы усадебной библиотеки XIX века, которые стали частью библиотек музеев-усадб Петровского и Тригорского. Издания представлялись не только в музейных экспозициях, но и на тематических выставках разных лет.

¹ Архив Пушкинского Заповедника. Научный архив (АПЗ. Н/а). Д. 266.

Для Семена Степановича книга была важной составляющей жизни человека: «Книга для меня не предмет эстетического наслаждения, я не просто книголюб, книголюб, у которого книга как брошка, модный фрак, нет, для меня книга — пособие, помощник, добрый советчик, превосходный увлеченный собеседник, источник всего сущего, способный обогатить, одушевить, скрасить бытие...»²

В собрании музейной библиотеки есть и книги самого Семена Степановича. Он писал о том, что прекрасно знал и любил. Книги с рассказами, очерками, литературными эссе, путеводители, автором текста которых он был, расходились огромными тиражами. Они помогали читателям явственно увидеть описанные с большой любовью пушкинские места, пробуждали интерес и желание побывать в музее поэта. В этих изданиях не только информация об усадьбах музея и их окрестностях, об истории этих мест — в этих книгах душа самого автора многочисленных путеводителей по Пушкинскому Заповеднику, книги новелл «У лукоморья», сборников «Приют, сияньем муз одетый», «Волшебные места», «Пушкиногорье». Далеко не все издания, переданные в музейную библиотеку автором, имеют автограф — лаконичную фразу: «В библиотеку Пушкинского Заповедника. С. Гейченко», но все его работы бережно хранятся.

Одну из первых послевоенных «Книг впечатлений» посетителей музеев Пушкинского Заповедника открывает запись, оставленная в июне 1945 года Борисом Павловичем Городецким (1896–1974) — советским историком литературы, пушкинистом, долгие годы (1935–1972) служившим в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинском Доме), членом Пушкинской комиссии (1935–1972). После смерти Б.Л. Томашевского он возглавлял сектор пушкиноведения, позднее — сектор новой русской литературы Пушкинского Дома (1957–1972). Во время Великой Отечественной войны Борис Павлович не был на фронте, вместе с университетом он находился в тылу, в Перми, но после войны был среди тех, кто откликнулся на призыв С.С. Гейченко, и среди книг, переданных в Пушкинский Заповедник сотрудниками Пушкинского Дома, были книги и из его личной библиотеки. После войны ученый приезжал в Пушкинский Заповедник несколько раз. В настоящее время в музейной библиотеке единственное издание его авторства — это историко-литературные очерки «Русские лирики», без автографа. Запись в «Книге впечатлений»

² Ларионов А.В. Заповеди блаженства. М., 1991. С. 214.

Русский советский поэт, публицист, драматург Всеволод Борисович Азаров (1913–1990) впервые в Пушкинский Заповедник придет в 1937 году. К 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина Азаров пишет цикл стихотворений, навеянных посещением Михайловского и Тригорского:

В убранстве осени шумят дубы,
И желуди, как медные патроны,
Сидят в зеленых гнездах патронташей.
Как будто пограничные столбы
Вздываются литых стволов колонны.
Безмолвие стоит в лесах на страже.
Здесь холмики упавших наземь листьев
Дымятся, словно пепел красноватый.
И паутина на кустах повисла.
Бесшумно гриб распался ноздреватый.
Здесь дятла стук на деревянных ложках.
Здесь, прикорнув среди багровой хвои,
Глядит избы замшелое окошко.
Но я хозяина дождусь — откроет...⁴

Во время Великой Отечественной войны Всеволод Азаров работал в редакции фронтовых газет в Кронштадте, в соединении балтийских подводников и штурмовиков, участвовал в работе писательской группы при политуправлении Балтийского флота. Позже он писал, что именно фронтовые испытания стали «главной школой и источником вдохновения»: «Война дала нам, ее газетчикам, редчайшую возможность братского общения со своими героями... Какое высокое нравственное удовлетворение давал нам наш будничный, рядовой труд под бомбежками и обстрелом. Никогда ранее и позднее не испытывал я такого чувства полезности, необходимости того, что делаешь». Всеволод Борисович писал стихи и очерки для чтения на передовой. В осажденном Ленинграде выходит его книга очерков «Кронштадт ведет бой» (1941) и сборник стихов «Ленинграду» (1942). В соавторстве с Всеволодом Вишневским и Александром Кроном была написана героическая комедия «Раскинулось море широко» (1942). Военным корреспондентом поэт прошел всю

⁴ Азаров Вс. Путь в Михайловское // Вс. Азаров. Свет маяка. Л., 1956. С. 83–84.

войну, участвовал в снятии блокады Ленинграда, освобождении Эстонии, в операциях Балтийского флота в Восточной Пруссии.

Ему довелось участвовать в праздновании рождения А.С. Пушкина 6 июня 1941 года в Михайловском, в 1943 году в Ленинграде на Мойке, 12, а 6 июня 1945 года он вновь окажется в Михайловском: «Ночью в кустах сирени, в зеленых ветвях деревьев у Святогорского монастыря, у скромного трогательного обелиска, венчающего могилу поэта, особенно часто и вдохновенно пели соловьи. Ни пронзительные хоры лягушек, ни ранние петухи не могли заглушить соловьиной песни. Светало. Утренний туман стлался на земле. Она пылала отрадной свежестью, казалось, природа празднует с людьми день рождения поэта, день возвращения Пушкина в свои родные места, к своему народу. Немцы хотели убить самое дорогое, пронзить душу, сердце народа, но не смогли... Прах врагов развеяло по Псковщине, по Пушкиногорью. Чертополохом заросли волчьи лазы. Пушкин жив! Он бессмертен в народной памяти. Мы почувствовали это еще сильнее в праздничный день, в день великой радости единения с Пушкиным. И природа, ликующая, цветущая природа, мудрые дубы, величаявая тихая Сороть, щедрая сирень радовались вместе с нами. До скорой встречи, пушкинские места, до нового творческого свидания! 10.VI.45 г. Вс. Азаров»⁵.

В 1949 году в музейной Книге впечатлений поэт оставил еще одну запись: «В преддверии славного пушкинского юбилея вновь я увидел Михайловское и Тригорское... Удивительное чувство испытал я в Домике няни. Спасибо Вам, дорогие товарищи Гейченко, Грановская и Звагольская, за то, что вы так талантливо, одухотворенно, просто — воскресили дорогую пушкинскую старину, раскрыли перед новым, молодым поколением яркую, трогательную сердцу страницу. Оставляю Заповеднику на память несколько строф из моей новой поэмы.

...Я путь над отлогими видел холмами
И медленной Сороти над берегами
Пленительный, солнечносиний поток,
И тени огромные дедовских сосен,
И липы, чей запах пьянящ, медоносен.
Здесь путник не будет нигде одинок.
В задумчивой Сороти он отразится,

⁵ АПЗ. Н/а. Д. 251.

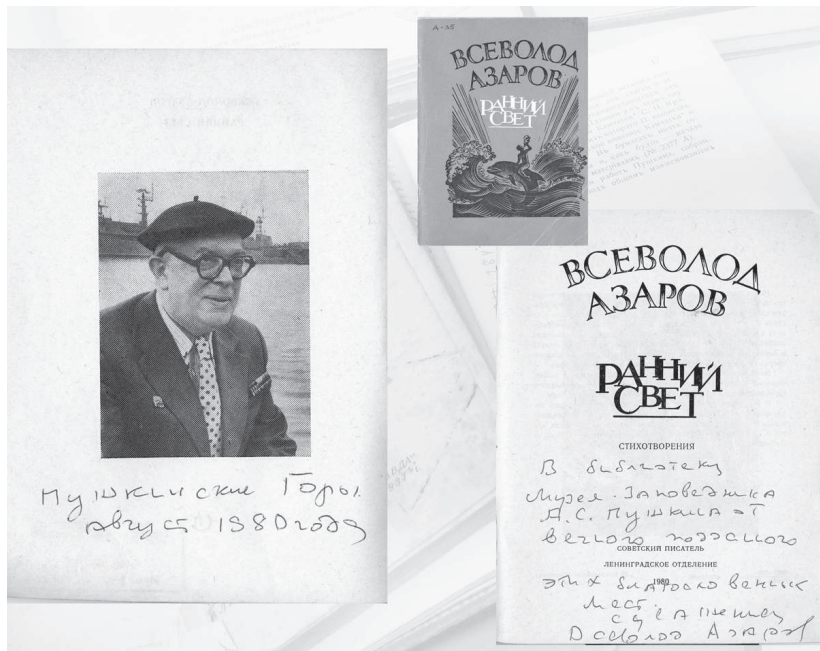

И долгие годы потом будет сниться
ему ниспадающий ели шатер.
Дубы — патриархи в тех рощах укромных.
Они одинокого всадника помнят,
Хоть множество лет миновало с тех пор.
И тройками здесь на крутом перегоне
Все в лентах промчались колхозные кони,
Звеня бубенцами под сенью дубрав.
Спешила на праздник семья за семьею.
И девушка шла босиком над водою,
Две туфельки в белый платок завязав.
Есть давнее свойство в Михайловских рощах —
В них хочется быть углубленной и проще.
И стоит тебе побывать хоть бы раз —
Средь сосен, на солнцем залитых полянах —
Ты будешь стремиться сюда неустанно,
Где русская муза живет среди нас!

Всеволод Азаров. Михайловское 27.VI.49 г.»⁶

Всеволод Борисович неоднократно приезжал в полюбившиеся ему пушкинские места Псковщины, был участником первых Всесоюзных праздников поэзии в Михайловском. Оставлял в подарок музею свои книги с дарственной надписью, каждая из которых — свидетельство его уважения, любви и признательности. Одно из первых подаренных им изданий — сборник стихотворений «Свет маяка» с дарственной надписью: «Пушкинскому Заповеднику, сокровищнице наследия великого поэта, в дар от человека, бережно хранящего в сердце память о пушкинских лесах. Ленинград. 7.XI.56 г.» На книге «На берегах Сороти» — документальной повести об освобождении Пушкинских Гор, разминировании территории Заповедника и могилы поэта — скромная надпись: «Библиотеке Пушкинского Заповедника от автора. Всеволод Азаров. 16.IX.75». На титульном листе последнего подаренного автором сборника стихотворений «Ранний свет» — надпись: «В библиотеку музея-заповедника А.С. Пушкина от вечного подданного этих благословенных мест. С уважением, Всеволод Азаров. Пушкинские Горы. Август 1980 года».

⁶ АПЗ. Н/а. Д. 251.

Книга Всеволода Азарова «Ранний свет» с автографами автора

Еще одно имя, важное для истории русской советской литературы и истории Пушкинского Заповедника, — Михаил Александрович Дудин (1916–1993), русский советский поэт, журналист, переводчик, общественный деятель. Начиная с 1939 года, сначала на Финской войне, затем на Великой Отечественной, он был военным корреспондентом. С 1942 года работал во фронтовых газетах, в том числе в осажденном Ленинграде. Поэт — автор более 70 книг стихов. За свою долгую жизнь он успел сделать многое, и не только в литературе.

С Пушкинским Заповедником его связали дружеские и творческие отношения с директором Семеном Степановичем Гейченко, влюбленность в атмосферу жизни музея и красоту природы. Здесь он писал стихи и прозу, вместе с сотрудниками музея ездил по районам области с чтением лекций в школах, библиотеках, колхозах и совхозах, встречался с читателями, принимал активное участие в подготовке и проведении праздников поэзии. Его вклад в культурную и общественную жизнь

Михаил Дудин и его книги в библиотеке Пушкинского Заповедника

Пушкиногорского района был высоко оценен — поэту было присвоено звание почетного гражданина Пушкинских Гор.

Одним из первых в музейную библиотеку им был подарен сборник лирических стихотворений «До востребования», вышедший в Ленинграде в 1963 году, со скромной дарственной надписью: «Библиотеке Пушкинского Заповедника благодарно». В 1967 году вышла книга прозы «Где наша не пропадала». Она не о пушкинских местах, но практически полностью была написана в Михайловском. Об этом говорит и дарственная надпись: «Михайловской библиотеке, хотя бы потому что эта книга написана в Михайловском. М. Дудин. 6.VII.67 г.» На форзаце издания еще одна надпись: «Друзьям-гангутцам. Мертвым и живым. М. Дудин». На сборнике «Святогорское лето» нет автографа писателя. Название его говорит само за себя — это поэтический дар Пушкиногорской святой и для М.А. Дудина земле.

В чем пушкинского гения основа
И чем его прозренья хороши?.. —
В свободном изъяснении души
Естественной раскованностью слова.
И если воспринять его готова
Твоя душа, не опоздай, спеши
Поймать его и в творческой тиши
Своей судьбой его наполнить снова.
Что из того, что лжепророки лживы?
Извечная поэзия с тобой
За жизнь и честь ведет смертельный бой.
И мир живет, пока в том мире живы
Твоей души прекрасные порывы,
Оплаченные пушкинской судьбой⁷.

Сборник «Дорогой крови по дороге к богу» увидел свет после ухода Михаила Александровича из жизни, и это — послание всем его читателям:

По совести и чести
Всем, что судьба дала,
Для мира, с миром вместе
Соразмеряй дела.
Пиши для мира повесть
Всех дел своих как есть.
И возродится совесть,
И станет честью честь.
И вновь на свете белом
Войдут в свои права
И снова станут делом
Забытые слова.
Весенней правды воды
Сотрут тоску беды
И атомной свободы
Безумные следы⁸.

⁷ Дудин М. Сонет Александру Сергеевичу Пушкину // М. Дудин. Святогорское лето: стихи. Л., 1989. С. 416.

⁸ Дудин М. Дорогой крови по дороге к богу: стихотворения 1986–1993 годов. СПб., 1995. С. 21.

Пскович, фронтовик Иван Васильевич Виноградов (1918–1995) — журналист, поэт, прозаик, автор многих книг: документально-художественных изданий и поэтических сборников — оставил свой творческий след и в литературе, и в жизни Псковской области. Во время Великой Отечественной войны в составе 2-й Ленинградской партизанской бригады он сражался на оккупированной территории области. Был редактором партизанской газеты «Народный мститель», выпускал листовки, писал для них стихи:

За народ, ребята!
За страну родную!
За отца! За брата!
За любовь большую!
Стоит только взяться —
Мы собьем оковы.
Мы ль не можем драться?
Мы ли не из Пскова?

декабрь 1942

Иван Виноградов — автор текста знаменитой партизанской «Клятвы»: «Скорей умрем, чем станем на колени, / Но победим скорее, чем умрем!» После Великой Отечественной войны о партизанском движении и жизни партизанского края на Псковской земле им будет написано несколько книг.

В послевоенное время поэт, как один из основателей Псковской писательской организации, был участником нескольких Пушкинских праздников поэзии, дарил свои книги в музейную библиотеку. При создании стихов часто вспоминал свои фронтовые ощущения, в которых переплетались горечь и гордость, вера и память:

...Ты много видела, поляна!
О том шумит сосновый бор.
Когда-то Ларина Татьяна
Ступала здесь на твой ковер.
Ты помнишь облик Годунова,
И нежный шепот Анны Керн,
И звонкость пушкинского слова,

И рядом с лавром — дикий терн...
Ты помнишь Пушкина, поляна!
Он припадал к твоей груди,
Под сенью лип твоих медвяных
Он здесь в бессмертие входил.
Ты помнишь бури-ураганы,
И стон земли, и боль утрат,
Когда враги в угаре пьяном
Ворвались в парк. Тогда и сад,
И гладь озер, и домик няни,
И все леса, и все дома —
Всё сразу стало полем брани:
Здесь бились насмерть свет и тьма.
Сады, заросшие бурьяном,
Траншеи рваные в пыли...
Ты стала вдруг открытой раной
На теле матери-земли.
Дубы иссечены шрапнелью,
Изрыты речки берега...
А Пушкин... Он в простой шинели
В строю с солдатами шагал.
Поэта голос вдохновенный
Гремел над лагерем войны:
«Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны...»⁹

В творчестве поэта, как у многих литераторов этого поколения, память о войне и ее нравственных уроках — одна из основных тем, как и тема веры в людей, любви к родной земле, большой и малой родине:

Я про молодость
Писать не бросил,
Не утратил
Живости ума, —
Хоть давно в лицо мне

⁹ *Виноградов И.* Поляна в Михайловском // *И. Виноградов. Не расстанусь с тобой.* М., 1978. С. 52–53.

Книга Ивана Виноградова «Не расстанусь с тобой»

Смотрит осень,
Вслед за ней
Торопится зима.
Что скрывать:
Любое увяданье
Сеет грусть,
Печалит и страшит.
Но всего страшней,
Когда сознание
Омрачится
Старостью души.
Неужель со мной
Случится это?
Всё нутро
Противится мое.

И любовь,
Как спутница поэта,
Вдруг исчезнет?
Как же без нее?
Верю в то,
Что вовсе не такое
Сердце
Мне подарено судьбой.
Не было
И нет ему покоя!
В нем всегда
Душевных сил прибой.
Верю в то,
Что до скончания века —
Будет так!
Тем жизнь и хороша.
...
Всё стареет
В каждом человеке,
Но не в каждом
Старится душа!¹⁰

Московский поэт, переводчик Сергей Васильевич Смирнов (1912–1993) во время Великой Отечественной войны был рядовым 8-й гвардейской Панфиловской дивизии, участвовал в освобождении Пушкинских Гор. Почти двадцать лет спустя память привела его в Пушкиногорье, заставила заново пережить великие и грозные события. Вспоминая минувшее, поэт задумывался о том, что явилось причиной непобедимости солдатского духа и каково участие пушкинского слова в воспитании этого духа:

Не позабыть мне месяца апреля.
Огнем встречал нас каждый дот и дзот.
Снаряды вражьи стаями летели
С военнопленных пушкинских высот.

...

¹⁰ *Виноградов И.* Молодость души // И. Виноградов. Не расстанусь с тобой. С. 67–68.

...Казалось в это время,
Что к нам сквозь гром и воющий металл
Поэт навстречу шел и — Здравствуй, племя,
Младое, незнакомое!.. — шептал.

...
И каждый знал — Михайловское рядом,
Святыня нашей Родины близка.
Вот почему ни бомбой, ни снарядом
Пленных гор не тронули войска.
Мы шли в обход среди снегов метровых,
И лучший снайпер гвардии — при мне —
Назвал «подругой дней моих суровых»
Винтовку на лоснящемся ремне.

...
А Пушкин, незакатный русский гений,
Шел с нами в бой за честь своей земли.
И мы его собрания сочинений
Не в вещмешках, а в памяти несли¹¹.

Еще один участник первых Пушкинских праздников поэзии в Михайловском — Александр Иванович Смердов (1910–1986), поэт, переводчик, журналист, публицист, во время Великой Отечественной войны был корреспондентом фронтовых газет. В 1946 году он опубликовал военную поэму «Пушкинские Горы», в которой отразил собственный военный опыт, то, что видел своими глазами, в чем принимал непосредственное участие. Поэма писалась по горячим следам, сразу после войны, здесь, на пушкинской земле, чтобы добиться максимальной фактической точности. Она была посвящена памяти поэтов Бориса Богатова и Георгия Суворова и другим фронтовым поэтам, не успевшим написать о войне, не дожившим до Победы. В феврале 1949 года автор вновь приехал в Пушкинские Горы, после чего значительно переработал поэму.

... И кажется — над полем схватки,
Над развороченной землей
В знакомой взвихренной крылатке
Поднялся Пушкин как живой.

¹¹ АПЗ. Н/а. Д. 251.

Книги Сергея Смирнова «Подарок» и «Сатирическая россыпь»

В огне, бушующем по плечи,
 Для вражьих пуль неуязвим,
 Идет поэт, идет навстречу
 Освободителям своим.
 Горят глаза отвагой гордой,
 И кудри жесткие взлетят.
 И на закат рукой простертой
 Зовет бойцов, вперед зовет...¹²

В «Книгу впечатлений» тогда были записаны новые стихи:

...На Савкиной Горке под дружеским кровом,
 Привечен, поддержанный дружеским словом,
 Другьям поверяя заветные строки,

¹² Смердов А. Пушкинские Горы: поэма. Новосибирск, 1975. С. 78.

Александр Смердов и его книги в библиотеке Пушкинского Заповедника

Я Пушкина видел и слышал живого
На Савкиной Горке, на Савкиной Горке¹³.

В библиотеке музея хранятся три издания поэмы «Пушкинские Горы», два из них — с дарственной надписью автора. Первое, изданное Новосибирским областным государственным издательством в 1948 году, с надписью на титульном листе: «В библиотеку Пушкинского Заповедника от автора. Александр Смердов. 4.П.1949 г. Михайловское». Переработанное издание поэмы было передано в библиотеку уже в 1975 году, в один из приездов писательской делегации из Сибири. На титульном листе поэт написал: «Пушкиногорцам — С земным поклоном и неизбывной благодарностью. А. Смердов. Новосибирск. Декабрь 1975».

¹³ АПЗ. Н/а. Д. 251.

Наверное, многим знакомо имя еще одного литератора — поэта, прозаика, переводчика Якова Александровича (Айзиковича) Хелемского (1914–2003). Во время Великой Отечественной войны он был корреспондентом фронтовых газет «На разгром врага», «Суворовец». Им была написана замечательная книга «На темной ели звонкая свирель», в которой отражен весь путь военного корреспондента, с рассказом о том, что происходило во время войны в дорогах для русских людей местах — Ясной Поляне, Спасском-Лутовинове, Михайловском. Несколько глав книги посвящены первой встрече писателя с Пушкинским Заповедником в 1944 году. В составе 2-го Прибалтийского фронта Хелемский находился здесь перед наступлением, не участвуя в самом освобождении, был слушателем лекций о Михайловском, об А.С. Пушкине, которые прочли приехавшие к артиллеристам накануне наступления ученые-пушкинисты Дмитрий Павлович Благой и Николай Каллиникович Гудзий: «...Батарейцы слушали профессора и видели Пушкина, скачущего в Тригорское. Пушкина, склонившегося над чистым листом бумаги, при свечах, с гусиным пером в руке. Пушкина в красной рубаше и белой шляпе, идущего в Святые Горы на ярмарку, чтобы потолкаться среди людей, послушать песни слепцов, понаслаждаться здешним говором... Поэт возникал перед нами то юношей, впервые увидевшим и полюбившим здешнюю красоту, то зрелым человеком, уставшим и многое пережившим, возвращающимся под тихую сень... В рассказе... светилась такая любовь, такая достоверность, что батарейцы чувствовали себя причастными к великой жизни, страдания и радости поэта становились их страданиями и радостями. А оттого, что ближайшие высоты, деревья, заснеженные поля, Савкина горка, где Пушкин мечтал поселиться в тихой хижине, аллея, по которой гулял он с Анной Керн, и впрямь были соучастниками происходившего здесь когда-то, — всё становилось зримым, осязаемым, ошутимо своим...»¹⁴

Газета «Суворовец», в которой работал Я.А. Хелемский, выходила на десяти языках, ведь бойцы были представителями многих национальностей. Для всех освобождение мест, где жил, мечтал, писал, грустил, любил А.С. Пушкин, было очень важным моментом, и журналисты старались донести до читателей и строки поэта, и лучшие из

¹⁴ Хелемский Я. На темной ели звонкая свирель: хроника. М., 1971. С. 225–226.

Яков Хелемский и его книги в библиотеке Пушкинского Заповедника

строк, посвященные ему: «Весной сорок четвертого у порога широкошумных Михайловских рощ, в преддверии освободительных боев, мы стремились выразить в самых точных и чистых словах свою любовь к поэту, свое ожидание предстоящей встречи с ним. Да, да, не только с домом, где он жил, не только с вековыми аллеями заповедного парка, но и с Пушкиным, словно он, живой, томился в плену и нам предстояло вызволить его самого»¹⁵. Книга «На темной ели звонкая свирель» вышла в 1971 году, спустя два года появилось ее второе издание.

Яков Хелемский — автор многочисленных сборников стихов, многие из которых, положенные на музыку известных композиторов (М.И. Блантер, В.И. Мурадели, Б.А. Мокроусов, Э.С. Колмановский, Я.А. Френкель, О.Б. Фельман) стали в 1950-х годах популярными песнями. Большинство его песен исполняли М.Н. Бернес, К.И. Шульженко.

¹⁵ Хелемский Я. На темной ели звонкая свирель: хроника. М., 1971. С. 227.

Сборник стихотворений «В пути» с автографом автора был подарен музею в один из его послевоенных приездов. На титульном листе надпись: «Пушкинскому Заповеднику в память о замечательном вечере в Пушкинских Горах, посвященном великому поэту. Я. Хелемский. 16.II.1957. Пушкинские Горы». Одно из стихотворений сборника — те же воспоминания об освобождении Пушкинского уголка, написанные в 1944 году:

Когда июльским полднем раскаленным
Сражение шло у пушкинских высот, —
Казалось, со стрелковым батальоном
На штурм сама поэзия идет.
Она была во всём: в старинных липах,
В траве среди обугленных стволов,
И зеленела мхом на серых глыбах
Рассыпанных в лощине валунов.

...

И всё вокруг дышало светлой мощью,
И слышная за тридевять земель,
Звучала вновь в широкошумной роще
На темной ели звонкая свирель¹⁶.

Те, о ком шла речь, имеют и фронтовые награды, и творческие, но лучшей наградой для каждого из них было признание, уважение и любовь тех, кто встречался на их жизненном пути, для кого было интересно и важно их писательское творчество. Книги этих авторов — малая часть собрания библиотеки Пушкинского Заповедника, а сами писатели — часть истории нашего музея.

¹⁶ Хелемский Я. В пути: стихи. М., 1948. С. 110–111.

**ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ
ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА (1929—2016).
ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА
НА СТАНОВЛЕНИЕ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА
КАК ПИСАТЕЛЯ И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ И ТОЛКОВАНИЕ
ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА**

Многие современные поэты и писатели комментировали произведения А.С. Пушкина, и на многих оказывало влияние его творчество. Одним из выдающихся примеров является Булат Окуджава, по праву считающийся продолжателем традиций А.С. Пушкина. Не был исключением и Фазиль Искандер — поэт и писатель, журналист, публицист и общественный деятель. Он родился 6 марта 1929 года в Сухуми (Сухум, в то время ЗСФСР, затем Абхазская АССР, ныне Республика Абхазия). Его дед по отцовской линии Ибрагим был по национальности иранцем. Он основал один из первых заводов по производству кирпича в Абхазии. Жена успешного предпринимателя Хамсада приступила к управлению заводом после того, как Ибрагим умер. Их старший сын Абдул-Керим взял в жены красавицу-абхазку Лейлу Мишелия, уроженку большого села Чегем (находится на территории нынешнего Очамчирского района). Она и родила будущего известного писателя Фазиля Искандера, а также его старшую сестру Гюли и младшего брата Фири. Фазилю исполнилось всего девять лет, когда отца насильно выслали из СССР, после чего Фазиль его никогда не видел. В детские годы будущий литератор длительное время проводил в селе Чегем, у родственников по материнской линии. Там же он жил в годы Великой Отечественной войны, в тот период, когда линия фронта проходила близко от Абхазии.

После окончания русской школы с золотой медалью юный Искандер отправился в Москву. Он мечтал о философском факультете МГУ, но не был принят из-за национальности. Впоследствии пережитые эмоции Фазиль изложил в рассказе «Начало». Он поступил в Библиотечный институт и после третьего курса добился перевода в Литературный институт имени Горького. Диплом об окончании института Искандер получил в 1954 году, но его творческая биография началась еще в годы

студенчества. Он публиковал свои первые поэтические строки, предполагал, что этому посвятит всю жизнь. В 1957 году литератор выпустил свою первую книгу под названием «Горные тропы». Спустя некоторое время он начал писать прозу и сказал, что к такому решению его подтолкнуло творчество Исаака Бабеля¹. Проза Фазиля Искандера зачастую являлась сатирической, юмористической и вместе с тем — философской.

Сам Фазиль Искандер любил творчество А. Пушкина, И. Бродского, Ф. Достоевского и И. Бунина. Последние десятилетия жизни он провел в подмосковном Переделкине и желал, чтобы похоронили его там же. Писатель умер от сердечной недостаточности в июле 2016 года².

В настоящее время существует проблема создания мемориального музея Фазиля Искандера. Первоначально в качестве места для экспозиции этого музея рассматривался дом в Сухуме, в котором родился будущий писатель. Дом находится на улице, которая в настоящее время носит имя Фазиля Искандера, а в советские годы называлась улицей 4-го марта, до революции — Подгорная. Дом был построен дядей Фазиля Абдуловича Ибрагимом в 1903 году. «Обычно на балконе сидела тетя и, покуривая папиросу, переговаривалась через улицу с соседями — учила их жить», — так вспоминает о тете Искандер в рассказе «Детский сад». Речь шла о тете Фазиля — прекрасной Султане Ибрагимовне³.

Дом Фазиля Искандера является объектом историко-культурного наследия Абхазии и значится в Едином государственном реестре историко-культурного наследия Республики Абхазия. Но прежние владельцы, которыми являлись родственники Фазиля Искандера, продали часть дома и покинули Абхазию. Новый хозяин сообщил, что не возражает против создания в доме музея⁴.

¹ Фазиль Абдулович Искандер // Биограф: сайт [Электронный ресурс: <https://biographie.ru/znamenitosti/fazil-iskander>].

² Фазиль Искандер. Человек и его окрестности // МКУК «Глушковская межпоселенческая библиотека»: сообщество в социальной сети ВКонтакте. Публ. 6.03.2024 [Электронный ресурс: https://vk.com/wall-217055616_743?w=wall-217055616_743].

³ Родовой особняк семьи Искандер продан частному лицу // Абхазия Информ: сайт. Публ. 4.10.2023 [Электронный ресурс: <http://abkhazinform.com/item/19877-rodovoj-osobnyak-semi-iskander-prodali-chastnomu-litsu>].

⁴ Родные Фазиля Искандера продали часть его дома // Наша Абхазия: сообщество в социальной сети ВКонтакте. Публ. 9.10.2023 [Электронный ресурс: https://vk.com/wall-216292412_10356].

Мемориальный кабинет Фазиля Искандера открылся в 2022 году в Москве, в библиотеке № 36. На открытии присутствовала вдова писателя Антонина Искандер-Хлебникова, которая передала Культурному центру Искандера личные вещи писателя: печатную машинку, чернильницу, шахматы, подарки от друзей и поклонников, личную библиотеку Искандера, в которой есть книги с автографами Ахмадулиной, Евтушенко, Окуджавы и других известных писателей и деятелей искусств.

Главной достопримечательностью Мемориальной комнаты стал дубовый стол Искандера, за которым были созданы его лучшие произведения: «Сандро из Чегема», «Кролики и удавы» и многие другие⁵.

Ранее, в 2019 году, в Российском университете дружбы народов, на филологическом факультете, была открыта именная аудитория-музей Фазиля Искандера. Его произведения были переведены на десятки языков народов мира. Открытие аудитории было приурочено к 90-летию со дня рождения писателя⁶.

Среди поэтов и писателей — классиков русской литературы, повлиявших на творчество Фазиля Искандера, особое место занимает А.С. Пушкин, который встречается в рассказах («Чик и Пушкин») и в эссе «Размышления писателя». О Пушкине сказаны такие слова: «В России жил один из самых гармонических поэтов мира — Пушкин. Больше никогда не повторившееся у нас — великое и мудрое пушкинское равновесие».

По мнению Фазиля Искандера, творчество А.С. Пушкина является доказательством власти духа над властью силы⁷. В качестве одного из примеров писатель приводит ссылку А.С. Пушкина в Бессарабию за вольнолюбивые стихи, а именно за оду «Вольность», которую Алек-

⁵ В Москве открылся мемориальный кабинет Искандера // Год литературы: сайт. Публ. 26.10.2022 [Электронный ресурс: <https://godliterature.ru/articles/2022/10/26/v-moskve-otkrylsia-memorialnyj-kabinet-iskandera>].

⁶ «Искусство — чудо возвращения человека к его истинной человеческой сущности»: в РУДН открыли именную аудиторию Фазиля Искандера // RUDN university: сайт. Публ. 17.06.2019 [Электронный ресурс: <https://www.rudn.ru/media/news/life-in-rudn/iskusstvo—chudo-vozvrashcheniya-cheloveka-k-ego-istinnoy-chelovecheskoy-sushchnosti-v-rudn-otkryli-imennuyu-auditoriyu-fazilya-iskandera>].

⁷ См.: Искандер Ф.А. Поэты и цари // Библиотека «Огонька». 1991. № 34. С. 36–56.

сандр I принял на свой счет. Представляется наиболее вероятным, что речь идет о строчках:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.

Еще 20 лет назад один из исследователей творчества А.С. Пушкина утверждал, что эти строчки обращены не к Александру I, а к Наполеону Бонапарту. Основанием для такого предположения могут быть предыдущие строки:

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

В этих строчках, вероятно, Пушкин подразумевает связь между казнью Людовика XVII и приходом к власти Наполеона.

Говоря об оде «Вольность» Фазиль Искандер подчеркивает, что в душе молодого Пушкина должны прозвучать слова: «Не ты, а я царь! И я тебе это докажу»⁸. И доказал, хотя и позже, уже в царствование Николая I — новокоронованный император ознакомился с текстом «Бориса Годунова», а перед этим беседовал с Пушкиным, вызвав его из ссылки в Михайловском. После этой беседы Николай I вызвал своих придворных и сообщил им: «Господа, я только что беседовал с умнейшим человеком в России». Успех «Бориса Годунова» также стал подтверждением, что А.С. Пушкин становился властителем умов.

Фазиль Искандер также изложил свое видение произведений А.С. Пушкина, посвященных Петру I. Он пишет: «Настойчивые, сладострастные воспевания Петра Великого отчасти намек на ничтожность,

⁸ См.: Искандер Ф.А. Поэты и цари.

плюгавость современных ему царей». Всё же императора Николая I Пушкин «плюгавым» не считал. Но что имел в виду Фазиль Искандер, говоря о воспевании Петра I? Можно предположить, что речь идет о поэме «Полтава», в которой Петр I показан вместе со своим войском. Невольно напрашивается сравнение с войной 1812 года, в которой Александр I на полях сражений не присутствовал, в то время как у французов Наполеон, напротив, присутствовал.

Возможно также, что Фазиль Искандер имел в виду «Стансы», написанные в 1826 году, до коронации Николая I, но после того, как декабристы были осуждены. Намек на «ничтожность и плюгавость» можно увидеть в последних строчках:

Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь пращуру подобен:
Как он, неустоим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Эти строки можно понять так: Николай I мог простить декабристов и продолжать безмятежно править. Смысл сравнения с Петром I состоял в том, что последний был страшен в гневе (мог не только дубинкой отколотить, но даже повесить), но при этом отходчив. И первые строчки «Стансов» свидетельствуют об ином отношении Пушкина к Николаю I:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни,
Начало славных дел Петра
Мрачили мятежи и казни.

Эти слова можно понять как сопоставление эпох Петра I и Николая I, а именно стрелецкого бунта 1698 года и восстания на Сенатской площади 1825 года. В обоих случаях суд, следствие и казни во времени затянулись. Но никакие казни, ни стрелецкие в 1698 году, ни декабристские 1826 года, процветанию России не препятствовали.

Отношение А.С. Пушкина к Петру I было противоречивым — восхищение сменилось разочарованием во время работы в архивах при написании «Истории Петра». Разочарование стало причиной того, что посвященный ему труд не был окончен. Пушкин не без основания был

уверен, что если в своем сочинении он отразит все стороны его личности и все неприглядные детали из истории его жизни (включая заточение в монастырь супруги Евдокии Лопухиной и суд над сыном — царевичем Алексеем), цензура не пропустит его в печать. И цензура так и не пропустила поэму «Медный всадник», написанную после изучения архивных документов по истории Петра I и его эпохи.

Фазиль Искандер пишет: «Медный всадник, скачущий по мостовым Петербурга, кажется, призван пугать не только Евгения, но и обитателей Зимнего дворца. Во всяком случае, Николай запретил печатать «Медного всадника». С одной стороны, скачущий Медный всадник привиделся только Евгению, но не царю. Но в скачущем «кумире на бронзовом коне» император мог усмотреть критику идеи создания Российской империи вообще. А образ разбушевавшейся Невы — это мысль о том, что любая империя не вечна и не всесильна. Поэма «Медный всадник» не была издана не только в николаевскую эпоху, но и вообще в императорской России. Первая публикация «Медного всадника» состоялась только в 1917 году.

Но всё же Пушкин испытывает ностальгию по тому образу Петра I, который существовал в его сознании до начала архивных изысканий. В стихотворении «Пир Петра Первого» есть строчки:

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Такого же Петра мы встречаем на страницах поэмы «Полтава» и неоконченной повести «Арап Петра Великого».

Отношение к царям А.С. Пушкин выразил в письме к Н.Н. Гончаровой, написанном в 1836 году: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня под старость лет в камер-пажи, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут».

Представляет интерес и трактовка Фазилем Искандером роли героев трагедии «Борис Годунов» и повести «Капитанская дочка». В «Размышлениях писателя» присутствует фраза: «А случаен ли Гришка Отрепьев, Пугачев в заячем тулупчике с барского плеча? Так, похаживают, чтобы цари не забывались». Казалось бы, во время появления Лжедмитрия I забываться было некому — Борис Годунов от власти был отрешен и спустя непродолжительное время умер. Но вспомним историю Гришки Отрепьева: согласно распространенному преданию, он был дворянином из Галича, который постригся в монахи в Чудовом монастыре, опасаясь казни от Ивана Грозного.

Говоря о Пугачеве, следует отметить, что он не только на страницах повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», но и в самой российской истории появился именно для того, «чтобы цари не забывались»⁹. Причина Пугачевского бунта состояла в том, что на Урале при Екатерине II земли в массовом порядке приписывались к казенным заводам и местные крестьяне оказывались в крепостной зависимости. По этой же причине происходили и восстания при Петре I.

В своих рассуждениях о Пушкине Фазиль Искандер также рассуждал о самозванстве — с этим явлением связаны сюжеты «Бориса Годунова» и «Капитанской дочки». По мнению Фазиля Искандера, «сама возможность двойничества и самозванства вносит оскорбительную сомнительность в абсолютную власть царей». Выводя на страницы самозванцев, Пушкин как бы говорит: «Меня, Пушкина, заменить нельзя. А вас можно». Речь идет о том, что настоящий царь узнается по воспитанию и манере поведения. Но причина распространения самозванства в России состояла также в том, что простолюдины не имели представления даже о том, как правящий ими царь выглядит, — не говоря уже о том, как он должен себя вести, находясь при публике. Выдать себя за царевича Дмитрия было нетрудно — никто не знал, как он выглядит,

⁹ См.: Искандер Ф.А. Поэты и цари.

равно как и о том, что он был убит. Жанра портрета в то время не было, как и светской живописи вообще. Кроме того, и никаких средств массовой информации не было. В эпоху правления Екатерины II, при которой произошел Пугачевский бунт, газеты и журналы издавались, но их было мало и они не являлись достоянием казачества и крестьянства. Поэтому Пугачев и смог выдать себя за императора Петра III даже при том, что между голштинским принцем, кем являлся Петр III (он же Карл Ульрих), и беглым донским казаком, кем являлся Емельян Пугачев, ничего общего не могло быть.

Фазиль Искандер также изложил свое восприятие стихотворения «Памятник». В какие бы дали свободного романа ни уносился Пушкин, он не забывал своих соперников по трону духа, своих гонителей и обидчиков. В итоговом «Памятнике» не случайно:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрейского столпа.

Еще клокочет страсть уходящей жизни: «главою непокорной». Но последняя обрывистая строка овеена не только гордостью — если вслушаться, можно уловить в ней и призыв к грусти: а стоило ли состязаться? И не поясняет ли причину этой тайной грусти концовка «Памятника»: «И не оспаривай глупца»¹⁰.

Но А.С. Пушкин не причислял царей ни к соперникам, ни к обидчикам и гонителям. Говоря о концовке «Памятника», необходимо также напомнить предыдущие строки:

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно.

Мысль Пушкина можно сформулировать следующим образом: в своем творчестве поэт должен быть беспристрастным и оценку своего творчества со стороны воспринимать философски.

Гонителем и обидчиком Пушкина был не царь, а министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров, с 1834 года также занимавший должность председателя Главного управления цензуры. А.С. Пуш-

¹⁰ См.: Искандер Ф.А. Поэты и цари.

кин находился в дружеских отношениях с С.С. Уваровым, знакомство с которым состоялось еще в 1820 году в кругу «Арзамаса». С.С. Уваров проявлял интерес к творчеству А.С. Пушкина и высоко оценил стихотворение «Клеветникам России», которое даже перевел на французский язык. Известно также, что Уваров поддержал Пушкина при его избрании в действительные члены Академии наук. Ухудшение отношений связано с тем, что на правах начальника Главного управления цензуры Уваров добился того, чтобы сочинения Пушкина проходили цензуру на общих основаниях. Иначе говоря, Пушкин был лишен прерогативы иметь в качестве цензора непосредственно царя. С.С. Уваров вычеркнул несколько стихов из поэмы А.С. Пушкина «Анджело» и, кроме того, «Историю Пугачева» оценил как возмутительное сочинение. Сложности во взаимоотношениях с цензурой стали также причиной трудностей в издании «Современника».

В эссе «Размышления писателя» Фазиль Искандер разделяет всю мировую литературу на два типа — литература дома и литература бездомья. Литература дома связана преимущественно с мудростью; представителем этого вида литературы является А.С. Пушкин наряду с Л.Н. Толстым. Во многих их произведениях описание героев сопровождается описанием их домов. Так, например, в романе в стихах «Евгений Онегин» мы видим описания домов Евгения Онегина в Петербурге и в деревне, а также семейства Лариных в той же деревне и дома их родственников в Москве. В повести «Дубровский» также присутствует описание домов Дубровского и Троекурова. Драматическая завязка повести — потеря дома Дубровским, у которого его отнял Троекуров. Кульминация — поджог дома в приступе отчаяния.

Многие произведения А.С. Пушкина посвящены теме чести и достоинства, которые занимают важное место в системе ценностей абхазского народа. Один из примеров — повесть «Выстрел». Как у абхазцев, так и в офицерской среде пушкинской эпохи тяжкое оскорбление может смыться только кровью. Общность героев произведений А.С. Пушкина и абхазцев состоит также в отваге и неистовстве, сочетающихся с благородством. Казалось бы, похищать невест — не в правилах благородных гусар, тем более — идти на хитрость, как поступил гусар Минский, чтобы украсть из дома станционного смотрителя Дуню. Но впоследствии Дуня имела в семье счастье, согласие и любовь. Из романа-эпопеи Фазили Искандера «Сандро из Чегема» мы знаем, что дядя Сандро свою невесту также похитил. И в повести «Дубровский» главный герой,

Владимир Дубровский, решается на отчаянный шаг — выхватить у князя Верейского Машу Троекурову, причем во время свадебной церемонии. Цель благородная — Дубровский любит Машу и стремится избавить ее от участи быть женой богатого, но больного старика. А согласно обычаям Абхазии, старикам жениться на молодых девушках — дурной тон.

А.С. Пушкин и Фазиль Искандер обличают общий порок — зависть. Комментируя трагедию «Моцарт и Сальери», Фазиль Искандер отмечает, что Сальери отравил Моцарта из зависти. И один из его афоризмов звучит так: «Зависть — религия калек». А в конце рассказа «Запретный плод» есть слова: «Предательство — волосатая гусеница маленькой зависти».

Общие черты героев произведений Фазиля Искандера и А.С. Пушкина — благородство, отвага и честь, а также обостренное чувство справедливости. Этим также объясняется уважение к А.С. Пушкину со стороны абхазцев в целом. Одна из улиц Сухума носит имя А.С. Пушкина несмотря на то, что в этом городе А.С. Пушкин никогда не был (кроме того, в пушкинскую эпоху не было города Сухум, была крепость Сухум-кале). Имя поэта носит также сухумская средняя школа № 2.

ПЕРЕПИСКА Л.А. ТВОРОГОВА С М.П. АЛЕКСЕЕВЫМ

Эпистолярное наследие Леонида Алексеевича Творогова (1900–1978), псковского исследователя «Слова о полку Игореве», огромно. Работая над научно-техническим описанием всех этих корреспонденций, мы не могли не обратить внимания на то, что заметное место среди них занимает в том числе и переписка с авторами книг и статей о Пушкине (приведем лишь некоторые имена: М.П. Алексеев, П.Н. Берков, В.В. Виноградов, С.С. Гейченко, А.М. Гордин, Е.А. Маймин, В.А. Мануйлов, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Цявловская, Р.О. Якобсон)¹. Письма исследователей творчества Пушкина к Творогову никогда прежде не издавались. Сам факт сбережения в личном фонде археографа эпистолярных документов, так или иначе посвященных крупнейшему русскому поэту, до нас не только не объяснялся, но даже и не был замечен².

Что связывает специалистов в области русской литературы XIX века с псковским исследователем рукописей многовековой старины, основателем Древлехранилища Псковского музея? Действительно, почему среди корреспондентов Леонида Алексеевича мы находим ученых из сектора пушкиноведения Института русской литературы Академии наук СССР? Чем вызван интерес Гейченко и других сотрудников Пушкинского Заповедника к Творогову? Ответы на эти и другие подобные вопросы до нас предложены не были.

¹ Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ПГОИАХМЗ). Древлехранилище. Ф. 766. Л.А. Творогов. Д. 138. Переписка с Михаилом Павловичем Алексеевым. Д. 185. Переписка с Павлом Наумовичем Берковым. Д. 231. Переписка с Виктором Владимировичем Виноградовым. Д. 260. Переписка с Семеном Степановичем Гейченко. Д. 276. Переписка с Аркадием Моисеевичем Гординым. Д. 496. Переписка с Евгением Александровичем Майминым. Д. 515. Переписка с Виктором Андрониковичем Мануйловым. Д. 551. Переписка с Львом Борисовичем Модзалевским. Д. 800. Переписка с Татьяной Григорьевной Цявловской. Д. 852. Переписка с Романом Осиповичем Якобсоном.

² Перечень основной литературы: *Матвеева А.Н.* Статьи о Л.А. Творогове: [№№ 1–81] // А.Н. Матвеева. Аннотированный список работ Л.А. Творогова и статей о нем. К 115-летию со дня рождения Л.А. Творогова. Псков, 2015. С. 40–54.

Настоящую публикацию следует рассматривать как отправную точку в изучении темы «Переписка Л.А. Творогова с авторами книг и статей о Пушкине». Закономерно начать исследование столь большого вопроса с комментария к письмам одного из первых корреспондентов псковского древлехранителя из числа тех, кто внес вклад в пушкинистику, — литературоведа-компаративиста, члена-корреспондента АН СССР (с 1958 года академика), профессора, доктора филологических наук Михаила Павловича Алексеева (1896–1981). Уже из одной только переписки с Михаилом Павловичем многое о причинах и содержании общения пушкинистов с Твороговым в достаточной степени выясняется.

Заочное знакомство М.П. Алексеева с Л.А. Твороговым состоялось не позже октября 1946 года, то есть спустя неполных полтора года после приезда древлехранителя из эвакуации в Псков. Декан филологического факультета Ленинградского государственного университета М.П. Алексеев и его заместитель по научной работе П.Н. Берков ознакомились с рукописью нового труда своего младшего коллеги (оба — старше Леонида Алексеевича на четыре года) и высказались о необходимости ее издания. В своем заключении, адресованном директору Псковского (тогда краеведческого) музея Алексею Андреевичу Пурышеву ленинградские ученые ссылаются на положительный «отзыв специалистов по древнерусской литературе», очевидно — устный и исходивший от сотрудников факультета. Предположительно, речь шла о профессоре Игоре Петровиче Еремине и тогда еще только доценте и кандидате наук Дмитрие Сергеевиче Лихачеве. Ясна заинтересованность директора Пурышева в экспертном отклике из ЛГУ: издание книг и брошюр за государственный счет требовало соблюдения многих формальностей, к которым, в частности, относилось и наличие стороннего отзыва. Уже через месяц после письма профессоров Алексеева и Беркова, 20 ноября, брошюра Творогова будет подписана к печати³. До конца года будет издано три тысячи ее экземпляров.

³ *Творогов Л.А.* К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа, предполагаемого заказчика псковской копии текста «Слова о полку Игореве» XIII века / вступ. ст. И.Н. Лярионова. Псков, 1946.

М.П. Алексеев и П.Н. Берков — А.А. Пурышеву
(18.10.1946, Ленинград)⁴

Директору Краеведческого музея во Пскове.

В ответ на Ваше письмо ректору Ленинградского гос. университета от 7 октября 1946 г. за № 620, по поручению ректора ЛГУ, деканат филологического факультета может Вам сообщить, что по отзыву специалистов по древнерусской литературе, предлагаемая Вами к изданию брошюра Л. Творогова «К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа, предполагаемого заказчика псковской копии текста «Слова о полку Игореве» XIII века» представляет несомненный интерес для всех изучающих «Слово о полку Игореве» и литературную историю. Выпуск ее в свет тем более желателен, что она уже набрана и прошла 2 корректуры. Филологический факультет просит Вас по выпуске этого издания в свет прислать 20 экземпляров брошюры наложенным платежом, для распространения их между интересующимися ею научными работниками факультета.

Декан филологического факультета, профессор (М.Ал—)
/М.П. Алексеев/

Замдекана факультета по научной работе, профессор (ПБерков)
/П.Н. Берков/

Непосредственная встреча Михаила Павловича и Леонида Алексеевича произошла в июне 1949-го, когда в Пскове и Пушкинском Заповеднике широко отмечалось 150-летие со дня рождения поэта. Как известно, именно в 1949 году воссозданный в селце Михайловском Дом-музей А.С. Пушкина был открыт для посетителей. Профессор Алексеев, приехавший на юбилейные торжества вместе с попавшим под опалу коллегой из Москвы, профессором Виктором Владимировичем Виноградовым⁵, специально посетил Творогова, тогда — старшего научного сотрудника Псковского музея. В музее продолжал работать кабинет «Слова о полку Игореве», созданный Леонидом Алексеевичем и им же активно пополняемый новыми экспонатами (экспозиция еще не приняла своего окончательного вида, но экскурсии по ней уже проводились). В июне в кабинете была открыта выставка, посвященная

⁴ Без конверта. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Л.А. Творогов. Д. 24. Документы, связанные с работой Л.А. Творогова по «Слову о полку Игореве». КП 12937/4085. ДОК-8933.

⁵ В 1949 году В.В. Виноградов был отстранен от должности декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

интересу Пушкина к древнерусской литературе и анонсированная еще в февральской периодике⁶. Михаил Павлович и Виктор Владимирович, тем самым, не ограничились вежливой беседой с куратором. Творогов предстал перед ними деятельным, знающим, артистичным музейным сотрудником. Последнему было что рассказать гостям: к моменту встречи он уже четыре года выступал в печати со своими оригинальными находками о Пушкине как читателе «Слова о полку Игореве».

Знакомство в июне 1949-го совпало со временем окончания работы Леонида Алексеевича над его новой книгой, что в конечном итоге и послужило поводом для начала переписки между учеными.

Л.А. Творогов — М.П. Алексееву (9.11.1949, Псков)⁷

Глубокоуважаемый Михаил Павлович!

Шлю Вам на добрую память свою новую книжку о «Слове о полку Игореве», только что вышедшую в свет⁸.

Вспоминаю нашу встречу в Пскове на Пушкинских торжествах⁹.

Желаю Вам всего и всего наилучшего.

Уважающий Вас (ЛТворогов)

⁶ Творогов Л. Выставка «А.С. Пушкин и «Слово о полку Игореве» // Пушкинский колхозник. 9.02.1949 (№ 16 (590). С. 1: «К 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина кабинет «Слова о полку Игореве» Псковского областного краеведческого музея устраивает выставку на тему «А.С. Пушкин и «Слово о полку Игореве». На выставке будет показана история изучения Пушкиным текста «Слова», начиная с юношеских лет и кончая последними днями жизни поэта. Будут экспонировать копии научных бумаг А.С. Пушкина, посвященные изучению «Слова», исправления Пушкиным переводов «Слова о полку Игореве», сделанных В.А. Жуковским и А.Ф. Вельтманом, переписку и воспоминания современников Пушкина об изучении им «Слова о полку Игореве».

⁷ Копия машинописного письма, личная подпись — от руки. Под копирку. Здесь и далее копии писем Л.А. Творогова к М.П. Алексееву и оригиналы писем М.П. Алексеева к Л.А. Творогову приводятся по архивным документам из личного фонда псковского ученого: ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Л.А. Творогов. Д. 138. Переписка с Михаилом Павловичем Алексеевым.

⁸ Творогов Л.А. Новое доказательство псковского происхождения непосредственного оригинала Мусин-Пушкинского списка «Слова о полку Игореве» / вступ. ст. И.Н. Ларионова. Псков, 1949.

⁹ В Программу празднования 150-летия со дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина включен перечень мероприятий, проходивших в Пскове и Пушкинском Заповеднике 11–13 июня 1949 года. См.: ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 647. Александр Сергеевич Пушкин. № КП 16361/1242. ДОК-21814.

В ответном письме Михаил Павлович выскажет деятельную заботу о кабинете «Слова о полку Игореве», что определит содержание последующих писем Творогова. Накануне профессор прочитал сборник «Воинские повести Древней Руси»¹⁰ и встретил в нем, в комментарии В.П. Адриановой-Перетц к «Задонщине», содержательное упоминание¹¹ одной из новосибирских книг¹² своего корреспондента. Но не только фамилия Творогова стала памятной для Михаила Павловича. Последний осведомлен о научных интересах младшего коллеги — автора статей про читателей «Слова о полку Игореве» в XIX веке (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.И. Тургенева, К. Маркса...). Именно по этой причине Алексеев сообщает Творогову о замысле собственного исследования — об «интересе» Вальтера Скотта к переводу книжного памятника. Из письма в Псков от 3 декабря становится понятно, как долго профессор будет работать над статьей «Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве». Она увидит свет только в 1958-м¹³, в том самом году, когда М.П. Алексеева избирают академиком АН СССР.

М.П. Алексеев — Л.А. Творогову (3.12.1949, Ленинград)¹⁴

Многоуважаемый Леонид Алексеевич,

спасибо за память и за Вашу новую работу, которую я получил. С удовольствием вижу, что Вы работаете, что в Музее краеведения Вами организован кабинет «Слова о полку Игореве». Позвольте Вас спросить, не могу ли я быть чем-либо полезен этому кабинету и Вам, так как я очень сочувствую идее создания такого кабинета и очень был бы рад оказывать ему всяческое содействие. Только что в наших магазинах появилась новая книга, вышедшая в свет в издательстве Академии наук под ред. В.П. Адриановой-Перетц, «Воинские повести Древней Руси». Если Вы этой книги еще не имеете, то черкните мне об этом

¹⁰ Воинские повести Древней Руси / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М. ; Л., 1949.

¹¹ Там же. С. 296.

¹² Творогов Л.А. «Слово о полку Игореве» / предисл. Л. Добровольского. Новосибирск, 1942.

¹³ Алексеев М.П. Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1958. [Т.] XIV. С. 83–88.

¹⁴ Конверт: «г. Псков. Почтамт. До востребования. Леониду Алексеевичу Творогову. Отп[равитель] М.П. Алексеев, Ленинград, 41, ул. Халтурина 27, кв. 1».

словечко и книгу не покупайте: я Вам ее немедленно вышлю¹⁵. Книга очень хорошая и кабинету иметь ее необходимо; кстати, и Вы там упоминаетесь. Вообще, — повторяю, — я был бы очень рад содействовать Вашим предприятиям хотя бы в книжном отношении. В моих собственных работах пока что, к сожалению (и великому), «Слово» не стоит... Впрочем, я как-нибудь, быть может, пришлю Вам что-нибудь об интересе к «Слову» В. Скотта!

Уважающий Вас (М.Ал—).

Чистовой вариант ответного письма, отправленного Твороговым 8 декабря, был полнее предварительного наброска, сохранившегося в архиве псковского ученого. Купюры, которые Леонид Алексеевич обозначил многоточиями, объясняются тем, что в тот же день аналогичное по содержанию письмо было заранее отправлено П.Н. Беркову. Об этом Творогов сам же сообщает своему собеседнику: «Обо всём этом я пишу слово в слово Павлу Наумовичу». Благодаря тому, что черновик письма к Беркову не содержит купюр, мы легко восстанавливаем пропуски в тексте сокращенного чернового наброска¹⁶. Полный текст содержал на месте многочисленных многоточий просьбы, адресованные профессору Алексееву, о содействии в работе кабинета «Слова о полку Игореве». Во-первых, Леонид Алексеевич хотел, чтобы именно филологический факультет ЛГУ, деканом которого с 1945 по 1947 год был Михаил Павлович¹⁷, взял на себя шефство над Кабинетом. Во-вторых, отправитель сообщал о планах по изданию музейного научного сборника, посвященного «Слову о полку Игореве». Творогов просит М.П. Алексеева подготовить совместно с П.Н. Берковым официальное письмо с предложением кураторской поддержки, а также стать главным редактором и одним из авторов собираемой в Пскове книги.

¹⁵ Нами обнаружено два экземпляра «Воинских повестей...» (издание 1949 года) в личной библиотеке Л.А. Творогова. Оба — с владельческими записями Леонида Алексеевича. Дарственных надписей на них нет.

¹⁶ ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Л.А. Творогов. Д. 185. Переписка с Павлом Наумовичем Берковым. Л. 32–34.

¹⁷ С 1950 по 1953 год М.П. Алексеев вновь будет состоять в должности декана.

Л.А. Творогов — М.П. Алексееву (8.12.1949, Псков)¹⁸

Глубокоуважаемый Михаил Павлович!

Ваше письмо от 3^{его} декабря получил с Вашими добрыми пожеланиями помочь нашему кабинету «Слова о полку Игореве». От всей души благодарю Вас за Ваше хорошее отношение. Было бы весьма желательным, если деканат... [и преподавательский состав Вашего факультета взяли шефство над нами]¹⁹. Мне кажется, что провести в жизнь его (шефство. — Авт.), при Вашем содействии, было бы легко. Для оформления его... [необходимо прислать нам соответствующее уведомление примерно следующего содержания:

«Деканат и преподавательский состав филологического факультета Ленинградского государственного университета, ознакомившись с информацией «Литературной газеты» от 19 октября 1949 года о создании при Псковском областном краеведческом музее кабинета «Слова о полку Игореве»²⁰ и глубоко сочувствуя этому начинанию, решили оказать Вам всяческую помощь в организации и работе этого Кабинета, в том числе и в объединении вокруг него всех интересующихся и занимающихся «Словом».

В частности, факультет может оказать помощь в издательской деятельности Кабинета: а) по организации издания его «Трудов» и отдельных работ, б) в сборе и посылке ему необходимых информации и статей для печатания, в) в даче необходимых (для издания) рецензий на печатаемые работы, г) в редактировании «Трудов» Кабинета.

В наступающем 1950 году исполняется 150 лет со дня выхода в свет первого издания текста «Слова»²¹. Было бы своевременным, если Кабинет к этому юбилею выпустит специальный сборник

¹⁸ Черновик письма. Датируется по содержанию.

¹⁹ Купюра. В скобках здесь и далее по тексту черновика — точная выписка из письма Л.А. Творогова к профессору П.Н. Беркову от 8 декабря 1949 года.

²⁰ [Марков С.Н. и др.] Новое издание «Слова о полку Игореве» // Литературная газета. 1949. № 84 (19 октября). С. 2: «...В Псковском музее сейчас организуется кабинет «Слова о полку Игореве». Для него подобрано уже много материалов. Большую ценность представляет картотека, составленная Л. Твороговым и насчитывающая свыше 30 тысяч карточек. Она содержит разнообразные справочные данные и библиографию всех изданий, касающихся «Слова».

²¹ Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.

небольших статей и заметок по «Слову», принадлежащих как исследователям Пскова, так и исследователям других городов нашего Союза, уже работающим и намеревающимся работать в контексте с Кабинетом». И т. д.]

Это обращение должно быть подписано Вами и Павлом Наумовичем... [Получив его, мы, в свою очередь, официально обратимся к Вам с просьбой оказать нам помощь в пределах Ваших предложений]... и попросили бы Вас и Павла Наумовича... [быть редакторами этого сборника]. Вас же лично — главным редактором.

[С нашей стороны в качестве редактора, ответственного за выпуск, в редколлегию войдет временно исполняющий обязанности директора музея — И.Н. Ларионов, уже известный Вам статьями и заметками о «Слове».

Я уже имею ряд некоторых своих предложений предоставить нам работы для печати, а частично уже получил: от Д.С. Лихачева (Ленинград), И.Д. Тиунова (Азов), Н.В. Шарлеманя (Киев)²² и др. Дадите] Вы, Павел Наумович... [Кой с кем спишусь я сам. Вы, в свою очередь, предложите дать материалы своим знакомым: В.П. Адриановой-Перетц, И.П. Еремину и другим. Одно условие — статьи должны быть небольшие, в стиле А.И. Соболевского²³. Но зато каждый автор может дать их несколько. Работы эти должны быть интересные. Главное, надо привлечь как можно больше периферийных и иногородних работников.

Типография, бумага, расходы и издание наши. Однако ввиду наших скудных средств на первый раз придется обойтись без гонораров. Частично компенсируем экземплярами.

Идея издания сборника, объединившего бы собою вокруг Кабинета исследователей «Слова», санкционирована свыше. Один из периферийных работников по своей собственной инициативе обратился к К.Е. Ворошилову²⁴ с просьбой оказать содействие нашему Кабинету,

²² Литературовед Дмитрий Сергеевич Лихачев, научный работник Азовского исторического музея Измаил Дмитриевич Тиунов и зоолог Николай Васильевич Шарлемань — корреспонденты Леонида Алексеевича Творогова.

²³ Отличительная особенность многих научных статей Алексея Ивановича Соболевского (1856/7–1929) — ясность изложения и подчеркнутая краткость (1–3 страницы). См., например, брошюру из девяти статей ученого: *Соболевский А.И.* Статьи по славяно-русскому языку. Варшава, 1883.

²⁴ Речь о Клименте Ефремовиче Ворошилове (1881–1969), маршале Со-

дабы он превратился в центр, объединивший бы вокруг себя исследователей «Слова». К.Е. Ворошилов переслал письмо в Комитет по делам культурно-просветительской работы. Оттуда копию этого письма (правда, очень сумбурного) переслали нам для реализации.] Теперь дело за нами.

Обо всём этом я пишу слово в слово Павлу Наумовичу. Обсудите с ним этот вопрос и, если можно, помогите нам. [Кто не дерзает, тот не творит.]

Всё, о чем я Вам пишу, — только начало. Но и оно немалое. В этот сборник Вы, надеюсь, не откажетесь поместить своего Вальтер Скотта, рецензии на английские и американские издания «Слова» (они Вам известны²⁵) последних лет и др.

«Воинских повестей» у нас нет. Если эта книга недорогая, и у Вас имеется возможность ее приобрести Кабинету «Слова», мы примем ее с большой благодарностью, но обязательно сделайте на ней дарственную надпись на имя Кабинета с Вашим полным титулом.

Спасибо Вам еще раз, глубокоуважаемый Михаил Павлович, за Ваше внимание и теплое отношение к нашим работам.

Желаю Вам всего и всего наилучшего. Жду от Вас приятных новостей.

Глубокоуважающий Вас... [Л. Творогов.

P.S.: Я хочу дать для сборника следующие статьи: 1) О стихе и метре «Слова о полку Игореве». 2) Почему в тексте Слова упоминаются полоцкие князья? 3) Еще одно доказательство псковского происхождения непосредственного оригинала Мусин-Пушкинского списка текста «Слова о полку Игореве». 4) Имя «Софей» в старом псковском говоре.]

Из письма П.Н. Беркова от 18 марта 1949 года Л.А. Творогов узнает о новой должности профессора Алексеева в ЛГУ и о том, что подготавливаемый в Пскове сборник нашел поддержку коллег из Пушкинского Дома.

ветского Союза (1936), с 1946 по 1953 год — заместителе председателя Совета министров СССР.

²⁵ Одно из главных направлений в исследованиях М.П. Алексеева — русско-английские литературные связи.

П.Н. Берков — Л.А. Творогову (18.12.1949, Ленинград)²⁶

Глубокоуважаемый Леонид Алексеевич!

Ваше второе письмо получил. Передал его Михаилу Павловичу, т. к. я давно уже не работаю (как и М.П-ч) в деканате. М.П. сейчас директор Филологического института при Филологическом факультете.

Ваше предложение об участии в сборнике «150 лет СоПИ» я передал И.П. Еремину, Д.С. Лихачеву, М.О. Скрипилю и др. Три названные лица²⁷ изъявили согласие дать маленькие статьи. Поэтому Вам надлежит уже лично обратиться к каждому из них с письмом по адресу: Ленинград. В.О., Тучкова наб., 2. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Я, возможно, дам заметку о новых переводах «Слова» на разные языки.

Уважающий Вас (ПБер—)

Узнав о том, что М.П. Алексеев состоит в новой должности, Творогов отправляет ему письмо, в котором просит, чтобы не факультет, а состоящий при последнем научно-исследовательский центр взял бы на себя шефство над Кабинетом.

Л.А. Творогов — М.П. Алексееву (24.12.1949, Псков)²⁸

Глубокоуважаемый Михаил Павлович!

Я только что узнал от П.Н. Беркова о том, что Вы возглавляете Филологический институт. В отношении моего письма о шефстве над нашим кабинетом «Слова о полку Игореве»: если Вы пожелаете, его может взять на себя вверенный Вам институт. Это будет более конкретным, чем шефство факультета. Остальное остается по-прежнему. Желаю Вам всего доброго.

Глубоко уважающий Вас... (Л. Творогов)

5 января 1950 года псковский ученый получил от М.П. Алексеева заказной бандеролью экземпляр сборника «Воинские повести Древней Руси»²⁹.

²⁶ Открытка: «г. Псков. Почтамт. До востребования. Леониду Алексеевичу Творогову». Адрес отправителя: «П.Н. Берков, Ленинград, 178. В.О., 13 линия, д. 56, кв. 5». ПГОИAXМЗ. Дрвслехранилище. Ф. 766. Л.А. Творогов. Д. 185. Переписка с Павлом Наумовичем Берковым. Л. 10.

²⁷ Литературоведы Игорь Петрович Еремин, Дмитрий Сергеевич Лихачев и Михаил Осипович Скрипиль — корреспонденты Леонида Алексеевича Творогова.

²⁸ Черновик письма.

²⁹ Конверт: «Заказная бандероль. Псков. Почтамт. До востребования.

Л.А. Творогов — М.П. Алексееву (7.01.1950, Псков)³⁰

Глубокоуважаемый Михаил Павлович!

Вчера я получил высланную Вами заказной бандеролью на мое имя книгу «Воинские повести Древней Руси». Большое спасибо Вам за ценный подарок нашему музею.

Когда я сообщал Вам желание на получение этой книги в дар от Вас для кабинета «Слова о полку Игореве», я не знал ее дорогой цены (16 руб.) Кроме того, я просил Вас сделать на ней дарственную надпись. В силу присущей Вам исключительной скромности Вы этого не сделали. Мы глубоко ценим Ваше внимание к кабинету «Слова о полку Игореве» и сердечно благодарим Вас за ценный подарок, но он для нас имел бы еще большую ценность при условии Вашей подписи на ней.

Получив от Вас книгу, я не знаю, как мне быть. Помимо Вашей любезности, внимания и хлопот, Вы еще потратились и не мало на ее приобретение и пересылку (около 20 руб.) Но из-за скромности послали ее для нашего Кабинета через третьи руки и анонимно. Мы бы с удовольствием взяли на себя все материальные издержки, связанные с ее приобретением и пересылкою, но я не знаю, как это сделать, чтобы Вас не обидеть. С другой стороны, нам бы очень хотелось иметь на ней Вашу дарственную надпись. Чтобы не пересылать эту книгу Вам обратно, может быть, Вы пошлете на адрес нашего Кабинета небольшое письмо дарственного характера?

Мы высоко ценим Ваши научные труды и знаем их значение для русской науки и нам хотелось бы также иметь от Вас теплое слово и для нашего Кабинета.

Одновременно нам бы хотелось знать точное название Вашей статьи для нашего юбилейного сборника³¹ («В. Скотт и «Слова о полку Игореве»?), а также и ее примерный объем. Для Вас ограничений в размере нет. Только имейте в виду, что у нас английского шрифта в типографии нет.

Интересно также было бы узнать и о судьбе вопроса о принятии Вами шефства над нами.

Л.А. Творогову от М.П. Алексеева. Ленинград, ул. Халтурина, 27, кв. 1». Письма в конверте не обнаружено.

³⁰ Черновик письма.

³¹ Речь о том же псковском сборнике к 150-летию издания текста «Слова о полку Игореве».

Когда-то Псков представлял собой большой культурный центр с большим издательским прошлым. Нам бы хотелось возродить эту хорошую традицию. Помогите нам.

Еще раз спасибо Вам за Ваше внимание и ценный подарок нашему кабинету, но мы ждем от Вас оформления этого подарка.

От всей души желаю Вам всего и всего доброго.

Искренно уважающий Вас...

К сожалению, переписка археографа из Пскова с ленинградским профессором сохранилась лишь частично. Однако и без ответной корреспонденции Михаила Павловича очевидно, что последний как пушкинист и исследователь русской литературы XVIII–XIX веков не мог согласиться выступить куратором кабинета «Слова о полку Игореве». На тот момент профессор Алексеев еще не имел публикаций о «Слове», о чем прямо сообщал своему псковскому собеседнику в письме от 3 декабря 1949 года.

Юбилейный сборник, над составлением которого работал Л.А. Творогов и его ленинградские коллеги, получил гарантированную финансовую поддержку со стороны местного Комитета по делам культурно-просветительской работы. Ряд статей для книги уже был выслан авторами в Псков. Издание Псковского музея должно было дать представление о всестороннем интересе к «Слову о полку Игореве»: оно, как хорошо видно по эпистолярному архиву Леонида Алексеевича, объединяло ученых (преимущественно профессоров) из разных областей научного знания — литературоведов, историков, биологов, музыковедов... Работа над книгой будет прервана младшим коллегой Творогова, тогда — молодым сотрудником Пушкинского Дома без научной степени, Владимиром Ивановичем Малышевым³². «Наш сборник о «Слове», — в письме от 5 августа 1950 года сообщает П.Н. Беркову псковский древлехранитель, — провален самым бесстыдным образом Вашими же аракчеевцами. Как Вам, наверное, известно, к нам весною приезжал Вл.Ив. Малышев. Он был против издания нашим музеем сборника, посвященного «Слову». Зачем же нам печатать, когда это дело Института литературы Академии наук³³.

³² Разница в возрасте между будущими основателями древлехранилищ Псковского музея и Пушкинского Дома, Л.А. Твороговым и В.И. Малышевым, — десять лет. Обоих связывала длительная переписка, одна из самых крупных, содержательных и «напряженных» в эпистолярном архиве псковского ученого.

³³ В письме к Л.А. Творогову от 13 января 1950 года В.И. Малышев наряду

Мы можем, наконец (какое бесстыдство), в нем печатать, если захотим, свои работы. Музей-де наш уже много печатал о «Слове». Можно и отдохнуть. И т. п. В результате мне официально было заявлено, что ввиду особых мнений Академии наук по поводу предполагаемого нами издания нам лучше временно воздержаться. Мне же лично было предложено «отдохнуть» от печатания, ведь-де я и так много печатал о «Слове», больше, чем другие... Как бы там ни было, наш сборник пропал. Мне очень неудобно, что я обнадежил Вас и Ваших ленинградских коллег о возможности напечатать у нас ваши работы о «Слове»³⁴.

Следующее письмо Л.А. Творогов напишет М.П. Алексееву уже в 1953 году³⁵. Отвечая, получатель будет по-доброму отзываться на присланное своим коллегой стихотворение «Пушкин в Пскове» («Меж рек, текущих полукругом...»). Творогов сочинил его в мае 1949 года³⁶. Значительная часть этой лирической пьесы (четыре четверостишия из пяти) построена как монолог Александра Сергеевича, стоящего на территории Крома, в междуречье Псковы и Великой, и любующегося старинным городом. Это непритязательное произведение не могло не

с очередной просьбой о консультации сообщал про сборник о «Слове о полку Игореве», работа над которым велась в Пушкинском Доме (книга будет выпущена издательством АН СССР в том же году): «Дорогой Леонид Алексеевич! Обращаюсь к Вам за помощью. Мне поручено подготовить к печати «Повесть о Стефане Батории»... кому как не Вам знать о нем лучше всех. Я хотел просить Вас, чтобы Вы не взирая на то, что я «испортился» (слова Л.А. Творогова, поэтому в кавычках; я оберегаю авторский текст), сообщили бы мне всё, что знаете об этой повести... Мы собираем сборник, посвящ[енный] «Слову». «Слово» выйдет также в серии «Литературные памятники» (как «Воинские повести») с обширными статьями и объяснениями... Ваш бывший, а теперь «выбывший корреспондент» (слова опять Ваши, потому и в кавычках). [ВИМалышев]». ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Л.А. Творогов. Д. 509. Переписка с Владимиром Ивановичем Малышевым. КП 12937/1965. ДОК-8150.

³⁴ Фрагмент машинописной копии письма. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Л.А. Творогов. Д. 185. Переписка с Павлом Наумовичем Берковым. Л. 36.

³⁵ Копия письма в архиве Л.А. Творогова не обнаружена.

³⁶ Л.А. Творогов писал стихи и поэмы в течение всей своей жизни. «Пушкин в Пскове» (1949) — пожалуй, единственное известное стихотворение археографа. Его текст неоднократно демонстрировался в Псковском музее на выставках к юбилею ученого. Остальные лирические пьесы Творогова остаются известны лишь сотрудникам псковского Древлехранилища.

вызвать у ленинградского профессора воспоминания о его собственном визите в Псков, о чем он и сообщил своему собеседнику.

В письме профессора отразились одни из самых замечательных его инициатив. Идет речь о двух изданиях, которые в истории мировой науки будут прочно связаны с именем М.П. Алексеева, — «Пушкин: Исследования и материалы» (первый том выйдет в 1956 году) и «Временник Пушкинской комиссии». Выпуск «Временника», как известно, был прерван в годы Великой Отечественной войны. На момент отправки письма Творогову профессор не может знать, что ровно через десять лет, в 1963 году, именно ему будет принадлежать честь возобновления этого авторитетного научного издания (уже в бытность академиком АН СССР). И «вызванная к жизни» (так в письме) М.П. Алексеевым серия «Пушкин: Исследования и материалы», и возвращенный в мир науки «покойный» (эпитет профессора) «Временник» — оба издания продолжают свои серийные выпуски, доказав свое позитивное значение для исследователей.

М.П. Алексеев — Л.А. Творогову (1.06.1953, Ленинград)³⁷

Многоуважаемый Леонид Алексеевич,

простите, что несколько задержался с ответом на Ваше письмо с вложением в него очень приятного для меня Вашего стихотворения «Пушкин в Пскове», приятного и как воспоминание и как знак Вашего душевного ко мне расположения. Сердечное спасибо и за то, и за другое (чуть было не сказал: «Спасибо Вам», но удержался, перечтя Ваше письмо; Вы, ведь, действительно вполне правы!)³⁸ А в Москву я ездил, в частности, и для того, чтобы утверждать на Бюро ОЛЯ³⁹ издание, которое я хочу вызвать к жизни: «Пушкин. Исследования и материалы», — взамен покойного «Временника» Пушкинской комиссии. Возбудил ходатайство об издании новых сборников серий, периодически, по одному или по два тома (если хватит материала и сил) каждый год. Пока идет всё хорошо. Издание утвердили с предложением сдать в издательство первый том в октябре текущего года, второй — в марте 1954 го-

³⁷ Конверт: «г. Псков. Псковский областной музей. Леониду Алексеевичу Творогову. Отп[равитель] М.П. Алексеев. Ленинград, Халтурина 27, кв. 1».

³⁸ Неизвестно, о каком суждении Творогова идет речь в скобках.

³⁹ Отделение литературы и языка АН СССР. В 1956 году М.П. Алексеев станет членом бюро Отделения, с 1959-го — председателем Пушкинской комиссии при Отделении.

да⁴⁰. Я предлагаю образовать в первом томе пять отделов и печатать здесь и доклады на наших пушкинских конференциях, и сообщения, и новые материалы о Пушкине и его современниках, и библиографию, и серьезные критические обзоры. Для одного из ближайших томов запланирован и такой обзор: «Пушкинские памятные места» (литература 1942–1952 годов)⁴¹. Если рецензия Н.А. Малеванова не появится по тем или иным причинам в Вашем альманахе⁴², не переговорите ли Вы с ним относительно возможности составить для указанного издания хотя бы часть такого обзора — по Псковской губернии, — куда можно было бы включить и рецензию на книгу Гордина⁴³ полностью или *in extenso*. Подумаем и о возможности опубликования статьи о восстании в Тригорском⁴⁴, если Н.Ф. Бельчиков⁴⁵ передаст мне ее. Не знаю, куда он ее предназначал. Говорю «подумаем», потому что для меня еще не ясно, можно ли будет ее напечатать в одном из первых томов нового нашего издания, по некоторой отдаленности ее от Пушкина. Но всё пушкинско-псковское нам нужно, и я охотно включу всё, что Вы к нам направите.

По части «Слова о полку Игореве» спишитесь с В.И. Малышевым: он больше меня в курсе дел (издательских) своего сектора. Пожалуйста, передайте мой искренний привет Л.М. Равич⁴⁶ и мою благодарность за

⁴⁰ Первый том выйдет только через три года (1956), второй — через пять лет (1958): Пушкин: Исследования и материалы / ред. М.П. Алексеев. М. ; Л., 1956. Т. 1; Пушкин: Исследования и материалы / ред. М.П. Алексеев. М. ; Л., 1958. Т. 2.

⁴¹ См. раздел «Пушкинские памятные места»: Пушкин: Исследования и материалы / ред. М.П. Алексеев. М. ; Л., 1958. Т. 2. С. 476–493. Автор статьи «Пушкинский Заповедник Псковской области» — С.С. Гейченко (с. 482–485).

⁴² Речь о готовящейся Николаем Александровичем Малевановым публикации для псковского литературного альманаха «На берегах Великой» (раздел «Критика и библиография»): Малеванов Н.А. Пушкинский Заповедник // На берегах Великой. Вып. 5. Псков, 1954. С. 156–163.

⁴³ Гордин А.М. Пушкинский Заповедник. М. ; Л., 1952.

⁴⁴ См.: Малеванов Н.А. Волнения крестьян в селе Тригорском в конце XVIII века и стихотворение Пушкина «Деревня» // Пушкин: исследования и материалы / ред. М.П. Алексеев. М. ; Л., 1958. Т. 2. С. 369–381.

⁴⁵ В 1949–1955 годах Николай Федорович Бельчиков был директором Пушкинского Дома.

⁴⁶ Библиографовед (исследовательница библиографической пушкинианы), поэт, педагог Любовь Моисеевна Равич (1923–2006). На момент написания письма М.П. Алексеевым заведовала научной библиотекой Псковского музея. Старший научный сотрудник Л.А. Творогов работал под ее руководством.

память и внимание. По части льноводства на Псковщине, — признавая всю «актуальность» этой темы⁴⁷ и ее народно-хозяйственный интерес, — я, к сожалению, не имею никаких соображений. К подобным делам я вовсе непричастен. Но всё, относящееся к исторической области в широком смысле, мне близко, и я был бы рад оказать Л.М. посильное содействие в пристроении любой ее работы такого содержания⁴⁸.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всяческого благополучия.
Искренне Вас уважающий (М.Ал—)

1952–1953 годы отличались низкой публикационной активностью Творогова. 23 мая 1953 года псковский ученый с горечью писал в Киев профессору прикладной зоологии Николаю Васильевичу Шарлеманю: «Меня вот уже два года как не печатают»⁴⁹. Неудивительно, что Леонид Алексеевич обратился к Михаилу Павловичу с просьбой поспособствовать изданию очередной его работы о «Слове». М.П. Алексеев ходатайствовал за Л.А. Творогова перед В.И. Малышевым и в качестве вложения отправил своему псковскому корреспонденту еще одно письмо:

В.И. Малышев — М.П. Алексееву (1953, Ленинград)⁵⁰

Многоуважаемый Михаил Павлович!

Полагаю, что помочь Псковскому музею в деле издания работы Л. Творогова может И.П. Еремин, к каковому и следует адресовать автора труда.

(ВМалыш—)

⁴⁷ Речь об одной из самых злободневных тем в литературе псковских авторов того времени. В 1950-х книги, брошюры и указатели литературы о льноводстве на Псковской земле выходили ежегодно. На момент отправки М.П. Алексеевым письма тираж изданной Псковским музеем брошюры И.Н. Ларионова и А.А. Слинина давно разошелся (*Ларионов И.Н., Слинин А.А.* Псковская земля — древний льноводный край. Псков, 1951).

⁴⁸ Л.М. Равич выпустил подготовленный ею указатель литературы о сельском хозяйстве (и о льноводстве, в частности) в издательстве газеты «Псковская правда»: *Равич Л.М.* Передовой опыт механизаторов сельского хозяйства: краткий указатель литературы. Псков, 1954.

⁴⁹ ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Л.А. Творогов. Д. 816. Переписка с Николаем Васильевичем Шарлеманем. КП 12937/4850.

⁵⁰ Конверт без почтовых штемпелей и марок: «М.П. Алексееву». Письмо датируется по содержанию.

Почему В.И. Малышев рекомендует наладить контакт именно с профессором И.П. Ереминым, становится ясно, если обратиться к ближайшим публикациям Л.А. Творогова, связанным со «Словом о полку Игореве». В 1953 году их нет. Но в следующем, 1954-м, они представляют собой отклики на труды авторов из Украины. Леонид Алексеевич в 1953–1954 годах знакомился с изданиями профессоров А.И. Белецкого, С.И. Маслова, кандидата филологических наук Л.Е. Махновца, переводчицы «Слова» на украинский язык Наталии Забилы⁵¹. Украинские профессора Белецкий и Маслов разделяли точку зрения Творогова на псковское происхождение непосредственного оригинала Мусин-Пушкинского списка «Слова о полку Игореве». Это обстоятельство, безусловно, импонировало Леониду Алексеевичу. Тем самым, переадресовывая к И.П. Еремину просьбу М.П. Алексеева помочь псковскому коллеге, Владимир Иванович поступал не без оснований. Профессор Игорь Петрович Еремин преподавал в Ленинградском государственном университете не только древнерусскую литературу, но и, в частности, курс украинской литературы. В личном разговоре с автором настоящей статьи Вера Николаевна Голицына (1923–2020), доцент Псковского педагогического института, вспоминала, как студенткой в 1945–1947 годах посещала лекции профессора Еремина по этой факультативной дисциплине. Так, ей особенно запомнился блок из трех лекций об украинском философе Григории Сковороде, очевидно, особенно интересном для профессора. Известно, что Ю.М. Лотман, в том числе под влиянием Игоря Петровича, учил в годы своего студенчества (1946–1950) украинский язык.

У В.И. Малышева был еще один мотив, воспользовавшись посредничеством М.П. Алексеева, профессионально сблизить Творогова с бывшим преподавателем Голицыной и Лотмана. Сотрудникам Пушкинского Дома был памятен едкий отзыв псковского ученого на статью⁵²

⁵¹ *Творогов Л.А.* Украинские ученые о культурных связях древнего Пскова с Украиной: заметки краеведа: [о псковском происхождении непосредственного оригинала Мусин-Пушкинской копии «Слова о полку Игореве»] // Псковская правда. 18.05.1954 (№ 99 (2432)). С. 4; [*Творогов Л.А.*] Новое украинское издание «Слова о полку Игореве»: [о поэтическом переводе Наталии Забилы] // Псковская правда. 18.06.1954 (№ 122 (2455)). С. 2.

⁵² *Еремин И.П.* «Слово о полку Игореве» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1944. № 72. Вып. 9. С. 3–18.

И.П. Еремина 1944 года⁵³. Однако после разгромной рецензии Творогова (1946) с подчеркнуто уничижительным названием «Работа, лишенная научного значения» прошло уже семь лет⁵⁴. Очевидно, Малышев считал примирение Еремина с Твороговым возможным. Увы, оно не состоялось.

В 1954 году М.П. Алексеев вновь выступит посредником между В.И. Малышевым и Л.А. Твороговым. Получив отказ псковского ученого на участие в юбилейной сессии сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, Владимир Иванович проявил характерную для него настойчивость. По инициативе Малышева приглашения в Псковский музей поступали неоднократно, в том числе на адрес директора Н.М. Леонтьева.

М.П. Алексеев — Н.М. Леонтьеву (27.02.1954, Ленинград)⁵⁵

Академия наук СССР.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

27 февраля 1954 г.

Директору Псковского областного музея.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР проводит в середине мая сего года двухдневную сессию, посвященную 20-летию сектора древнерусской литературы. На сессии намечено выступление представителя Псковского музея. Просим Вас сообщить, сможет ли Л.А. Творогов выступить на сессии и на какую тему (кроме «Слова о полку Игореве»)⁵⁶ он мог бы прочитать сообщение или доклад.

Заместитель директора, член-корреспондент АН СССР (М.Ал-) /М.П. Алексеев/

Под уточнением в скобках — «кроме «Слова о полку Игореве» — организаторы юбилейного мероприятия подразумевали желание услышать доклад на одну из последних археографических тем, разрабатываемых или уже разработанных Твороговым. Псковский ученый

⁵³ О том, что сотрудникам Пушкинского Дома рецензия Творогова была хорошо известна, мы знаем из писем В.И. Малышева к Л.А. Творогову 1946 года.

⁵⁴ *Творогов Л.А.* Работа, лишенная научного значения: [рецензия] // Псковская правда. 2.06.1946 (№ 116 (386)). С. 3.

⁵⁵ Без конверта. На полях приписка рукой Л.А. Творогова: «Текст отношения составлял В.И. Малышев».

⁵⁶ Текст в скобках подчеркнут Л.А. Твороговым красным карандашом.

целенаправленно исследовал рукописные и старопечатные книги, богатейшее собрание которых в 1958 году будет выделено им в самостоятельный отдел музея — Древлехранилище. Очевидно, что Леонид Алексеевич воспринял тематическое ограничение, заявленное в приглашении, как оскорбительное. В действительности же оно таковым не было. Работы Творогова 1940-х годов о «Слове о полку Игореве» в секторе древнерусской литературы были хорошо известны. Повторения идей этих публикаций, изданных еще до разгрома фашистской Германии, в ряду докладов на оригинальные темы, разумеется, были бы неуместны. В связи с этим организаторы не ограничили археографа, а наоборот, предоставили ему большую тематическую свободу, обозначив свою заинтересованность в научно-технической работе Творогова, связанной с изучением неизвестных ранее литературных памятников. Купируя едкую эпиграмму в адрес Малышева «Напрасны Ваши ухищренья...», приведем письмо Леонида Алексеевича к предполагаемому составителю текста приглашения, отправленного в Псков М.П. Алексеевым: «Дорогой Владимир Иванович! Вы написали мне письмо с предложением выступить в мае сего года на юбилейной сессии сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. Я ответил отказом. Тогда, по Вашему настоянию, М.П. Алексеев обратился с подобной просьбой к директору нашего музея Н.М. Леонтьеву. Я просил последнего ответить, что я благодарю за приглашение, но что я плохо себя чувствую, болен и т. п., и что не могу быть на сессии. Теперь Вы пишете об этом И.Н. Ларионову, соблазняя меня всякими соблазнами... Надеюсь... Вы оставите меня в покое и не будете больше приглашать приехать к Вам на сессию. Желаю Вам всего доброго. Любящий Вас (ЛТворогов)»⁵⁷.

Следующее (и последнее) письмо к Л.А. Творогову академик М.П. Алексеев отправит только через двадцать один год. Поводом вспомнить о псковском коллеге послужит 75-летний юбилей археографа.

⁵⁷ Черновик письма. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Л.А. Творогов. Д. 510. Переписка с Владимиром Ивановичем Малышевым. КП 12937/5068. ДОК-8250.

М.П. Алексеев — Л.А. Творогову (17.03.1975, Ленинград)⁵⁸

Глубокоуважаемый Леонид Алексеевич,

сердечно поздравляю Вас со знаменательной юбилейной датой! Всегда с радостью вспоминаю о нашем знакомстве с Вами, давние псковские встречи, когда в юбилейные пушкинские дни 1949 года мы ехали вместе с академиком В.В. Виноградовым в село Михайловское и посетили Вас.

Хорошо знаю Ваши работы о псковском письменном наследии⁵⁹, храню Ваши статьи о «Слове о полку Игореве».

От души желаю Вам доброго здоровья и долголетия, благополучия и всяческих радостей.

Искренне Вас уважающий (М.Ал—)

Небольшая по объему переписка, как мы постарались показать нашей публикацией, весьма полезна для историков Пушкинского Заповедника и Псковского музея, включавшего созданный Л.А. Твороговым кабинет «Слова о полку Игореве». Письма содержат материалы для биографии обоих корреспондентов. Из этих эпистолярных документов мы узнаем о совместной поездке профессоров М.П. Алексеева и В.В. Виноградова в Псков и Михайловское в 1949 году, об участии ученых в торжествах по случаю открытия Дома-музея А.С. Пушкина; о посредничестве М.П. Алексеева в профессиональном общении Л.А. Творогова и В.И. Малышева; о том, что публикации Л.А. Творогова входили в круг чтения прославленного пушкиниста задолго до присвоения последнему звания академика. И главное: в Михаиле Павловиче псковский древлехранитель увидел редкий случай соединения высоких профессиональных и человеческих качеств — знающего, доброжелательного организатора науки, достойного стать куратором первого в мире Кабинета-музея «Слова о полку Игореве».

⁵⁸ Конверт без почтовых штампов и марок: «Леониду Алексеевичу Творогову от М.П. Алексеева. Ленинград, 199034, 7-я линия, д. 2, кв. 3».

⁵⁹ См., например: *Творогов Л.А.* Сокровищница старой русской книжности. Древлехранилище Научной библиотеки Псковского областного краеведческого музея: краткая историческая справка. Псков, 1957.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АЛЕКСЕЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МОШИНЕ И КОЛЛЕКЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПИСАТЕЛЯ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ ГОРОДА ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

«В городе Новоржеве жил старый купец Василий Томилин; он возил на ярмарку в Святые Горы свой бакалейный товар и в палатке торговал там. В числе его покупателей был и А.С. Пушкин, о котором потом, через много лет, он часто рассказывал своему внуку, а тот пересказал мне и предложил записать и напечатать»¹, — так начинал свой очерк «К легендам и рассказам об А.С. Пушкине» Алексей Николаевич Мошин. В этом же очерке автор поместил воспоминания о Пушкине бывшего управляющего разными имениями «старика Даниил[ы] Сергеевича Сергеева-Ремезова»², «старой старушки Акулины Ларионовны Скоропостижной» и доживающего «свой долгий век» «по другую сторону села Михайловского... в деревеньке Богомолы»³ «мужичка Ивана Павлова».

Воспоминания о А. Пушкине и о других сочинителях, составивших славу русской литературы, вошли в книгу «Новое о великих писателях: мелкие штрихи для больших портретов»⁴. Сборник издавался в Санкт-Петербурге дважды: в 1905 и 1908 годах. Собрал и записал рассказы очевидцев о встречах с великими писателями уже упомянутый литератор Алексей Мошин.

¹ *Мошин А.Н.* К легендам и рассказам об А.С. Пушкине // Lib.ru: сайт [Электронный ресурс: http://az.lib.ru/m/moshin_a_n/text_1908_k_legendam_i_rasskazam_o_pushkine.shtml].

² «В начале восьмидесятых годов он управлял имением Спицыно в двенадцати верстах от города Великие Луки». См.: *Мошин А.Н.* К легендам и рассказам об А.С. Пушкине.

³ Там же.

⁴ *Мошин А.Н.* Новое о великих писателях (мелкие штрихи для больших портретов): рассказы очевидцев о том, какое производили на них впечатление И.А. Крылов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, М.Е. Щедрин-Салтыков, гр. Л.Н. Толстой, Ги де Мопассан и А.П. Чехов. СПб., 1908.

Алексей Николаевич родился 16 (29) мая 1870 года в городе Великие Луки Псковской губернии. Здесь он пять лет обучался в Великолуком реальном училище, из которого, по воспоминаниям старшего сына писателя Владимира Алексеевича Мошина⁵, «вынес прекрасное знакомство со всей русской литературой, выработанный, художественный стиль речи, который ему позднее признала литературная критика, и безупречное правописание»⁶. Владимир Алексеевич замечал: «Любопытный, вечно пытливый, человек неиссякаемой энергии и могучей воли к жизни, он, вероятно, уже в школе почувствовал влечение к литературному труду и тягу к широкому свету»⁷.

Экзамен «на аттестат зрелости и экзамены по всем предметам историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета» он сдавал экстерном, так как в 16 лет молодой человек «был поставлен в необходимость» зарабатывать на жизнь. Находясь на службе «почтово-телеграфной, железнодорожной, в торговой конторе и по городскому общественному управлению»⁸, Алексей Николаевич оставался живой, активной натурой, человеком с «художественной душой». В свободные часы он занимался литературным творчеством, писал очерки и рассказы, виртуозно играл на гитаре, пел, посещал театры и выставки, встречался с актерами, художниками, литераторами... Круг общения А.Н. Мошина был чрезвычайно широк, среди его знакомых были Т.Л. Щепкина-Куперник, Ю.М. Юрьев, Н.Н. Ге, В.Е. Маковский, Ю.Ю. Клевер, А.П. Чехов, Г. Сенкевич, А.И. Куприн, И.И. Ясинский, Г.А. Мачтет, Ф.И. Шаляпин, И.С. Галкин, Ф.П. Ризниченко, И.К. Пархоменко, И.Е. Репин, Э. Ксисменес и другие. Старшая дочь писателя Галина Алексеевна Мошина (в замужестве Карпова)⁹ вспоминала: «Не было

⁵ Мошин Владимир Алексеевич (1894–1987) — старший сын писателя А.Н. Мошина, протоиерей, филолог, славист, медиевист, византолог, археограф, палеограф, академик, профессор, доктор исторических наук.

⁶ Мошин В.А. Из воспоминаний старшего сына А.Н. Мошина, Владимира. 1979 год // Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив. Д. I П 26. Л. 17.

⁷ Там же.

⁸ Ан. К-р. Алексей Мошин. Краткая критико-биографическая заметка // К-р Ан. Алексей Мошин. Краткая критико-биографическая заметка. Беседы с В.Г. Короленко и Л.Н. Толстым А.Н. Мошина в комментариях русской печати. СПб., 1905. Ксерокопия. С. 8.

⁹ Карпова Галина Алексеевна (1902 — после 1984) — старшая дочь А.Н. Мошина, библиотековед и библиограф, методист по заведованию библио-

такой отрасли литературы и искусства, которой бы он не интересовался и не занимался»¹⁰.

Первым печатным произведением А.Н. Мошина в 1891 году стала «корреспонденци[я] из Сибири, в которой он описывал безотрадный быт ссыльнопоселенцев»¹¹. Со временем молодой автор начал сотрудничать с различными газетами, журналами, литературными альманахами и сборниками. С 1897 года статьи и заметки Мошина начали печататься в петербургских периодических изданиях. В следующем году увидела свет его книга «Очерки и наброски», а затем другие произведения. Алексея Николаевича заметили и читатели, и литературная критика. В 1905 году Ан. К-рь так отзывался о нем: «Произведения Алексея Мошина, несомненно, принадлежат перу даровитого писателя, читаются легко, с интересом и удовольствием; они оригинально задуманы, написаны литературно, просто, хорошим языком, без подражания, оставляют на себе внимание читателя и вызывают на размышление... Некоторые из его рассказов вышли прямо из сердца автора. У Алексея Мошина есть нечто свое, особенное...»¹²

В 1915 году в Пскове была издана книга Мошина «Легенды Великих Лук»¹³, которая вызвала большой интерес у краеведов города во второй половине XX века. В этот период книга не была доступна широкому кругу читателей, она не переиздавалась и стала библиографической редкостью. Ситуацию не изменило даже то обстоятельство, что в 1986 году по инициативе В.А. Мошина «Легенды...» были напечатаны издательством Московской патриархии в сборнике «Богословские труды» № 27.

Книгу автор посвятил памяти «земляка-великолучанина, полезного собеседника в... юности, Михаила Ивановича Семевского»¹⁴: ведь именно по совету Семевского начинающий писатель начал собирать «рассказы о старине».

теками в Ленинграде (Санкт-Петербурге).

¹⁰ Карпова (Мошина) Г.А. О семье Мошиных и о себе. 1984 год // Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив. Д. I П 27. Л. 39.

¹¹ Мошин В.А. Из воспоминаний старшего сына А.Н. Мошина, Владимира. 1979 г. // Краеведческий музей г. Великие Луки. Научный архив. Д. I П 26. Л. 17.

¹² Ан. К-р. Алексей Мошин. Краткая критико-биографическая заметка. С. 6.

¹³ Мошин А.Н. Легенды Великих Лук. Псков, 1915.

¹⁴ Там же. С. 7.

Историю создания «Легенд...» Алексей Мошин изложил на первых страницах своего произведения. И начал так: «Дед автора Александр Тимофеевич Мошин по совету Александра Сергеевича Пушкина (с которым познакомился на ярмарке в Святых Горах, а затем побывал у великого поэта в Михайловском) стал собирать предания о своей родине, Великих Луках, по рассказам стариков — и светских людей, и священников, и монахов, и делал в свою тетрадь гусиным пером выписки из разных древних документов, какими только мог воспользоваться»¹⁵. Эти «рассказы, слышанные автором еще в детстве от деда, а потом возобновленные отчасти в памяти по рассказам отца и матери», эта «самая тетрадь деда с выписями из древних документов и записями устных преданий», а также «рассказы о старине Великих-Лук других людей» и «те, хоть и весьма немногие древние документы, с какими... автору посчастливилось ознакомиться», вошли в состав книги «Легенды Великих Лук»¹⁶.

Всю жизнь Алексей Николаевич был страстным коллекционером. Он собирал не только «рассказы о старине», но и автографы писателей и воспоминания о них, а также рисунки, произведения живописи, фарфор, скульптуру... Галина Алексеевна писала: «Наша квартира... была похожа на музей в миниатюре». И еще:

«С большой любовью и старанием он собирал автографы великих людей и другие реликвии, произведения искусств.

Сколько я себя помню, все комнаты нашей квартиры, кроме детской, были всегда увешаны от потолка и до стульев вплотную одна к другой картинами... художников. Столы и горки заставлены скульптурами и фарфором»¹⁷.

«Он объездил всю Европу и из каждой поездки привозил много интересных «трофеев». Особенно же тщательно он разыскивал всевозможные ценности по родной стране. Объездил многие места, где жили наши великие писатели или художники...»¹⁸

К сожалению, обширная дореволюционная коллекция Алексея Николаевича не сохранилась — впрочем, как и послереволюционная.

¹⁵ Мошин А.Н. Легенды Великих Лук. Псков, 1915. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 9–10.

¹⁷ Карпова (Мошина) Г.А. О семье Мошиных и о себе. 1984 год // Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив. Д. I П 27. Л. 39.

¹⁸ Там же. Л. 42.

Что же касается литературно-исторического архива писателя, то в октябре 1925 года Алексей Николаевич передал свой «архив, содержащий рукописи... сочинений, обширную переписку научного, общественного и литературного характера»¹⁹ в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в Ленинграде, за что был удостоен памятной бронзовой Пушкинской медали²⁰.

Коллекция фотографий и документов Алексея Мошина сформирована и в Краеведческом музее города Великие Луки²¹. Предметы поступали в разные годы из разных источников и составили со временем личный фонд писателя. Первой стала фотография, которую 26 февраля 1965 года передала в музей великолукчанка Евгения Ивановна Мошина, родственница Алексея Николаевича. Это произошло после появления в газете «Великолукская правда» статьи, в которой упоминался автор «Легенд Великих Лук». Подаренный снимок сопровождается дарственной надписью от 12 января 1929 года. Возможно, это — последнее или одно из последних изображений литератора.

Следующий предмет (книга «Легенды Великих Лук») поступил в апреле 1970 года. Большая часть документов была подарена музеем в 1980-е годы дочерью писателя Галиной Алексеевной Карповой и его внуком Георгием Ивановичем Карповым. Из поступивших материалов особого внимания заслуживают собранные и записанные Алексеем Мошиным частушки. Рукопись озаглавлена «Желанная. Частушки Великолукского уезда». Документ оформлен на пяти листах и состоит из трех частей: «Частушки парней», «Частушки девушек» и «Рекрутские». Кроме этого, значительный интерес представляют портреты А.Н. Мошина, выполненные в фотомастерских Москвы, Новгорода, Рязани, Пензы и других городов в период между 1902 и 1929 годами.

¹⁹ Среди переданных документов были открытки с портретами А.Н. Мошина работы И.Е. Репина и В.Е. Маковского, письма А.Н. Мошину И.К. Айвазовского, В.М. Васнецова, А.Д. Вьяльцевой, В.А. Гиляровского, А.Ф. Кони, В.Г. Короленко, В.Е. Маковского, Д.Н. Мамина-Сибиряка, И.К. Пархоменко, В.Д. Поленова, И.Е. Репина и другие документы.

²⁰ Благодарственное письмо Пушкинского Дома А.Н. Мошину от 22 октября 1925 года. Копия. ПМЗ НВ 4723.

²¹ В соответствии с договором между Псковским музеем-заповедником и Краеведческим музеем города Великие Луки часть музейных предметов находится в безвозмездном пользовании у Краеведческого музея города Великие Луки.

В научном архиве музея следует выделить письма Галины и Георгия Карповых, а также рукописи воспоминаний старших детей Алексея Николаевича Мошина. Рукописи представляют собой машинописные тексты с пометками от руки и автографами авторов.

Алексей Мошин был большим патриотом родных мест. Здесь на Псковщине, в городе Новоржеве²², куда он приехал для чтения лекции «Человечество — рабочая семья», прошел последний день жизни писателя. Он умер 15 февраля 1929 года.

Минул не один десяток лет со дня смерти писателя, но имя его не затерлось со временем, не забылось. В стихотворении «И время уходит, и жизнь коротка...» ленинградская поэтесса Наталья Карпова, правнучка Алексея Мошина, писала: «Наш короток век — длиннее стократ / Судьба настоящего слова»²³. Алексей Николаевич, пожалуй, был одним из тех литераторов, которые не только стремились донести до читателя «настоящее слово» великих русских писателей, но и умели сказать в литературе свое особенное слово.

Источники и литература

Благодарственное письмо Пушкинского Дома Мошину А.Н. от 22 октября 1925 года. Копия. ПМЗ НВ 4723.

Лажечников А.И. Художественные досуги // Новая всемирная иллюстрация. № 18. Ксерокопия. ПМЗ НВ 6508/1.

Мошин А.Н. К легендам и рассказам об А.С. Пушкине // Lib.ru: сайт [Электронный ресурс: http://az.lib.ru/m/moshin_a_n/text_1908_k_legendam_i_rasskazam_o_pushkine.shtml].

Мошин А.Н. Краеведческий музей города Великие Луки. Научный архив. Д. I П 26. 37 л.; Д. I П 27. 76 л.; Д. I П 28. 24 л.

Мошин А.Н. Легенды Великих Лук. Псков, 1915.

От редакции: Автопортрет И.С. Тургенева (Карриатура) // Новая всемирная иллюстрация. 1912. № 12. Ксерокопия. ПМЗ НВ 4724.

Петров С.Г. Дорогое для Лук имя (Алексей Николаевич Мошин) // А.Н. Мошин. Легенды Великих Лук. Великие Луки, 2013.

Ткачева С.П. Мир Алексея Мошина // История Великих Лук в работах А.А. Редика, Д.М. Милютина, А.Н. Мошина: сборник произведений известных великолукских историков и краеведов XIX — начала XX века. Великие Луки, 2015.

²² В 1929 году Новоржев входил в состав Западной области.

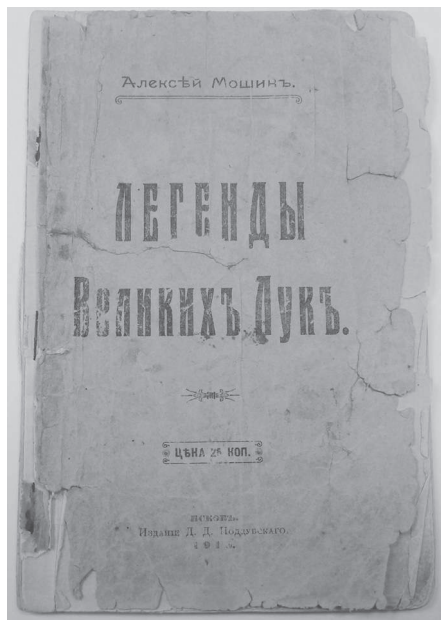
²³ *Карпова Н.И.* Трамвайный перекресток: стихотворения. Л., 1987. С. 143.

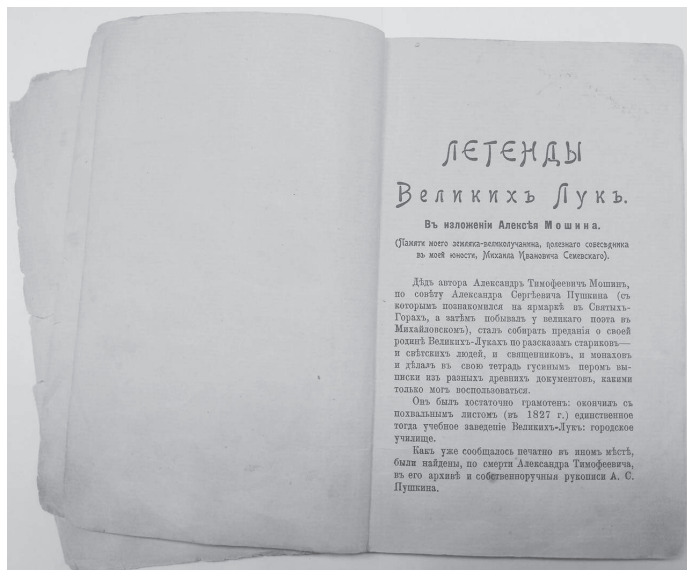
Алексей Николаевич Мошин. 16 мая 1902 года. Рязань.
Из фондов Псковского музея-заповедника;
место хранения — Краеведческий музей города Великие Луки

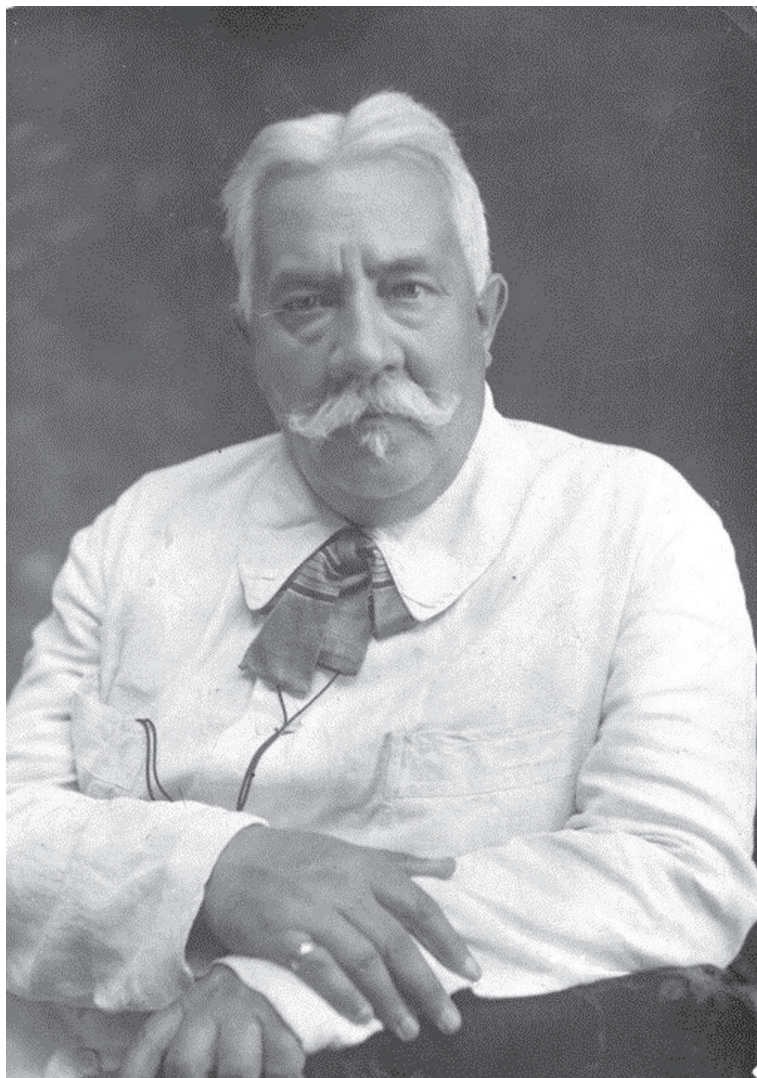

*Алексей Николаевич Мошин. 1903 год. Москва.
Из фондов Псковского музея-заповедника;
место хранения — Краеведческий музей города Великие Луки*

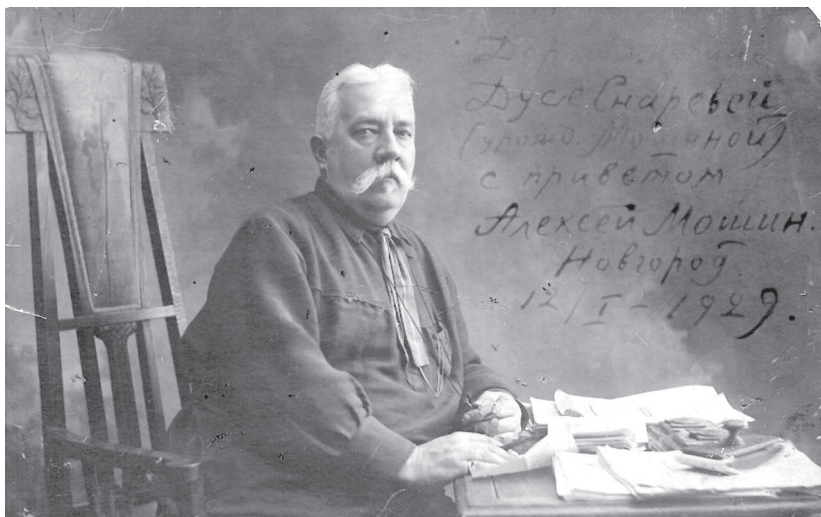

*А.Н. Мошин.
Легенды Великих Лук.
Псков, 1915.
Из фондов Краеведческого музея
города Великие Луки*

*Алексей Николаевич Мошин. 1928–1929 годы.
Из фондов Псковского музея-заповедника;
место хранения — Краеведческий музей города Великие Луки*

*Алексей Николаевич Мошин. 1929 год. Новгород.
Из фондов Псковского музея-заповедника;
место хранения — Краеведческий музей города Великие Луки*

БОЙ 3-Й ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ У РЕКИ СОРОТИ 11 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

В июле 1943 года 3-я Ленинградская партизанская бригада, маневрируя, продолжала бои против немецких захватчиков. Особенностью жарких июньских и июльских боев было то, что в них участвовали, помимо уже знакомых партизанам 207-й и 281-й охранных дивизий, полноценные армейские подразделения, которые немцы выводили из-под Ленинграда. Одним из таких подразделений была 223-я пехотная дивизия. Она прибыла на Восточный фронт в ноябре 1941 года и действовала южнее Ладожского озера до апреля 1943 года. 9 апреля 1943-го дивизию направили в тыловые районы для борьбы с партизанами. В конце мая 1943 года ее по железной дороге перебросили из-под Мги через Лугу и Дно в район Сущево — Бежаницы — Локня — Красный Луч. Здесь дивизия участвовала в антипартизанских операциях у Насвы, а затем, совместно с 331-й пехотной дивизией, в боях против партизан у Новоржева, Сошихина и Пушкинских Гор.

Несмотря на солидный боевой опыт и хорошее оснащение врага, партизаны в боевых действиях часто одерживали победу. Один из таких знаменательных для бригады боев произошел 11 июля 1943 года, когда два партизанских отряда 3-го и 4-го партизанских полков (отряд № 23 — командир С.А. Пупышев и отряд № 37 — командир С.А. Панцевич), действуя совместно, разгромили батальон 344-го гренадерского полка 223-й пехотной дивизии, который маршем двигался из Выбора через деревню Вишлево. В деревне Пентеши немцы остановились и загнали местное население в сарай, собираясь его поджечь. Под ударом партизан враги разбежались: часть отступила назад в Вишлево, а другие попытались прыгнуть в реку Сороть и скрыться в рощах Пушкинского Заповедника. Не всем им удалось переплыть через небольшую реку.

Дневник штаба 3-й Ленинградской бригады рассказывает о событиях:

«11 июля 1943 года. Штаб бригады находится в д. Пожиково. Противник — 8-я рота 2-й бат. 344-го полка 223-й пд в количестве 200 чел. прибыл с Выбора в расположение гарнизона полка и завязал бой в н. п. Кашино, Пентеши, Поповня (3 218). В результате боя про-

тивник был прижат к реке Сороть, где переправиться через реку ему не удалось.

В бою уничтожено противника 154 чел., 4 фрица взяты в плен. Кроме того, уничтожена 1 машина с боеприпасами, 2 ст. пулемета, 1 бат. миномет, 50 мин, 50 винтовок, повозка с боеприпасами.

Взяты трофеи: 1 пушка 37 мм и 48 снарядов, радиостанций 2, винтовок 9, патронов 5900, автоматов 1, документы, 4 ручных пулемета, остальное по мелочи.

Наши потери: убито 3, ранено 13 человек»¹.

Деревня, где в описываемое время расположился штаб бригады, как часто бывало на Псковщине, имела два названия: Пожиково и Пожито. Оба названия встречаются в документах и в аннотациях к фотографиям.

Немцы в своих документах также отметили этот бой. Журнал боевых действий 223-й пехотной дивизии содержит краткое донесение от 12 июля 1943 года, описывающее события предыдущего дня:

«12.7.1943. 425-й гренадерский полк докладывает, что подчиненный ему III батальон 344-го полка на марше из Выбора через Вишлево и Крюково встретил сильное сопротивление. Из-за превосходящих сил бандитов батальон с потерями отступил в Вишлево и там закрепился. 2-й дивизион 223-го артполка, 3-я и 4-я роты 223-го велосипедного разведбатальона (Radf. Schw./Schn. Abt. 223) были подтянуты к позициям 425-го полка. Кроме того II батальон 425-го полка был выдвинут в район 5 км севернее Новоржева.

Приказом командира дивизии II батальон 385-го полка также был подчинен 425-му полку для борьбы с бандами (численность батальона 9 офицеров и 320 солдат)»².

В послевоенных воспоминаниях события описывают командир 3-го партизанского полка Д.В. Худяков и командир 37-го отряда 4-го партизанского полка С.А. Панцевич.

Вот что пишет Д.В. Худяков в книге Н.В. Масолова «Не сломленные бурей»³:

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-116 Л. Оп. 1–2. Д. 1591. Дневник штаба 3-й Ленинградской бригады. Л. 123.

² NARA. T-315. Roll 1693.

³ Не сломленные бурей: партизаны и бойцы незримого фронта в битве за Ленинград. М., 1975. С. 172–174.

*Командир 3-го партизанского
полка Дмитрий Васильевич Худяков.
Фото М. Трахмана. Лето 1943 года.
ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы.
Оп. 1. АР-5. Ед. хр. 7824*

*Комиссар 3-го полка
Александр Григорьевич Григорьев.
ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы.
Оп. 1. АР-13. Ед. хр. 22341*

«До войны мне не доводилось бывать в этих краях. Какие же тут были леса, луга, поля, усадьбы, если и теперь, обезображенные войной, они сохраняли щемящую душу красоту! Сюда приезжали люди со всех уголков нашей страны, бывали здесь и зарубежные гости. На этой земле жил и навсегда в ней остался великий Пушкин.

— Взгляните, вон Михайловское! — воскликнул Григорьев. И глаза его возбужденно сверкнули. — Вы помните эти строки? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продекламировал:

Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.

Утренние розовые облака величаво плыли по небу, отражаясь в водах Сороти и озер. С высоты холма нам хорошо были видны Михайловские рощи, подернутые голубой дымкой. Далеко на западе синела брошенной лентой Великая. И как бы надо всем этим возвышался человек с гордо поднятой головой:

Утешься, мать градов Россия,
Воззри на гибель пришлеца.
Взгляни: они бегут...

Мы с начальником штаба Василием Бойковым молча слушали комиссара, продолжавшего читать и читать. Сердце мое замирало. Да, Александр Григорьевич и сам в душе был поэтом. Его как-то по-особенному волновали и красота здешних мест, и тишина, и стихи.

Но вдруг уродливым диссонансом раздалась стрельба. Мы вскочили на коней и поспешили в штаб. Здесь нас ожидал связной. В донесении, которое он доставил, командир 23-го отряда С.А. Пупышев лаконично сообщал: «Иду в наступление на карателей в деревне Пентеши».

Что за черт? Ведь в деревне должен был находиться заслон 4-го полка Ефимова. Что же случилось?

Тотчас отправили связного к комбригу с донесением. За вражескими гарнизонами в Пушкинских Горах и Новоржеве усилили наблюдение. Отряды полка подняли по тревоге. Но толком никто еще не знал, почему Пупышев кинул отряд в деревню, оставив занимаемые им оборонительные позиции.

А произошло, оказывается, вот что. Из Новоржева двигался незамеченный партизанами батальон карателей. Он занял ряд деревень и натолкнулся в Пентешах на группу партизан. Принимать бой группе было не выгодно, и Ефимов отвел ее на основные позиции полка. Каратели остановились в деревне, не подозревая о скоплении партизанских полков и отрядов вокруг.

Из деревни в отряд Пупышева прибежали взволнованные женщины. Их провели к командиру.

— Что с вами, бабоньки? Ну, говорите же, что случилось? — почуяв неладное, спросил Семен Афанасьевич.

— Наших жгут... Всех, и старых и малых, в скотник согнали... Фрицы по хатам рыщут. Ой, спасите, милые, помогите...

*Лейтенант
Семен Афанасьевич Пупышев.
В январе 1942 года из окружения
вошел в состав 2-й Особой.
Осенью 1942 года воевал
в партизанском крае.
С марта 1943 года командир
23-го отряда 3-го партизанского
полка 3-й Ленинградской
партизанской бригады
// Память народа: сайт
[Электронный ресурс: [https://
pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero-
94967186/?backurl=%2Fheroes%2F
%3Flast_name%3D%D0%9F%D1%8
3%D0%BF%D1%8B%D1%88%D0%
B5%D0%B2%26J](https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero-94967186/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3D%D0%9F%D1%83%D0%BF%D1%8B%D1%88%D0%B5%D0%B2%26J)]*

Партизаны, ворвавшись в деревню, были свидетелями настоящего разбоя, который учинили гитлеровцы. К счастью, скотник еще не был подожжен. Оттуда доносились неистовые крики людей.

Застигнутые врасплох, гитлеровцы имели жалкий вид. Они лезли в скирды соломы, прятались по темным углам конюшен, на чердаках. Жить, жить — умоляли их поднятые руки.

Освобожденные жители деревни, обезумев от радости, целовали смущенных партизан. Старики, вооружившись вилами, стояли в боевой готовности, ожидая приказа преследовать карателей.

Наседая на отступавших карателей, бойцы погнали их к деревне Кашино, где стоял 2-й полк Ярославцева. Фашисты, почуяв, видно, опасность, свернули к Сороти. Они искали в ней спасение, а нашли смерть.

Вот что означала эта неожиданная стрельба в то тихое прозрачное утро. Я докладывал тогда командиру бригады Александру Викторовичу Герману:

— Партизаны двадцать третьего отряда нашего полка под командованием Пупышева и комиссара Антонова разгромили батальон карателей и спасли от расправы жителей деревни Пентеши. Захвачены трофеи: пушка и снаряды, радиостанция, пулеметы, автоматы,

*Комиссар 23-го отряда Антонов Прокофий (Прокопий) Антонович
с сыном Михаилом. П.А. Антонов до войны — председатель колхоза
деревни Федово Славковского района, М.П. Антонов — тракторист
Ворошиловской МТС Славковского района.*

ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1. АР-12. Ед. хр. 20068

винтовки и повозки с боеприпасами. Есть пленные. Наши потери: один убитый, восемь раненых, трое контуженых.

Комбриг внимательно слушал доклад. Когда я закончил, он широко улыбнулся, крепко пожал мою руку и сказал:

— А ребята-то наши научились воевать!»

Дмитрий Васильевич ошибся в одном. Герман в описываемое время был в отпуске в советском тылу и бригадой до 27 июля командовал И.В. Крылов.

Для командира 37-го отряда Степана Андреевича Панцевича деревня Пентеши была знакома еще по отступлению 1941 года⁴:

«А в Пентешах Панцевич снова встретился с дядей Павлом Шибановым. Его дочка Нина за два года повзрослела и похорошела. Она опять, как и тогда, приготовила перехватку — горячую картошку с бараниной, а сама пошла постоять на часах.

⁴ Иду на риск. Документальное повествование о партизане А.В. Германе / И.Г. Семенков. СПб., 1998. С. 24–29.

Лейтенант

Степан Андреевич Панцевич.

Во 2-й Особой с августа 1941 года.

*Ранен осенью 1942-го,
до весны 1943 года находился
на излечении в советском тылу.*

*С апреля 1943 года — командир
37-го отряда 4-го полка*

// Память народа: сайт

[Электронный ресурс: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero-93876766/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3D%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26]

Бывают же такие совпадения! Перехватки и на этот раз не получилось.

Нина, наблюдавшая за берегом Сороти, крикнула:

— Немцы идут из Кашина!

Степан вышел на улицу и в бинокль увидел в точности такую же картину, какую наблюдал тогда с Муратовым: со стороны Кашина по дороге, спускающейся в ложину, идут машины с пехотой и пушкой.

Но теперь Панцевичу не было нужды бежать к Сороти и спастись в воде, прикрывшись «сковородкой» кувшинки: под его рукой — отряд бойцов, способных дать отпор непрошеным гостям...

Приказав командиру роты Мише Шуленину принять бой, Панцевич поспешил в Поповню, где находились основные силы его отряда — надо было привести их в боевую готовность и выручать товарищей.

Рота Шуленина, не выдержав напора оккупантов, отошла, оставив жителей деревни на произвол судьбы.

Каратели, обозленные тем, что не смогли окружить и уничтожить горстку партизан, согнали жителей в сарай и готовились поджечь его. Об этом сообщила партизанам в Поповне Нина Шибанова, которой удалось избежать участи односельчан.

*Командный состав 4-го полка на формировании в Мареве в апреле 1943 года.
В первом ряду справа с немецким автоматом стоит командир полка
Г.И. Ефимов, левее его командир 37-го отряда Степан Андреевич Панцевич.
ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1. АР-171. Ед. хр. 256106*

Положение осложнялось. Каратели, расправившись с мирными жителями, могли двинуться вглубь дислокации бригады. Панцевич обратился за помощью к командиру полка Ефимову. Григорий Иванович жестко ответил:

— Как оставили деревню, так и берите обратно.

И Панцевич со своим отрядом поспешил к Пентешам на выручку роты Шуленина. В это время, сознавая всю опасность создавшегося положения, Ефимов выслал в тыл карателям, к деревне Кашино роту из 35-го отряда, а командир Третьего полка Д.В. Худяков направил 23-й отряд Семена Пупышева, который должен был перерезать дорогу карателям к бегству в Зимари и дальше на Пушкинские Горы. Общими усилиями двух отрядов и одной роты был нанесен мощный удар, которого не ожидали враги. Побросав убитых и раненых, а также машины с пушкой и вооружением, немцы бросились через Сороть вплавь. Подоспевшие партизаны расстреливали их в упор. Эпизод повторился, только теперь немцы бежали от Панцевича.

Однако у сарая, в котором были заперты жители деревни, враги упорно сопротивлялись. Панцевич, помня наказ Ефимова, приказал Шуленину отбить сарай и спасти людей от сожжения заживо.

Михаил повел роту в атаку, но тяжелый пулемет, поставленный на холме возле самого сарая, прижал партизан в картофельном поле, не давал поднять головы. Среди партизан появились убитые и раненые.

Как заставить замолчать пулемет, если у тебя нет ни миномета, ни гранат? Да если бы и были, бросать мины или гранаты нельзя — в сарае заперты мирные жители. Миша Шуленин, лихой казак, получивший на фронте орден Красного Знамени, снова поднимает роту в атаку. Рота встает и тут же залегает под убийственным огнем. Тогда Михаил принимает единственно верное решение: с частью бойцов по-пластунски обойти сарай и напасть на пулеметчиков с тыла. И вдруг пулемет замолк.

«Наверное, кончились патроны у фашиста», — подумал Шуленин, в третий раз поднимая роту.

Когда партизаны очутились у сарая, то увидели: на пулемете лежал немецкий офицер, его фуражка с высокой тульей, пробитая пулей, валялась рядом. Кто убил офицера, да еще в голову? Партизаны этого сделать не могли...

Раздумывать некогда, Шуленин ударом приклада автомат сбивает запоры, открывает дверь сарая. Ему помогают другие. Освобожденные со слезами радости обнимают своих спасителей, а комроты Шуленин, отойдя в сторону, стоял с опущенной головой — было стыдно и горько от того, что по его вине люди чуть не заплатились своей жизнью.

Верхом на коне прискакал командир отряда Панцевич. Обнимая его, дядя Шибанов сказал, вытирая слезы рукавом рубахи:

— Вот, Степа, пришел и твой черед ослобонить старого Шабанова от безвинной смертушки. Спасибо тебе, родной.

— Дядя Павел, не благодарить нас надо, а ругать за то, что допустили немцев в деревню и подвергли ее жителей смертельной опасности.

— Не, Степа, твои мальцы здорово лупцевали фрицев и выкупали их в Сороти, — продолжал восхищаться отвагой партизан старый житель Пентешей. — А дочушку мою не видал? Успела ли она уйти от шишков (шишок — черт, привидение (пск.)), когда те ворвались в деревню?

— Дочка твоя жива-здорова, она была в штабе полка, скоро вернется, — ответил Панцевич.

— Заходи, Степан Андреевич, в избу, надоть тебе хоть раз покушать по-настоящему за два года нашего знакомства.

— Некогда, дядя Павел. Командир полка вызывает в штаб.

Последним из сарая вышел Саша Иванов, невысокий паренек. Это ему удалось пронести с собой пистолет, он и пристрелил немецкого

*Орудие и немецко-фашистские солдаты Готтлиб Оурле и Эдуард Винтер, захваченные в плен партизанами отрядов.
ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 Л. Оп. 16. Д. 771*

офицера, просунув оружие в дверную щель. Шуленин понял это сразу, увидев подростка с пистолетом руках.

Соротское «крещение» немцев оказалось роковым для 8-й роты 233-й пехотной дивизии, прибывшей из Франции для борьбы с партизанами: она почти полностью была уничтожена, большинство ее солдат были убиты или утонули в Сороти, а те, кому удалось выбраться на левый берег, в Петровский парк, были выловлены партизанами и местными жителями.

При разгроме роты карателей партизаны захватили или сожгли четыре автомашины, одну 37-мм пушку и 48 бронебойных снарядов к ней (против партизан бросали пушки с бронебойными снарядами!), два тяжелых пулемета, автоматы, винтовки с боеприпасами. Не говоря уже о таких трофеях, как брюки, френчи, сапоги и другое обмундирование вояк, сброшенное ими на берегу реки для облегчения своего бегства».

Захваченную пушку партизаны возили с собой до самого Житницкого боя, когда ее пришлось подорвать.

*Партизаны рассматривают пушку, захваченную в боях
с подразделениями 233-й пехотной дивизии. Июль 1943 года.
Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД).
Шифр 0-95428 ч/б.*

Пленные немцы, пушка и захваченные в бою радиостанции были запечатлены на многочисленных фотоснимках корреспондента ЛенТАСС Михаила Трахмана. В документах и аннотациях к фотоснимкам дивизию иногда ошибочно именуют 233-й пд.

Бои с партизанами для 223-й пехотной дивизии оказались не слишком удачными. После описываемых событий с 16 по 19 июля дивизия была переброшена через Локню на Опочку, а с 1 по 4 августа прибыла в район Идрицы. 14 августа 1943 года дивизия была погружена в железнодорожные эшелоны и отправлена на полтавское направление по маршруту Идрица — Люблин — Мозырь — Полтава. А разведывательный отдел штаба Северо-Западного фронта получил ценные сведения о противнике:

Партизаны-радисты рассматривают трофейную радиостанцию, захваченную партизанами в бою с противником. На фото слева направо: начальник связи бригады Михаил Васильевич Лебедев, радист штаба бригады Василий Иванович Родионов, радист штаба бригады Иван Иосифович Полинчак.
ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 Л. Оп. 16. Д. 1696

«СПРАВКА ПО ТРОФЕЙНЫМ ДОКУМЕНТАМ РО Штаба СЗФ
КП С.З.Ф. 25.7.43. КАРТА 200.000.

ПЕРВОЕ:

11.7.43. в р-не КАШИНО, ПОПОВНЯ, ПЕНТЫШИ (22–25 км сев.-зап. НОВОРЖЕВ) партизанами разбит отряд линейных войск пр-ка численностью до 200 чел. при батальонных минометах и орудиях ПТО. Отряд прибыл на автомашинах с направления НОВОРЖЕВ; в отличие от охранных войск, он действовал решительно и организованно, но беспечно (не выслал разведку и не прикрыл флангов). У убитых в бою изъятые солдатские книжки, принадлежащие:

а) об. ефр. 11 р. 344 пп 223 пд КЕРН, 1907 г. рождения, который мобилизован в апреле 41 г.; в апреле 43 подлежал отчислению из боевой части (причина не установлена), но остался в ней добровольно; в мае 43 г. из 514 запасного батальона в составе 223/3 маршевого батальона

прибыл на пополнение 223 пд, в 11 р. 344 пп, где оставался до последнего времени;

б) ефрейтору 11 р. 344 пп ВИНТЕР, 1907 г. рождения, который: мобилизован в июне 40 г.; в январе 43 г. до апреля 43 г. служил в 504 ландверном батальоне; с 6 по 14.4.43 находился в отпуску; 15.5.43 через 514 запасный б-н в составе 223/3 маршевого батальона прибыл в 11 р. 344 пп;

в) ефрейтору 12 пулеметной роты 344 пп ОЕРЛИ, 1906 г. рождения, который: мобилизован в апреле 40 г., в начале 43 г. служил в 4 трофейном батальоне; 15.5. через 514 запасный б-н, в составе 223/3 маршевого батальона прибыл в 12 р. 344 пп;

г) рядовому 12 р 344 пп ВОРС, 1920 г. рождения, который: призван в декабре 42 г., в 223 запасную роту связи, откуда переведен в марте 43 г. в 87 запасную роту связи; 10.4.43 в составе 223/2 маршевого батальона прибыл на пополнение в команду связи 3/344 пп, откуда, переведен в 12 р., где служил до последнего времени»⁵.

⁵ Справка по трофейным документам 223 пд РО штаба СЗФ // Память народа: сайт [Электронный ресурс: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=111194250&backurl=q\> Справка по трофейным документам 223 пд РО штаба СЗФ].

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОРАНИЕНБАУМСКИХ ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ И ПАРКОВ

По материалам воспоминаний Е.П. Субач

В ведомственном архиве Государственного музея-заповедника «Петергоф» хранится рукопись Евгении Петровны Субач «Мои воспоминания о жизни и деятельности в нашем парке в послевоенное десятилетие»¹. Мемуары написаны спустя продолжительное время с момента описываемых событий, в 2002 году. Автор оставил нам воспоминания о том, что его волновало, сохранившиеся в памяти яркие эмоции отражены подробно. Скрупулезно записаны имена от директора до печника, описаны условия жизни и быта работников и вклад каждого в дело восстановления Ораниенбаумских дворцов и парков. «Много было работы. Все дружно работали. Залогом в труде была трудовая дисциплина и вера в сытое, счастливое завтра»².

Евгения Петровна Субач (в девичестве Карлова) родилась 21 февраля 1923 года в деревне Левдузи Ломоносовского района Ленобласти в семье крестьян. Мать, Екатерина Андреевна Карлова (в девичестве Киугель), умерла в 1937 году, отец, Петр Иванович Карлов — в 1948 году. В 1941 году Евгения окончила девять классов средней железнодорожной школы в Ораниенбауме, а уже в августе Карловы были включены в списки подлежащих к эвакуации. Но первый отправленный эшелон был подорван, и железнодорожная линия была разбита. Евгения так вспоминает события тех дней: «В сентябре месяце 22 числа (1941 года) ушли вдвоем копать картофель (в 2 км от Петергофа). 24 сентября утром пришел к нам маленький братишка и наутро все собрались домой. Картофель переправили на попутных машинах воинских частей, которые копали картофель на колхозных полях. Утром в деревне были уже немцы и мы четверо остались при том, что было на нас, на оккупированной территории...»³ «В сентябре 25 числа нас угнали

¹ Ведомственный архив Государственного музея-заповедника «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 318.

² Там же. Л. 8.

³ ОВАК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 140. Л. 129.

к местечку около Стрельны»⁴ трудиться на «дорожных работах». С июня 1942 года Евгения находилась в Германии, Восточной Пруссии, а с сентября 1943 года — в Финляндии на сельскохозяйственных работах. В 1945-м, после заключения мирного договора с Финляндией, вернулась в Петровский район Ярославской области, где служила до 24 января 1946 года старшим инспектором отдела госпособий многодетным и одиноким матерям в Петровском райфинотделе Ярославской области⁵. Позже вернулась в Ораниенбаум⁶.

В Дирекции Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков Е.П. Карлова (Субач) начала трудовую деятельность в качестве управляющей делами с 1 марта 1946 года⁷ и непрерывно работала до 11 марта 1963-го. В ее обязанности, наряду с делопроизводством, входили кадровая работа, регистрация личного состава, военный учет, ведение табеля рабочего времени, контроль состояния служебных помещений дирекции. За время работы делопроизводителем Евгения Петровна окончила курсы машинописи, «тем самым значительно» сократив «расходы по канцелярии» и «повысив культуру обработки дел и документов дирекции»⁸. Евгению Петровну отличали работоспособность, умение глубоко вникать в «дела дирекции», рвение за общее дело, отзывчивость, активное участие в общественной жизни. В следующем, 1964 году Е.П. Субач временно вернулась на работу контролером в танцпавильон и рабочим музея «Дворец Петра III». С 1982 по 1991 год она устраивалась на временные работы — лесником, возчиком-конюхом гужевого транспорта, сторожем пожарно-сторожевой и вневедомственной охраны, а с 1991 до 31 марта 2003 года⁹ постоянно — сторожем Оранжерейного хозяйства.

В архивах пока не удалось найти ни одного упоминания мемуарного характера о людях, о которых пишет Субач, — имеются лишь лаконичные делопроизводственные и кадровые документы. Тем ценнее оказывается этот источник, позволяющий добавить штрихи к портретам работников, на чью долю пришлось трудности первых лет восстановления

⁴ ОВАК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 140. Л. 129 об.

⁵ Там же.

⁶ С 1948 года город переименовали в Ломоносов.

⁷ Выписка из Приказа по дирекции Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков от 1.03.1946г. № 11. П. 1 // ОВАК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 140. Л. 134.

⁸ Там же. Л. 133.

⁹ Приказ № 28-к от 3.02.2003г. // ОВАК. Ф. 122. Оп. 4. Д. 39. Л. 57 об.

дворцов-музеев и парков Ломоносова. Вспомним о некоторых из них, пробегая по страницам воспоминаний...

«В 1946 году марте месяце я пришла в парк с желанием поступить на работу. Дирекции никакой не было. Принял меня директор Контарович Семен Исаакович¹⁰ в одной из комнат дома № 6¹¹. Мне было 23 года. Он предложил мне работу в канцелярии в должности управделами. Предупредил, что работы будет много. Я ответила, что люблю работать, согласилась»¹², — вспоминает Евгения Петровна.

Семен Исаакович являлся директором дворцов и парков Ломоносова в период с 11 февраля 1946 по 7 марта 1956 года. Под его руководством были развернуты масштабные работы по восстановлению и открытию дворцов-музеев и парков.

В мае 1946 года Контарович заключил договор с реставрационными мастерскими Управления архитектуры на восстановление Китайского дворца с «учетом работ первой очереди в июне месяце и полного восстановления в 1946 году»¹³. Одновременно готовилась к открытию экспозиция с вводной выставкой «История Ораниенбаума»¹⁴.

Было расширено штатное расписание, на 1946/47 годы оно состояло из управления и следующих отделов: административно-хозяйственного, бухгалтерии, планово-финансового, музейного, садово-паркового, оранжерейно-паркового, плодово-ягодного, древесно-кустарникового питомников, строительно-технического, пожарно-сторожевой охраны, культмассового, танцевального, лодочной станции, велостанции и сезонного штата по музею (экскурсоводы, техперсонал, кассиры, контролеры)¹⁵. Музей особо нуждался в рабочих строительной специальности, в штате появились плотники, кровельщик, печник.

Возникла срочная необходимость в организации служебных помещений и обеспечении жильем персонала. Ранее дома по

¹⁰ Контарович Семен Исаакович (1905–?) — уроженец Кишинева, окончил в 1924 году Институт экранного искусства по специальности «культуротник».

¹¹ Речь идет о доме по адресу Краснофлотское шоссе, 6. В нем размещались кладовые, складские помещения и «контора».

¹² Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 318. Л. 1.

¹³ Приказ Ленинградского городского отдела культурно-просветительной работы исполкома Ленгорсовета от 27.05.1946г. № 171 // Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 102. Оп.1. Д.10. Л. 13.

¹⁴ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 103. Л. 6.

¹⁵ Там же. Д. 69. Л. 4–8.

Краснофлотскому шоссе находились во временном пользовании у Ораниенбаумского Военфлотторга КБФ¹⁶. В доме № 10 «располагалась в/часть ЭПРОН»¹⁷. В доме жили матросы. Командир части занимал маленький домик на территории рядом с конюшней. Там же на территории... стояли автомашины и разная техника»¹⁸. Начались первоочередные ремонтные работы в домах №№ 8 и 10. В отремонтированные дома расселяли работников. На втором этаже Китайской кухни было организовано мужское и женское общежитие¹⁹.

Семен Исаакович продолжил работу по освобождению зданий парка от сторонних организаций. На заседании исполнительного комитета Ленинградского городского совета народных депутатов 20 августа 1946 года, учитывая «художественно-архитектурную ценность» здания б. Кирхи (Каменное зало), было принято решение «предложить КЭО КБФ²⁰ в срок до 1 сентября (1946 года) освободить здание от склада»²¹ воинских частей, находившихся в парке. В 1947 году, после передачи здания в ведение Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков, началась его реставрация с приспособлением под кинолекторий. В 1950 году начался процесс передачи в «ведение дворцов-музеев и парков» Нижнего парка, ранее занятого Базовым матросским клубом²² Военно-морского флота²³.

¹⁶ Выписка из протокола № 4 заседания исполкома Ораниенбаумского городского совета депутатов трудящихся от 17.02.1945г. «Об изъятии оранжерей от Военфлотторга КБФ» // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 54. Л. 5. КБФ — Краснознаменный Балтийский флот.

¹⁷ Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) — государственная организация особого назначения, занималась подъемом кораблей, судов, подводных лодок и другими подводными работами.

¹⁸ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 318. Л. 2.

¹⁹ Позже примут решение освободить Китайскую кухню, в связи с этим между домами №№ 6 и 8 по Краснофлотскому шоссе выстроят двухэтажный дом.

²⁰ Квартирно-эксплуатационный отдел Краснознаменного Балтийского флота.

²¹ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

²² Базовый матросский клуб (1947–2014) располагался на ул. Еленинская, 1 (Ломоносов). В Нижнем парке проводили спортивные соревнования, городские мероприятия, праздники.

²³ Протокол заседания исполнительного комитета Ломоносовского городского совета депутатов трудящихся от 24.05.1950г. № 18 «О передаче Нижнего

От производственно-технических мастерских Петродворца в парке трудилась бригада из пяти человек, выполнявшая необходимые работы по «наряду-заказу», за что дирекция перечисляла деньги по «акту-процентовке»²⁴.

Росло и крепло хозяйство, приобрели двух лошадей. Одна «была маленькая, породы «монголка»²⁵. На ней стал ездить директор»²⁶.

«В парке между «Домом ребенка» и оврагом распахали огромный участок земли и наделили всех желающих... огородами. Многие рабочие, которые жили в наших домах, приобрели коров. В парке каждому определили участок покоса, таким образом, трава в парке была всегда выкошена. Большие площади скашивали для своих лошадей... В 1946 году были на всё карточки. На рабочую карточку давали 500 гр[аммов] хлеба на день, а на служащего 400 граммов. С появлением огородов наши рабочие и служащие стали жить лучше»²⁷.

Восстанавливали парк, который «был в блиндажах и дзотах. Деревья сломаны, повалены»²⁸. Под руководством Семёна Исааковича парк готовили к первому открытию: расчищали аллеи, убирали сухостой, зарывали траншеи, восстанавливали дороги, «аллеи в центральной части трассировались, чистились канавы от поросли, сжигался лист, убиралась тина с прудов»²⁹. Служебная деятельность Контаровича неоднократно отмечалась почетными грамотами и благодарностями. «За большую и интенсивную работу, проведенную к открытию парков» ему была объявлена благодарность «с занесением в трудовую книжку»³⁰.

«Он целыми днями находился на месте работ. Был очень беспокойный, требовательный к себе и к коллективу, знал бытовые нужды, всем старался помочь, как мог. Коллектив его очень уважал», — так

парка в ведение дворцов-музеев и парков» // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 318. Л. 4.

²⁵ Монгольская или бурятская порода лошади. Отличается коренастым сложением и большой выносливостью.

²⁶ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 318. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 5.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 8.

³⁰ Приказ Ленинградского городского отдела культурно-просветительной работы исполкома Ленгорсовета от 06.07.1946г. № 225 // ЦГАЛИ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

вспоминала о директоре Евгения Петровна, отмечая его организаторские способности, взыскательность, трудолюбие, переживание за общее дело, целеустремленность, осведомленность во всех сферах своего беспокойного хозяйства.

В 1948 году приступил к работе Павел Ефимович Ефимов³¹. С 9 февраля 1948 по 22 января 1987 года он занимал должности старшего агролесомелиоратора, мастера парковых работ, заведующего отделом парков, главного хранителя парков в Ораниенбаумских дворцах-музеях и парках³². Его роль в послевоенном возрождении парка — особенная. Под его руководством разбирали блиндажи и дзоты, прокладывали трубопереезды, чистили пруды, создавали ландшафтные группы, высаживали молодые деревья, воссоздавали цветники и партеры. «В парке выбраковывалось много сломанных деревьев. Их спиливали с разрешения ГИОПа на дрова. На их месте или рядом всё время подсаживали молодые деревья. С западной стороны дома № 10 (по Краснофлотскому шоссе) сразу за металлическим забором был питомник. Это было детище Павла Ефимовича. Посадочный материал он покупал в питомнике «Глухово». В парке много новых, засаженных молодыми липками, аллеей. Есть кленовая аллея, высаженная вся заново. Весь склон вокруг Каталной горки высажен новыми деревьями. Ремонтировались аллеи, по которым уж совершенно невозможно было ни ездить, ни ходить»³³. Евгения Петровна не оставила нам оценки личных качеств Павла Ефимовича, но ее упоминание о том, что работы в парке вели два человека — Ефимов

³¹ Ефимов Павел Ефимович (12.07.1912–1988) — уроженец села Лебяжье Ораниенбаумского района Ленинградской области. 1930–1933 годы — учеба в Ораниенбаумском лесном техникуме по специальности «техник-лесотаксатор». В 1934 году работал лесным техником Капшинского лесопромышленного хозяйства (ЛПХ) треста «Ленлес» в Тихвинском районе. 11.11.1934–17.10.1936 — служба в Красной армии в 4-й авиабригаде города Детское Село (Пушкин) авиамотористом в звании старшего сержанта. После демобилизации (1936–1939) — слесарь в Ремонтно-механических мастерских Ленинграда. В 1939 году поступил в Ленинградский институт точной механики и оптики, откуда со второго курса ушел на фронт, служил заведующим хранилищем Главного авиационного склада (ГАС). «За боевое обеспечение» награжден медалью «За оборону Ленинграда» (1943). 1945–1948 — техник Гидрографического района ВМС Ораниенбаума.

³² С 1983 года — Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник в городе Ломоносове.

³³ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 318. Л. 20.

с помощницей Ольгой Петровной Петровой³⁴, при небольшом штате постоянных парковых рабочих («лесники 5 или 6 человек» и «4 штатных единицы... на цветниках»³⁵ и только «на уборку парка с весны набирали 14–16 человек»), — говорит о его невероятной трудоспособности, энергичности, умении организовывать работу в условиях многозадачности, способности к практическому воплощению поставленных целей.

При посещении Ораниенбаума заведующим сектором памятников природы Госинспекции по охране памятников, ученым садоводом Владимиром Павловичем Савиным был составлен акт³⁶ о первоочередных и безотлагательных мерах по поддержанию парка, в котором говорится о необходимости лечения древостоя парка в объеме 15–20%, восстановления дорожной сети, мелиоративной системы, создания партеров, обработки водоемов.

Подготовительные работы по очищению прудов заключались в производстве зимних замеров, составлении ведомостей объемов воды и земляных работ, разработке характеристик состояния водоемов³⁷. В периоды 1949–1954, 1957–1958 годов выполнена «глубинная» очистка прудов: Карпинного, «Подкова», Кательной горки, Китайского дворца и Фигурных. Зимой производились просушка и промораживание, механическая чистка донного покрытия. Евгения Петровна так вспоминает события тех лет: «Чистился П-образный пруд в зимнее время. Спускалась вода. На дно пруда заезжали на лошади. На сани-дровни был сделан широкий настил из досок. Куда именно вывозили этот ил,

³⁴ Петрова Ольга Петровна (13.01.1944) — уроженка села Нижнее Гутово Кемеровской области Юргинского района. В 1962–1983 годах мастер-цветовод, мастер цветочного и садового оформления, «главный хранитель фондов парка» // ОВАК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 113. Л. 51 об.

³⁵ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 318. Л. 19.

³⁶ Акт осмотра Ломоносовского парка от 22.06.1948г. // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 83. Л. 11 об.–14 об.

³⁷ *Ефимов П.Е.* Зимние промеры и обмеры П-образного пруда, пруда у Китайского дворца и пруда у Павильона Кательной горки. 1948–1951 // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 15; *Ефимов П.Е.* Ведомости объемов воды П-образного пруда, «Китайского пруда», объемов земляных работ по очистке пруда у Кательной горки и характеристики состояния водоемов. 1948–1951, 1972 // Там же. Оп. 2. Д. 2; *Ефимов П.Е.* Ведомости объемов земляных работ по очистке П-образного пруда, прудов у Китайского дворца, Кательной горки и объемов воды пруда у Кательной горки Верхнего парка города Ломоносова. 1949–1951 // Там же. Оп. 3. Д. 5.

я написать воздержусь, так как не знаю»³⁸. В справке³⁹ о пруде Китайского дворца⁴⁰ было дано подробное описание состояния водоема и методов очистки с использованием центробежного насоса путем выведения воды «по системам канав» через парк, Копорское шоссе⁴¹, Красную слободу, железную дорогу в Финский залив. Эта методика использовалась при проведении работ осенью 1950 года.

В 1950 году Ефимовым был разработан проект осенних посадок районов Верхнего и Нижнего парков⁴². На участках парка возле Каменного зала, Нижнего пруда, Базового клуба, «П-образного» пруда, границы парка по проспекту Володарского требовались дополнительные посадки березы, дуба, клена, ясеня. «Ели у Каменного зала тоже посажены Павлом Ефимовичем. Уже тогда прорисовывались рисунки клумб, разбивали клумбы и сажали цветы. Это всё было так ново, красиво. Мы все бегали смотреть. Молодые саженцы лип, которые не успели посадить в парке, выросли в красивые деревья»⁴³. Совместно с З.Л. Эльзенгр⁴⁴ подготовлено плановое задание на воссоздание Верхнего и Нижнего парков⁴⁵. Все эти работы хранятся в Ведомственном архиве ГМЗ «Петергоф» и по сей день имеют практическое значение.

«О, как красиво умирает парк,
Не становясь болезненным и старым,
Лишь озаряя синеву небес
Янтарным, ослепительным пожаром.

³⁸ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 318. Л. 20.

³⁹ *Ефимов П.Е.* Справка по пруду Китайского дворца в Верхнем парке дворцов-музеев города Ломоносова (составлена на предмет очистки пруда). 1950 // Там же. Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 52.

⁴⁰ Исторические материалы о пруде были подготовлены научными сотрудниками.

⁴¹ Современное название — Дворцовый проспект.

⁴² *Ефимов П.Е.* Проект осенних посадок районов Верхнего парка. 1950 // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 22.

⁴³ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 318. Л. 22.

⁴⁴ Эльзенгр Зоя Леонидовна (1898–1967) — искусствовед, исследователь, старший научный сотрудник Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков (1940–1963, 1964, 1967).

⁴⁵ *Ефимов П.Е., Эльзенгр З.Л.* Архитектурно-планировочное задание по восстановлению Нижнего и Верхнего парков. 1955 // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 118.

Парк принимает, словно праздник, смерть,
В своем конце он краше, чем в начале,
Чтоб никому не вздумалось посметь
Подумать об утрате иль печали⁴⁶.

Да простит мне читатель мое лирическое отступление. Я так люблю парк в любое время года. В парке я нашла тропинку, которая привела меня на работу. Эта тропинка превратилась для меня в широкую дорогу. По ней я шла, никуда не сворачивая. В парке я вышла замуж, родила сына⁴⁷.

Избранником Евгении Петровны стал Алексей Данилович Субач⁴⁸. С 1 октября 1946 года он приступил к работе в дирекции Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков в качестве старшего научного реставратора⁴⁹; с 7 января 1950 года был переведен на должность «исполняющего обязанности инженера-архитектора»⁵⁰, а с 20 декабря 1950 года стал главным архитектором⁵¹. С 7 февраля 1951-го уволился в связи

⁴⁶ Евгения Петровна цитирует стихотворение Игоря Кобзева. В оригинале звучит «О, как красиво умирает лес...»

⁴⁷ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 318. Л. 21–22.

⁴⁸ Субач Алексей Данилович (28.09.1914–1971) — уроженец Кронштадта, в 1933 году окончил Техникум гражданского строительства Ленсовета по специальности «техник-строитель», с 1933 по 1936 год работал в строительстве техником производства работ. В 1936 году был зачислен студентом архитектурного факультета Всероссийской Академии художеств, до 1938-го совмещал учебу с проектно-сметной работой в ГО КБФ, а с 1939 года — с работой художника Военно-морского клуба КБФ и архитектора-художника Детского санатория Ленобздравотдела в Мартышкине. С началом войны, в связи с мобилизацией на военную службу в качестве художника, прервал учебу в Академии. В 1942 году в «истощенном состоянии» был эвакуирован в Моршанск на работы в совхозе. С 7 апреля 1943 по 29 сентября 1946 года был начальником Моршанского треста «Спецтранс» Министерства путей сообщения. Награжден медалями «За доблестный и самоотверженный труд в Великой Отечественной войне», «За участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и «За оборону Ленинграда» (1946).

⁴⁹ Выписка из приказа по Дирекции дворцов-музеев и парков от 30.09.1946г. № 181 // ОВАК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 140. Л. 96.

⁵⁰ Выписка из приказа по Дирекции дворцов-музеев и парков от 06.01.1950г. № 6 // Там же. Л. 102.

⁵¹ Приказ по Дирекции дворцов-музеев и парков от 20.12.1950г. № 209 // Там же. Л. 105.

с поступлением на 4-й курс Академии художеств «для окончания высшего образования»⁵². С июня 1951 года, в течение трех месяцев, работал главным архитектором⁵³. В 1954 году был временно зачислен на ставку главного архитектора⁵⁴.

В этот период осуществлялись реставрационно-консервационные работы первой очереди. В Китайском дворце бригада под руководством А.Д. Субача произвела срочные ремонтные работы подполья Буфетной и коридора «из Столовой в Спальню Екатерины»⁵⁵. Были вскрыты паркетные щиты, подборы лаг и балок, пораженные жучком. Произведена замена бревенчатых балок с укладкой по кирпичным столбам, дощатого подбора с покрытием слоем шлака, осуществлена «полная очистка» подполья с антисептированием древесины. По периметру коридора выполнена «укладка деревянных балок и черного подбора», с восстановлением кирпичной кладки фундамента. В павильоне Катальной горки система консервационных мер во избежание дальнейшего разрушения заключалась в починке крыши, зашивке окон и нанесении штукатурки на колонны.

В парке была организована культурно-просветительская и массовая деятельность. «Массовый отдел занимался организацией гуляний в парке в выходные и праздничные дни. На большие гулянья заказывались афиши в типографии, музыка. На перекрестках в парке были небольшие импровизированные сцены, на них тоже играла музыка»⁵⁶. Алексей Данилович разработал проекты лодочной пристани, открытого летнего театра, площадки настольных игр в Верхнем парке, забора для катка, план размещения спортивных сооружений Нижнего парка⁵⁷, многие из которых нашли свое воплощение.

В рамках статьи сложно охватить всех, о ком вспомнила Евгения Петровна, это лишь малая часть персоналий. Истории послевоенного вос-

⁵² Выписка из приказа по Дирекции дворцов-музеев и парков от 24.02.1951 г. № 25 // Там же. Л. 108.

⁵³ Там же. Л. 109–110.

⁵⁴ Был зачислен на период май-июнь 1954 года на время болезни Е.А. Чистяковой.

⁵⁵ Акт осмотра скрытых работ от 27.11.1948г. // Ведомственный архив. Ф. Р-23 Оп. 1. Д. 56. Л. 30.

⁵⁶ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 318. Л. 18–19.

⁵⁷ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 1.

становления дворцов и парков Ораниенбаума в ее мемуарах отводится особое место и оказывается пристальное внимание. Документ является ценным источником в дальнейшем выявлении лиц, внесших в это свой вклад и имеющих полное право на сохранение доброй памяти о них.

*Евгения Петровна Субач (Карлова).
Середина — конец 1950-х годов.
Из личного архива О.П. Мичуриной*

*Евгения Петровна Субач.
Конец 1980-х годов.
Из личного архива О.П. Мичуриной*

*Семен Исаакович Контарович.
Начало 1960-х годов.
Объединенный ведомственный
архив культуры (ОВАК)*

*Корчевка еловых пней на Липовой аллее в парке. 1947 год.
Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф»*

*Павел Ефимович
Ефимов (справа).
Конец 1940-х годов.
Ведомственный архив
ГМЗ «Петергоф»*

*Мастера-садоводы: в центре П.Е. Ефимов,
справа Ольга Петровна Петрова.
1962 год. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф»*

*Очистка «П-образного» пруда. 1949 год.
Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф»*

*Очистка «П-образного» пруда. 1949 год.
Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф».*

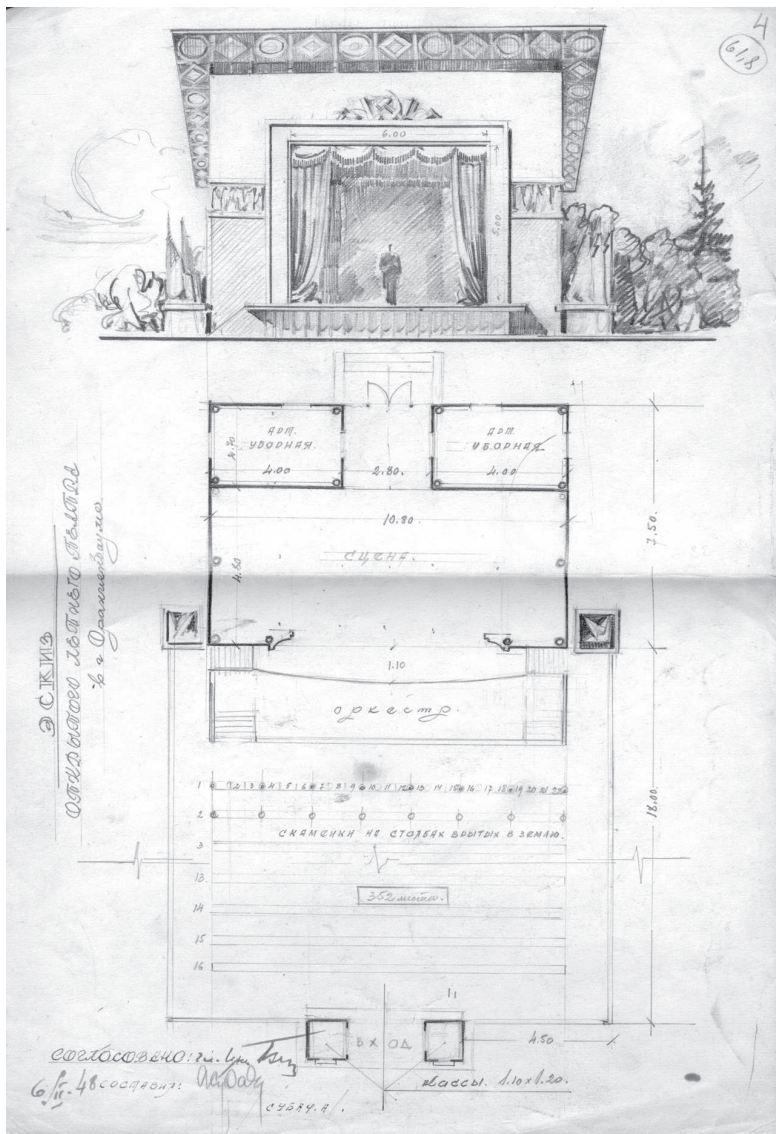
*Работы по очистке пруда у Китайского дворца. 1950 год.
Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф»*

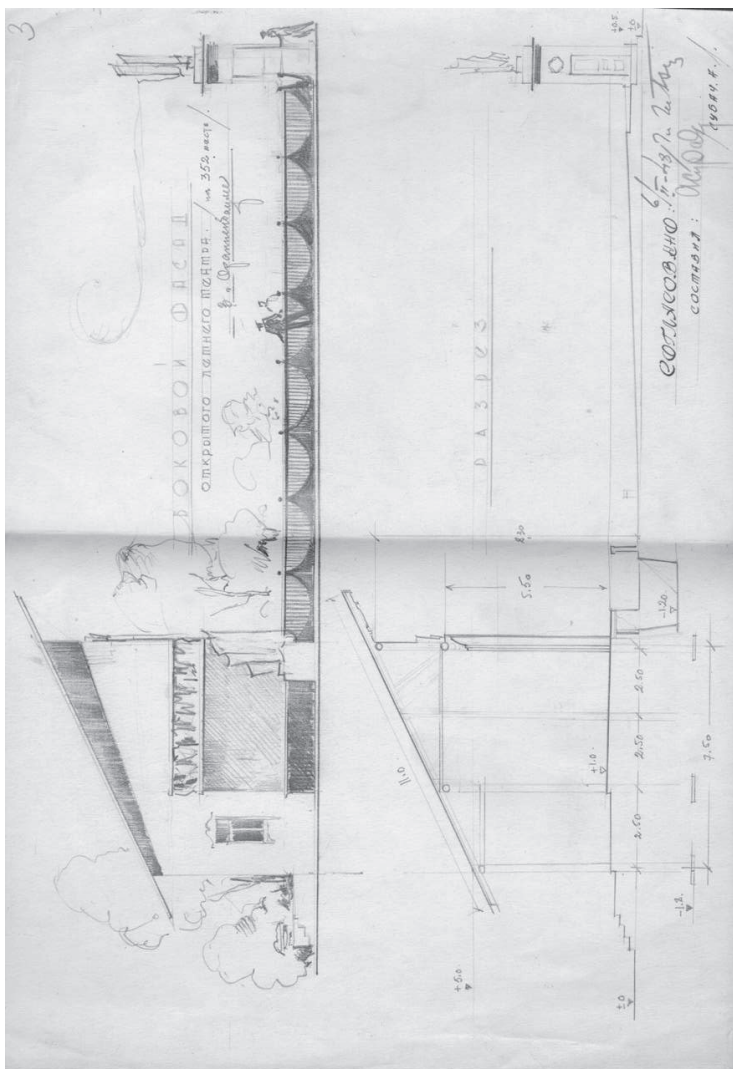
*Установка насоса для очистки пруда у Китайского дворца. 1950 год.
Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф»*

*Алексей Данилович Субач.
Конец 1940-х годов. ОБАК*

А.Д. Субач. Эскиз открытого летнего театра. 1948 год.
Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф»

А.Д. Субач. Эскиз открытого летнего театра. 1948 год.
Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф»

**ОТДАВАЯ ДАТЬ ПАМЯТИ...
О НОВОМ ИЗДАНИИ «ЗОЯ ЛЕОНИДОВНА ЭЛЬЗЕНГР.
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ОРАНИЕНБАУМА»¹**

Никто не вечен в мире, всё уйдет,
Но вечно имя доброе живет.

Саади (пер. В. Державина)

Дворцово-парковый комплекс «Ораниенбаум», расположенный на южном побережье Финского залива, — одна из жемчужин в ожерелье приморских ансамблей Санкт-Петербурга. Его памятники по праву относятся к числу выдающихся произведений архитектуры и ландшафтного искусства XVIII–XIX веков. Неповторимое очарование ораниенбаумских пейзажей, изысканная красота дворцов и парковых павильонов вот уже много лет заставляют современников восхищаться. В многочисленных изданиях, посвященных Ораниенбауму, как правило, фигурируют имена знаменитых владельцев, рассказывается о деятельности видных архитекторов и мастеров, принимавших участие в строительстве дворцов и павильонов, отмечаются стилевые особенности архитектуры и декоративно-прикладного искусства. Значительно меньше внимания уделяется эпохе музейного строительства, начало которой было положено в августе 1918 года, когда Ораниенбаумские дворцы и парки были объявлены «достоянием Российской советской республики». Между тем столетняя «музейная» история Ораниенбаума столь же интересна, драматична и богата на события, как и хроника двух предшествующих веков. И, разумеется, эта история связана с деятельностью конкретных людей, главной задачей которых было сохранение уникальных памятников и создание музеев.

Среди тех, кто сыграл наиболее заметную роль в истории музеефикации Ораниенбаумских дворцов, была Зоя Леонидовна Эльзенгр (1898–1967). В июне 1940 года она была принята на должность старшего научного сотрудника дворцов и парков Ораниенбаума, летом 1941-го принимала участие в работах по консервации дворцов и подготовке художественных ценностей к эвакуации, а возвратившись

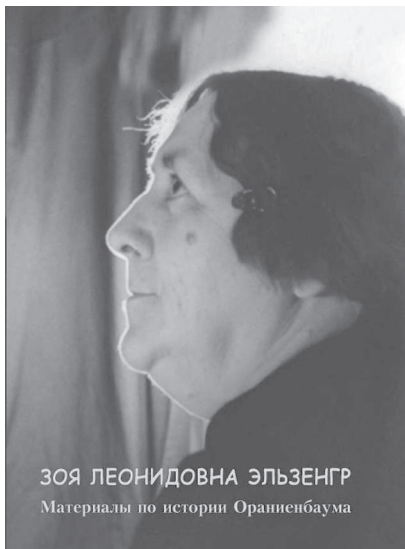
¹ СПб.: Историческая иллюстрация, 2024.

в Ораниенбаум после войны, стала одним из самых деятельных участников музейного строительства 1940–1960-х годов.

В ведомственном архиве Государственного музея-заповедника «Петергоф» хранятся десятки исторических справок — научных исследований, посвященных дворцам и паркам Ораниенбаума², написанных Эльзенгр на основании документов, найденных ею в различных библиотеках, музеях и архивах Ленинграда и Москвы. Ее выписки из источников по истории Ораниенбаума составляют несколько объемных томов. И не будет преувеличением сказать, что своей работой Эльзенгр заложила солидный фундамент для будущих поколений исследователей Ораниенбаума. Разнообразные служебные документы: рабочие дневники, в которых

З.Л. Эльзенгр фиксировала свои ежедневные занятия, подготовленные ею тематико-экспозиционные планы выставок, методические разработки экскурсий, рецензии и отчеты — всё это отражает содержание и масштаб деятельности З.Л. Эльзенгр и характеризует ее как серьезного ученого-исследователя и грамотного специалиста-практика, разбирающегося в различных областях музейного дела.

Вместе с тем до сравнительно недавнего времени мы почти ничего не знали о самой Зое Леонидовне. В какой семье она родилась? Где училась? Какой путь прошла до поступления на работу в Ораниенбаум? Эти вопросы приобрели особую актуальность в 2014 году, когда архивные фонды ГМЗ «Петергоф» пополнились документами личного

*Обложка книги «Зоя Леонидовна
Эльзенгр. Материалы по истории
Ораниенбаума»
(СПб.: Историческая иллюстрация,
2024)*

² До объединения музеев Ораниенбаума и Петергофа в 2007 году эти материалы хранились в Научно-вспомогательном кабинете (НБК) ГМЗ «Ораниенбаум».

архива Эльзенгр. Ко времени поступления в музей этот архив представлял собой россыпь документов (главным образом фотографий) без описания и каких-либо признаков систематизации. Поэтому потребовалась серьезная работа по изучению и атрибуции полученных материалов. В поисках дополнительных сведений о происхождении, жизни и деятельности З.Л. Эльзенгр и лиц из ее окружения пришлось обратиться к фондам различных архивов. Привлечение широкого круга источников и комплексный анализ полученной информации позволили атрибутировать значительное число фотодокументов³. Кроме того, в процессе этой работы удалось реконструировать биографию З.Л. Эльзенгр, больше узнать об обстоятельствах ее жизни, представить ее в кругу семьи и близких друзей.

Зоя Леонидовна Эльзенгр (урожденная Губина) родилась в Самаре 7 (20) февраля 1898 года⁴ в семье потомственного дворянина Леонида Леонидовича Губина (1871 — ок. 1950), который служил тогда в Самарском отделении Русского торгово-промышленного коммерческого банка. Но уже через несколько месяцев Губины переехали в Санкт-Петербург, родной город Леонида Леонидовича, где еще в 1780-х годах обосновался его прадед. Мать Зои — Вера Павловна Финн (1866–1934) выросла в Вязьме Смоленской губернии. Ее родителями были доктор медицины Павел Адольфович Финн (1837–1895) и Елена Яковлевна (урожденная Ганскау, 1837–1914), младшая дочь херсонского гражданского губернатора⁵.

В сентябре 1908 года Зоя поступила в первый класс петербургской частной женской гимназии Л.С. Таганцевой⁶. Это заведение, где

³ Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-63. Опись фонда документов личного происхождения Эльзенгр Зои Леонидовны (сост. Р.Х. Сибатова).

⁴ Объединенный ведомственный архив культуры (ОВАК). Ф. 122. Оп. 1. Д. 127. Л. 1; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 513. Оп. 164. Д. 474. Л. 14 об. Заметим, что З.Л. Эльзенгр (Губина) считала своим днем рождения «по новому стилю» 20 февраля, а не 19-е, как следовало с учетом разницы в 12 дней между датами «старого» и «нового» стилей, существовавшей в XIX веке. Возможно, это связано с тем, что календарная реформа 1918 года, передвинувшая счет времени в России сразу на 13 дней вперед, утвердила в сознании современников именно это различие (безотносительно века).

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 2564. Л. 3.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 177. Оп. 1. Д. 50. Л. 15 об. В архивном фонде гимназии Л.С. Таганцевой сохранились ежегодные «Ведомости об успехах учениц» (дела

обучались дочери крупных чиновников, военных, представителей адвокатуры и судебного ведомства, славилось великолепным составом преподавателей и обширной программой. Последняя включала как гуманитарные («словесно-исторические»), так и естественно-научные предметы, причем в общих классах (с первого по седьмой) эти предметы были обязательными для всех учениц. В числе педагогов, у которых училась З. Губина, необходимо назвать преподавателя русской словесности Николая Николаевича Трубицына (1876–1918) и Александра Ивановича Заозерского (1874–1941), преподававшего в гимназии Таганцевой историю России. К маю 1915 года девушка освоила обязательную программу семилетнего курса обучения и перешла в дополнительный восьмой класс в той же гимназии, со специализацией «по словесно-историческому отделению». В соответствии с учебной программой учащимся восьмого класса предоставлялось «право выбрать, согласно определившимся уже в этом возрасте наклонностям, одну группу предметов и сосредоточить свои занятия на одном главном и на дополняющих его предметах этой группы». При этом на первый план выдвигалась самостоятельная работа («контролируемая лекция-ми и беседами»), рассматривавшаяся как «подготовительная ступень» к дальнейшему высшему образованию⁷.

Аттестат З. Губиной за восьмой класс⁸ свидетельствует об успешном освоении ею курса истории (включая «историю России» и «историю XIX века») — предмета, избранного в качестве основного, а также психологии, всеобщей литературы, законоведения, методики преподавания арифметики и русского языка (выпускницы восьмого класса, освоившие методологические основы педагогики, получали диплом на звание домашней учительницы или домашней наставницы).

В июне 1916 года Зоя Губина подала прошение о приеме ее в число слушательниц историко-филологического факультета Петроградских высших женских (Бестужевских) курсов, которое было удовлетворено⁹. Своей специальностью она выбрала русскую литературу и историю. Сохранился билет слушательницы З. Губиной для входа на Петроградские высшие женские курсы, в котором имеются отметки об оплате обучения

50, 51, 68, 84, 102, 120, 137, 153), благодаря которым мы имеем возможность проследить учебный путь Зои Губиной.

⁷ Там же. Д. 49. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 153. Л. 6.

⁹ Там же. Д. 616. Л. 120.

в осеннем и весеннем семестрах 1916/17 учебного года¹⁰, но, к сожалению, отсутствуют записи о прослушанных курсах.

9 октября 1917 года Зоя Леонидовна написала заявление на имя директора Петроградских женских курсов с просьбой отчислить ее на один год для поправления «расстроенного здоровья»¹¹. На том же заявлении имеется расписка З. Губиной в получении подлинных документов, датированная 7 июня 1918 года. Следовательно, по прошествии учебного года на курсы она вернулась только для того, чтобы окончательно их покинуть. В том же году вместе с матерью и младшей сестрой Зоя уехала из Петрограда.

О том, где и как она провела следующие три года, мы узнаем из «Автобиографии», написанной в марте 1948 года¹². По словам Зои Леонидовны, она жила в Саратове и работала счетоводом на Рязанско-Уральской железной дороге, а затем была принята в Управление снабжения Кавфронта на должность делопроизводителя. Зимой 1921 года воинским эшелоном она перебралась в Ростов-на-Дону, где нашла работу в краевой тракторной базе. Вероятно, Зоя намеревалась задержаться в Ростове, поскольку, согласно «Автобиографии», «...поступила в Ростовский университет и одновременно занималась на специальных курсах иностранных языков, где изучала английский и итальянский языки». Однако уже через несколько месяцев она возвратилась в Петроград.

В июне 1921 года З. Губина была принята на службу в финансово-счетную часть Управления государственных академических театров в качестве счетовода, но вскоре уволена «по сокращению штатов»¹³. Два года спустя, летом 1923 года, Зоя вышла замуж¹⁴. Ее избранником стал Борис Александрович Эльзенгр (1901–1942), приходившийся ей кузеном. В недавнем прошлом юнкер Артиллерийской школы Северной области, в 1920-х он служил матросом на судне Балтийского Совторгфлота.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 177. Оп. 1. Д. 616. Л. 126–128.

¹¹ Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 616. Л. 119.

¹² ОВАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1088. Л. 9.

¹³ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Р-Ф. 260. Оп. 3. Д. 896. Л. 1, 3.

¹⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-6143. Оп. 3. Д. 1060. Л. 38, 38 об.

та¹⁵. 9 апреля 1924 года у супругов родился сын Андрей¹⁶. Но брак Зои и Бориса Эльзенгров оказался недолгим: они расстались в 1930 году¹⁷.

Этот год стал поворотным не только в личной жизни З.Л. Эльзенгр, но был отмечен также ее трудоустройством и началом работы в Государственном Антирелигиозном музее (ГАМе). В своей «Автобиографии» Эльзенгр сообщает, что 6 ноября 1930 года она приступила к работе в ГАМе в качестве экскурсовода. Как показало время, это событие явилось отправной точкой, определив вектор личностного развития, и в рамках профессиональной деятельности Эльзенгр во многом позволило реализоваться ее способностям, творческому и научному потенциалу. Первым директором Антирелигиозного музея, помещавшегося в здании бывшего Исаакиевского собора, был недавний политрук Красной армии Лев Николаевич Финн¹⁸ — двоюродный брат З.Л. Эльзенгр (по материнской линии), который прослужил в этой должности менее двух лет, но именно он, скорее всего, помог Зое Леонидовне с трудоустройством.

В документах, относящихся к первым годам работы Государственного Антирелигиозного музея, имя З.Л. Эльзенгр не встречается. Но начиная с 1936 года мы можем предметно говорить о ее службе в ГАМе¹⁹. Прежде всего следует упомянуть, что Эльзенгр фигурирует среди слушателей, посещавших курсы повышения квалификации экскурсоводов Антирелигиозного музея. Занятия проходили в период с октября 1936 по январь 1937 года. Несмотря на то, что первоначальная экспозиция ГАМа носила сугубо антицерковный характер, предложенная слушателям образовательная программа отнюдь не ограничивалась дидактическими

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180-1. Д. 1746. Л. 213 об., 214; Д. 1756. Л. 226 об., 227; Д. 1763. Л. 357 об., 358; Д. 5285. Л. 539 об., 540.

¹⁶ Там же. Ф. Р-6143. Оп. 4. Д. 245. Л. 390, 390 об.

¹⁷ ОВАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1088. Л. 9.

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 1. Л. 64. Финн Лев Николаевич (1903–1943) служил в РККА в 1919–1929 годах, в 1930 году был назначен директором Государственного Антирелигиозного музея (б. Исаакиевского собора) по линии Союза воинствующих безбожников, в 1932 году был отстранен от занимаемой должности. Позднее работал начальником Петрозаводского техникума железных дорог. В 1935 году был арестован по обвинению в принадлежности к троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группе, но освобожден за недоказанностью обвинения. Участник Великой Отечественной войны, погиб в 1943 году.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 14, 20, 21, 24–26, 34–36.

материалами антирелигиозной направленности, а включала отдельные лекционные курсы по истории развития архитектуры и изобразительного искусства с детальным рассмотрением материалов, связанных со строительством и декоративным убранством Исаакиевского собора. Спецкурс по архитектуре и истории постройки (39 академических часов)²⁰ вел консультант ГАМа архитектор Н.П. Никитин, ранее занимавшийся реставрацией Исаакиевского собора²¹. Лекции по истории живописи (33 академических часа)²² читал заведующий секцией живописи Государственного Русского музея Г.Е. Лебедев, научные интересы которого были сосредоточены в сфере «осмнадцатого» столетия²³. Занятия по истории русской скульптуры (30 академических часов) вел научный сотрудник Музея архитектуры Академии художеств А.Н. Столяров²⁴.

Нам представляется, что эти занятия и тесное общение с лекторами, каждый из которых являлся самостоятельным исследователем, стали существенным дополнением к тому образованию, которое З.Л. Эльзенгр получила в гимназии и за время недолгого обучения на Бестужевских курсах.

Еще более важной была ежедневная практическая работа в музее, тем более что в 1937 году был взят курс на изменение его профиля с антирелигиозного на художественно-исторический²⁵. В документах ГАМа за 1938–1939 годы З.Л. Эльзенгр фигурирует в качестве методиста, заведующего методбюро, научного сотрудника I разряда. Она отвечала за подготовку экскурсоводов, принимала участие в разработке экспозиционных планов выставок, проводила научные изыскания по заданным темам. К примеру, «Планом работы научного сотрудника музея З.Л. Эльзенгр на 1-й квартал 1939 года» было предусмотрено: участие

²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Л. 7–9.

²¹ Об архитекторе Н.П. Никитине см.: *Любезников О.А.* «Труд большей части моей жизни...»: Исаакиевский собор в судьбе архитектора Н.П. Никитина (к истории музеефикации памятника) // *Музей — памятник — наследие.* 2017. № 1. С. 68–79.

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 14. Л. 57–59.

²³ О Г. Е. Лебедеве см.: *Ильина Т. В.* Кафедра истории искусства // *Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: очерк истории.* СПб., 2004. С. 363–365.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 14. Л. 50–55.

²⁵ См. об этом: *Голованова А.В.* Музеефикация Исаакиевского собора в 1928–1931 годах // *Вестник СПбГИК.* 2018. № 2 (35). С. 113–118.

в работе по реэкспозиции музея в соответствии с уточнением его профиля, научно-исследовательская работа по теме «Исаакиевский собор как архитектурно-художественный памятник», работа в местной инвентаризационной и квалификационной комиссиях музея²⁶. В календарный план научных командировок сотрудников на 1939 год была включена ее поездка в Новгород и Псков для сбора материалов по истории церкви²⁷. А в личном плане Эльзенгр на второй квартал отдельной строкой была прописана «работа в архиве над документами по художественному оформлению Исаакиевского собора»²⁸. Всё вышесказанное свидетельствует о том, что, несмотря на отсутствие профильного образования, к концу 1930-х годов Зоя Леонидовна обладала всеми компетенциями, необходимыми для успешной работы в музее.

С этим профессиональным багажом она и пришла на работу в Ораниенбаум летом 1940 года²⁹ и оставалась верна ему до конца своей жизни. В общей сложности З.Л. Эльзенгр проработала во дворцах Ораниенбаума около 20 лет. С тех пор, как ее с почетом проводили на пенсию, в музее сменилось уже несколько поколений сотрудников. Но имя Зои Леонидовны здесь по-прежнему помнят, отдавая должное ее вкладу в изучение истории, реставрацию и музеефикацию Ораниенбаумских дворцов и парков.

Дополнительные изыскания, нацеленные на выявление материалов, связанных с жизнью и деятельностью З.Л. Эльзенгр, инициированные после поступления в музей материалов ее личного архива, проводились в течение нескольких лет автором настоящего сообщения и Р.Х. Сибгатовой в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Центрального

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 34. Л. 38 а.

²⁷ Там же. Л. 5.

²⁸ Там же. Л. 50. В августе (по другим данным — в сентябре) 1939 года З.Л. Эльзенгр покинула ГАМ по собственному желанию, но до начала 1940-го продолжала заниматься разработкой научно-исследовательской темы «Исаакиевский собор как историко-художественный памятник архитектуры» по договору с музеем. Одновременно, с 1 ноября по 31 декабря 1939 года, она являлась заведующей временной выставкой во дворце Урицкого (б. Таврический) «Ленинград за 1934–1939 годы» (ОВАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1 об., 9).

²⁹ ОВАК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 47. Л. 10.

государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Объединенного ведомственного архива культуры (ОВАК) и архива ГМЗ «Петергоф». Отдельные результаты этой работы нашли отражение в докладах, представленных на XXIV Царскосельской научной конференции (2018) и Кучумовских чтениях 2020 года в ГМЗ «Павловск». Первый доклад, приуроченный к 120-летию со дня рождения З.Л. Эльзенгр, был посвящен ее роли в изучении, сохранении и восстановлении дворцов и парков Ораниенбаума³⁰. Темой другого доклада стала атрибуция фотографий из личного фонда З.Л. Эльзенгр³¹.

Тогда же появилась идея подготовить отдельное издание, объединив в нем современные исследования, посвященные З.Л. Эльзенгр, и ее собственные труды, не публиковавшиеся ранее. Помимо этого нам показалось важным издать рабочие дневники З.Л. Эльзенгр, которые она вела в течение 1940–1941 и 1946–1955 годов³². Сегодня, спустя несколько десятилетий, эти источники помогают осознать масштаб и невероятную сложность тех задач, которые приходилось решать в те годы немногочисленным сотрудникам Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков. В их обязанности входила не только научно-исследовательская, но и экспозиционная работа, работа по музейному учету и хранению, методическая и экскурсионно-массовая работа, работа, связанная с реставрацией, и прочее. Один специалист должен был разбираться в различных вопросах, что требовало от него не только соответствующих знаний, но и невероятной самоотдачи и увлеченности своим делом. Очевидно, З.Л. Эльзенгр обладала высокой мобильностью, умением быстро переключаться с одного дела на другое и концентрироваться на решении неотложных вопросов — будь то подготовка новой выставки, участие в совещании, согласование текста выступления по радио или поиск

³⁰ Павлова М.А., Сибегатова Р.Х. Зоя Леонидовна Эльзенгр и ее роль в изучении, сохранении и восстановлении дворцов и парков Ораниенбаума // Дворцы, особняки, усадьбы. Музейный формат: материалы XXIV Царскосельской конференции. СПб., 2018. С. 433–449.

³¹ Павлова М.А., Сибегатова Р.Х. Лики из прошлого. История и атрибуция фотографий личного фонда З.Л. Эльзенгр (1898–1967) // Кучумовские чтения: сборник докладов научной конференции «Атрибуция, история и судьба предметов из музейных коллекций». СПб., 2020. С. 201–212.

³² Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 3–7.

ткани для обивки мебели. Вместе с тем ей удавалось вести серьезную научную работу. Часто бывая в библиотеках, Эльзенгр основательно изучала материалы, публиковавшиеся в дореволюционных историко-художественных журналах, однако не пропускала новых книг и статей, если они были связаны с интересующими ее темами. Зафиксированные в дневниках сведения об архивных фондах, к которым она обращалась, говорят о широком охвате и глубине ее исследований. (При этом нужно иметь в виду, что, взявшись за целенаправленный поиск и изучение документов по истории Ораниенбаума, она двигалась не по проторенной дороге, а по малоизведанному пути и во многом выступила в роли первооткрывателя.) Публикация служебных дневников З.Л. Эльзенгр «без купюр», дополненная пояснительной статьей и комментариями, выделена в самостоятельный раздел книги.

Отбирая другие тексты Зои Леонидовны, мы руководствовались желанием показать различные стороны ее деятельности в музее, включая изучение истории Ораниенбаума, подготовку материалов к реставрации дворцов и парков, создание постоянных музейных экспозиций и временных выставок. В соответствии с этим намерением во втором и третьем разделах книги — «Научно-исследовательская работа. Труды по истории Китайского дворца» и «Материалы к восстановлению Нижнего и Верхнего парков Ораниенбаума» — опубликовано девять работ З.Л. Эльзенгр. Написанные в 1950-х — начале 1960-х годов, эти тексты, не утратившие своей актуальности и по сей день, впервые вводятся в научный оборот. Наконец, материалы четвертого раздела знакомят читателя с экспозиционно-выставочной работой З.Л. Эльзенгр на примере «экспозиционного плана» выставки «Декоративное искусство Китая», открытой во Дворце Петра III в 1953 году.

Надо сказать, что ни одна из представленных в этом сборнике работ З.Л. Эльзенгр не предназначалась автором для публикации, тексты не были отредактированы, не все ссылки на источники оформлены с должной аккуратностью. Несмотря на это, труды З.Л. Эльзенгр имели и сохраняют до сих пор важное значение, а в части освещения событий 40–50-х годов XX века на сегодняшний день они стали важнейшим источником по новейшей истории Ораниенбаумских дворцов и парков.

Материалы, включенные в настоящее издание, представляют лишь небольшую часть обширного научного наследия З.Л. Эльзенгр. Полный перечень ее трудов, хранящихся в архиве ГМЗ «Петергоф» (больше семидесяти различных наименований), опубликован во вступительном

разделе сборника наряду с биографическим очерком и обзором материалов личного фонда. Многочисленные фотографии этого фонда, на которых запечатлена сама Зоя Леонидовна в разные годы ее жизни, ее близкие и друзья, использованы для иллюстрации статей. А материалы фотофиксации Ораниенбаумских дворцов и парков 1940–1960-х годов объединены в небольшой альбом-вклейку, цель которого — создать портрет Ораниенбаума тех лет, на благо которого столь самоотверженно трудилась З.Л. Эльзенгр.

Научное издание «Зоя Леонидовна Эльзенгр. Материалы по истории Ораниенбаума» (авторы-составители: М.А. Павлова, Р.Х. Сибагатов), подготовленное к печати петербургским издательством «Историческая иллюстрация», вышло в свет в конце 2024 года. Эта книга является данью памяти, материальным выражением нашего глубокого уважения и благодарности человеку, сыгравшему одну из ключевых ролей в деле сохранения Ораниенбаумских дворцов и превращения их в музеи. Надеемся, что благодаря этому изданию несомненные заслуги Зои Леонидовны Эльзенгр удостоятся более широкого общественного признания, а ее имя получит известность, не ограниченную узким профессиональным сообществом музейных сотрудников ГМЗ «Петергоф».

АБРАМЦЕВО В XX ВЕКЕ, В ВОЕННОЕ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Усадьба Абрамцево, появившаяся в середине XVIII века и пережившая свой расцвет в XIX веке, когда в ней жила семья писателя С.Т. Аксакова, а потом семья мецената и промышленника С.И. Мамонтова, до сих пор вызывает огромный интерес, потому что формирует у людей чувство родины. Последний ее владелец Савва Мамонтов построил стратегически важные для России дороги: от Москвы до Архангельска, от Донецка до Мариуполя. В тяжелые годы Великой Отечественной войны именно по его Северной дороге, которую сейчас называют Ярославской, вывозили военное оборудование с московских предприятий на Урал и везли полки из Сибири в Москву для защиты столицы от немецких захватчиков.

Усадьба после революции практически сразу была национализирована. 10 октября 1918 года была подписана охранный грамота для нее от имени Наркомпроса. В итоге в Абрамцево создали музей имени С.Т. Аксакова, сделав его заведующей музея младшую дочь мецената Саввы Мамонтова Александру Саввишну. Она же выполняла в то время работу хранителя, научного сотрудника, бухгалтера и экскурсовода. В штате помимо нее числились еще только сторож и уборщица. Причем уборщицей работала в музее около 20 лет бывшая экономка Мамонтовых Александра Васильевна Бархатова, а за парком поначалу смотрел бывший садовник Мамонтовых, служивший в молодые годы с сыном мецената Сергеем в одном гусарском полку, Марк Алексеевич Редькин¹. В 1919 году музей перешел под охрану Всероссийской коллегии по охране памятников искусства и старины. 11 августа 1920 года его передали в ведение отдела музеев Наркомпроса², поставив на государственное финансирование, определив на начальное обустройство 30 тысяч рублей и предоставив ежегодную регулярную выплату музею в 4 100 рублей. Однако деньги стали поступать только в 1921 году.

¹ История музея в документах и фактах. 1917–1930. Вып. 3. М., 1990. С. 61.

² Абрамцево. Материалы и исследования. Вып. 7. Сергиев Посад, 1995. С. 1.

Все положительные для музея решения принимались в то время при самом деятельном участии священника П.А. Флоренского, работавшего сразу после революции ученым секретарем Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, а также художников И.Э. Грабаря и П.П. Кончаловского, искусствоведа В.Я. Адарюкова и литературоведа С.Н. Дурылина³.

На переоборудование помещений в абрамцевском усадебном доме под музейные залы ушло порядка двух лет. По описи 1920 года фонд музея поначалу насчитывал всего 355 предметов⁴. Причем первую инвентарную книгу 1920–1921 годов составлял именно Владимир Яковлевич Адарюков, сотрудник Румянцевского музея и Музея изящных искусств. Он же занимался комплектованием аксаковского раздела музейного фонда и описанием музейных коллекций. Весной 1920 года музей принял своих первых посетителей, а в 1921 году помощниками заведующей музея А.С. Мамонтовой стали ее племянники Юрий и Елизавета Самарины.

В середине 1920-х годов музейная экспозиция находилась только в семи комнатах из 17-ти помещений усадебного дома. В двух залах (кабинете С.Т. Аксакова и гостиной комнате Мамонтовых) экспонаты располагались по мемориальному принципу, в остальных — по мемориально-тематическому. По описи 1923 года фонд насчитывал уже 1 003 предмета, а в 1926 году — 1 555 музейных предметов. Нельзя сегодня не отметить и положительное отношение к проблемам музея первого председателя Хотьковского сельсовета, крестьянина из деревни Быково, Ивана Андриановича Широкова. Елизавета Александровна Самарина, племянница Александры Мамонтовой, писала о нем так: «Быковский крестьянин Иван Андрианович Широков — человек, несомненно, умный, не имея образования, кроме деревенской школы, вероятно Абрамцевской, держался как истинно культурный человек».

А.С. Мамонтова возглавляла музей вплоть до 1926 года, она была против организации на базе музея дома отдыха. В 1926 году ее место занял Леонид Петрович Смирнов, о котором Елизавета Самарина написала: «Это был весьма пожилой человек, совершенно чуждый искусству, да и вообще чуждый культуре, но зато ярый атеист, священник, снявший сан и приехавший с Дальнего Востока. Первое время он опирался на

³ Абрамцево. Материалы и исследования. Вып. 7. 1995. С. 2.

⁴ По второй описи их было 185.

тетушку и от нее черпал кое-какие знания, на которые он был способен. Но наступил момент, когда она стала ему не нужна, и 21 мая 1928 года ее арестовали»⁵. До этого момента в 1925 году был арестован отец самой Елизаветы Александровны — Александр Дмитриевич Самарин.

Александра Мамонтова попала в Бутырскую тюрьму. Однако очень скоро председателю ВЦИК М.И. Калинину было отправлено письмо в ее защиту, подписанное художниками И.С. Остроуховым, М.В. Нестеровым, А.М. Васнецовым, композиторами С.Н. Василенко, М.М. Ипполитовым-Ивановым и народным артистом и режиссером МХАТ К.С. Станиславским⁶. В нем отмечалось: «Александра Саввишна Мамонтова никогда не принимала какого-либо участия в политической жизни страны. Ее преклонный возраст, 53 года, слабое здоровье и десятилетняя работа на виду у всех после Октябрьской революции, направленная к удовлетворению культурных потребностей широких слоев населения Республики, гарантирует, что она не может быть врагом Советской Республики». Дочь мецената сразу выпустили, но выслали из Московской области. Вначале Александра Мамонтова уехала к брату Всеволоду в Тулу, а потом в Поленовскую усадьбу в Бехово, где и прожила свой век, скончавшись в 1952 году. Но незадолго до смерти она всё-таки побывала в Абрамцево, ведь там работал ее брат Всеволод. Однако пробыла она в родной усадьбе только один день. На нижней перекладине ее могильного креста в Бехове есть любимые ею лермонтовские строчки: «И песен небес затмить не могли ей скучные песни земли».

В 1926 году Абрамцево, где был музей имени С.Т. Аксакова, стало музеем-усадьбой «Абрамцево», а в 1932 году музей совсем закрыли, сделав из него дом отдыха для творческой элиты. В 1938 году на усадебной территории построили новое здание — лечебный корпус. И в эти же годы рядом с усадьбой появился дачный поселок «Ново-Абрамцево» от Московского отделения Союза художников, где жили и работали, в частности, скульптор Сосланбек Тавасиев, художник Павел Радимов, а потом Вера Мухина, Борис Иогансон, Борис Королев, Евгений Кацман, Илья Машков, а после 1945 года — Дементий и Алексей Шмариновы⁷.

⁵ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 966. Оп. 4. Д. 1040. Л. 29.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8409. Оп. 1. Д. 227. Л. 59.

⁷ Счастливое семейство, или «Крайние» в художественных династиях Абрамцево. Абрамцево, 2014. С. 1.

Во время Великой Отечественной войны в усадьбе разместили госпиталь, а коллекцию эвакуировали в Загорск (ныне Сергиев Посад). Эвакуационный госпиталь (ЭГ) № 2898 был дислоцирован в Абрамцеве в июле 1941 года. По воспоминаниям очевидцев, он занял все строения бывшей усадьбы, в том числе и построенный дом отдыха, и специализировался на лечении раненых в конечности военнослужащих Красной армии из числа офицерского состава. С приближением фронта на Дмитровском направлении в октябре 1941 года ЭГ № 2898 эвакуировали в Среднеазиатский военный округ, а на его месте разместили передвижной полевой госпиталь (ППГ) № 670. Однако после победы под Москвой передвижные полевые госпитали отправились вслед за наступающими частями, и ЭГ № 2898 вернули на прежнее место, где он работал с 30 декабря 1941 по 28 апреля 1944 года, а с мая 1944 по октябрь 1945-го работал в соседнем городе Хотьково.

В военные годы в жизни Абрамцева особую роль сыграло творчество художника Александра Никитича Парамонова⁸, который с 1928 года жил в Москве. Во время войны Парамонов нередко приходил в Абрамцевский госпиталь, делал там рисунки с раненых красноармейцев и медперсонала. Эти небольшие работы имели размер открытки, которую можно было переслать с почтой для родных. В то время это было очень важно и ценно, ведь частные фотографии и фотоателье не работали, а успокоить семью весточкой о себе было просто необходимо. Рисунки Александра Парамонова со временем оказались важнейшим документом военной эпохи, показав многонациональный состав героев Великой Отечественной войны и лица тех, кто сумел поднять их на ноги.

В трудные военные годы местные жители города Загорска и Хотькова не только сдавали кровь для раненых, но и снабжали госпиталь дровами, теплыми вещами, стирали на дому одежду раненых и перевязочные средства. Хотьковская поселковая больница организовала курсы Красного Креста, в Абрамцеве для бойцов создали библиотеку, о чем сегодня напоминают книги из музейного фонда с библиотечны-

⁸ Парамонов Александр Никитич (1874–1949) — художник, график и педагог. Родился в воронежском селе Перлевка, учился в Петербурге в Училище технического рисования барона Штиглица. В 1905–1917 годах преподавал в художественно-промышленной школе Екатеринбурга, работал в сатирических журналах. После переезда в Москву сотрудничал в советских изданиях: «Крестьянской газете», «Правде», «Известиях», был автором портретов Мичурина, Чкалова, Стаханова...

ми штампами госпиталя. Мало того, перед бойцами Красной армии в Абрамцеве выступали приезжавшие артисты, например, С.Я. Лемешев. В 1941–1945 годах по средним подсчетам госпитали и медсанбаты нашей страны возвращали в строй ежедневно до целой дивизии бойцов. А если учесть, что средняя численность РККА составляла примерно 5 млн человек, а в строй в годы войны вернули более 17 млн человек, можно сделать вывод: в строй вернулось почти три Красных армии⁹.

Одна из медсестер ППГ № 670 Ираида Николаевна Евграфова вспоминала, что предоперационная комната находилась в военное время в зале, где была печь с головой льва, созданная Врубелем. Операции проводили в помещениях, где сейчас в музее Пейзажный зал и Красная гостиная Мамонтовых, поэтому усадебный дом назывался тогда «опер-блоком». В Гоголевском зале мезонина находилась аптека, в Театральном зале — столовая. Во всех других помещениях дома развернули лазарет, где на двухэтажных нарах лежали раненные бойцы. Самых тяжелых и нетранспортабельных из них держали в здании бывшего дома отдыха, где сегодня находится музейная экспозиция искусства XX–XXI веков. В абрамцевской церкви в то время находился морг, а хоронили умерших от ран на Хотьковском кладбище возле монастыря в Кооперативном переулке.

Каждая медсестра абрамцевского госпиталя ППГ № 670, как правило, ухаживала за восемью ранеными. А так как военным разрешалось курить махорку — сигарки, которые назывались «козьими ножками», то от запаха курева у медсестер нередко сильно кружилась голова. Легкораненные проходили лечение обычно от 10 до 15 дней. Самым сложным временем для всех медиков госпиталя стал период с 28 ноября по 5 декабря, когда шло Яхромское сражение. В эти дни поступало так много больных, что от стоячей работы, длившейся сутками, у медсестер распухали и отказывали ноги. В то же самое время всех пугали звуки вражеской авиации, пытавшейся уничтожить мосты через местные реки Пажу и Ворю.

ППГ № 670, сформированным в сибирском городе Томске, руководил выдающийся хирург Михаил Алексеевич Подгорбунский. Он занимался сортировкой раненых, чтобы определить самых тяжелых

⁹ Малашина Н.В. Госпитали в Абрамцеве в годы Великой Отечественной войны. М., 2021. С. 10.

и вовремя оказать им помощь. В военные годы Подгорбунский сумел не только усовершенствовать методику анестезии, но и использовать для поисков осколков и пуль у раненых специальный металлошуп, сделав более трех тысяч операций¹⁰.

Медсестра Ираида Евграфова свидетельствовала, что во время войны раненых кормили, как правило, пшенной кашей с тушенкой, а медсестрам давали кашу из саго, которую получали по линии гуманитарной помощи от союзников (эту кашу все в шутку называли «улыбкой Рузвельта»). Сотрудники с семьями жили в то время в Абрамцеве в двухэтажном здании на месте бывшей «людской», а также в Поленовском флигеле, а сам главврач госпиталя — во флигеле-Теремке.

Среди тех, кому помог абрамцевский госпиталь в годы войны, были и простые люди, и легендарные личности самых выдающихся природных дарований. Так, в 1942 году в Абрамцеве проходил несколько месяцев лечение советский разведчик Александр Михайлович Прохоров, которого сослуживцы за смелый и по-южному горячий нрав называли «Прохорадзе». В 1960 году Прохоров, учившийся до войны на кафедре физики в Ленинградском университете, стал членом-корреспондентом АН СССР, а в 1966 году — академиком по отделению общей и прикладной физики. Его учениками считали себя такие академики-физики, как Жорес Алферов и Евгений Велихов. В 1964 году вместе с учеными Николаем Басовым и американцем Чарлзом Таунсом Александр Прохоров был удостоен Нобелевской премии за разработки в области квантовой электроники¹¹. Именно он создал и первую в мире офтальмологическую лазерную установку. В 2015 году советскому ученому Прохорову, который был когда-то военным разведчиком, на Университетском проспекте Москвы поставили памятник.

В 1947 году по инициативе президента Академии наук СССР Сергея Ивановича Вавилова усадьбу Абрамцево, сыгравшую важную роль в военные годы, вновь сделали музеем, передав в ведение АН СССР. Директором музея в 1948 году был назначен Н.П. Пахомов, известный советский лермонтовед. Научное руководство музейной работой осуществлял Игорь Эммануилович Грабарь, один из самых признан-

¹⁰ Малашина Н.В. Госпитали в Абрамцеве в годы Великой Отечественной войны. С. 27.

¹¹ В 2014 году Чарлз Таунс в интервью журналистке Энни Джейкобс заявил, что на занятие темой лазера его вдохновила книга А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», которая вышла в английском переводе в 1936 году.

ных не только в стране, но и за рубежом реставраторов живописи. Им были подготовлены многие поколения музейных реставраторов, в том числе Вильямс Алексеевич Невский, который вместе с художником-керамистом Валентином Михайловичем Серегиным сумел восстановить майоликовую скамью Врубеля в парке усадьбы Абрамцево в 1965–1971 годах.

В 1948 году хранителем музейной коллекции сделали сына последнего владельца усадьбы Всеволода Саввича Мамонтова¹². Он вместе с Николаем Пахомовым сразу включился в работу, начал восстанавливать музей. Пахомов вспоминал, что Всеволод Саввич «неизменно начинал свою экскурсию с милой шутки, что в эту усадьбу приехал в первый раз еще в утробе матери», так как супруга мецената Елизавета Мамонтова побывала в Абрамцево впервые в 1870 году, будучи беременной. Всеволод Мамонтов, окончивший юридический и физико-математический факультеты Московского университета, хорошо знал Сергея Ивановича Вавилова, так как учился вместе с ним на физико-математическом факультете. Поэтому его приход в музей не был случайным выбором.

Пахомов, который еще в 1918 году был привлечен к работе экспертной комиссии по обследованию музейных ценностей лично А.В. Луначарским и И.Э. Грабарем и принимал участие в передаче государству коллекций Кремля, художественных собраний Морозова и Щукина, стоял у самых истоков музейного дела в СССР. Он пользовался авторитетом у самих коллекционеров, поэтому способствовал передаче некоторых сокровищ из частных коллекций государственным музеям. Он также много сделал для появления музея М.Ю. Лермонтова в Тарханах, музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске, был главным консультантом при создании музея имени Л.Н. Толстого в Москве¹³. Его безупречный художественный вкус и умение работать с людьми поражали современников. Однако и при нем у музея были свои нерешенные проблемы.

Нельзя не признать, что после Великой Отечественной войны из Загорского музея в Абрамцево, к сожалению, вернулись далеко не все предметы из отданных на хранение в Троице-Сергиеву лавру 1 389 музейных экспонатов. Часть была утрачена. Среди невозвращенных,

¹² Абрамцево в истории и культуре. Вып. 12. Абрамцево, 2015. С. 90.

¹³ Абрамцево в истории и культуре. Вып. 15. Абрамцево, 2021. С. 90.

например, оказалось несколько керамических предметов посуды, в том числе майоликовое блюдо, блюдо с оленями, блюдо с павлинами, блюдо с драконами, тарелка из белой глины, тарелка с изображением фруктов, тарелка с изображением сломанного дерева, блюдо с рыбами, тарелка с изображением лодки при луне работы Рафаила Левицкого, тарелка с портретом девушки работы Поленова, тарелка с изображением избы на берегу работы Репина, тарелка с изображением женской головки авторства Адриана Прахова¹⁴. Потерю этих экспонатов оценили тогда в сумму 1 205 рублей и списали их как похищенные на основании решения Народного суда 1-го участка Загорска (ныне Сергиев Посад) 3 февраля 1945 года. Однако по описи от 6 марта 1950 года, составленной Платоном Мамонтовым и старшим хранителем фондов А.М. Курбатовым¹⁵, в Загорском музее еще находилось 11 предметов из дерева, которые относились к абрамцевской народной коллекции (как известно, это была первая народная коллекция в России, собранная последними владельцами усадьбы в XIX веке, поэтому трудно переоценить ее роль в культуре страны). А еще в музей не вернулись народные костюмы, а также не был найден один из портретов Саввы Мамонтова, работы Врубеля...

В 1950 году Абрамцевский музей уже принял первых послевоенных посетителей. На том этапе музейная экспозиция размещалась в стенах бывшего усадебного дома, остальные строения на территории усадьбы и ближайшего к ней Культурного поселка, где при Мамонтовых были мастерские и школа, принадлежали еще дому отдыха.

В 1967 году музей «Абрамцево» передали в ведение Министерства культуры СССР, и только в 1971 году ему отдали бывший лечебный корпус, где находился дом отдыха. В 1967 году директором музея стал Виталий Серафимович Манин. Именно при нем в здании бывшего дома отдыха стал формироваться новый для музея отдел современного искусства, появились картины самых разных художников, в том числе тех, кто жил в дачном поселке Ново-Абрамцево. 12 августа 1977 года Абрамцевский музей получил статус Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника при Министерстве культуры Рос-

¹⁴ №№ 856/6001; 860/597; 861/599; 862/598; 864/226; 865/698; 866/697; 872/380; 873/222; 874/224; 877/695; 878/694.

¹⁵ Мамонтов Платон Николаевич (1877–1950) — музыкант, театральный деятель и племянник мецената Саввы Мамонтова.

сийской Федерации. А когда в 1989 году дом отдыха закрыли, то все его постройки передали музею-заповеднику¹⁶.

В годы распада СССР наш музей, как многие музеи и госучреждения, столкнулся с известными экономическими проблемами, но при этом сумел не утратить ни пяди своей территории, а попытки ущемить его интересы, конечно, были. Сейчас Культурный поселок в Абрамцево ждет восстановления, ждут реконструкции и оранжереи Мамонтовых, в которых росли в XIX веке знаменитые персики. В Абрамцево ведутся активные работы по развитию всей музейной инфраструктуры, которые, как мы надеемся, приведут к новому этапу в развитии музея-заповедника «Абрамцево» уже в XXI веке.

¹⁶ Абрамцево. Материалы и исследования. Вып. 7. С. 2.

ПУШКИН-225. ЮБИЛЕЙ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

2024 год прошел под знаком 225-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Празднование юбилея поэта было поддержано на государственном уровне — Указом Президента Российской Федерации от 5 июля 2021 года № 404 «О 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина» и планом мероприятий, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2022 года № 3218-р.

Пушкинский юбилей 2024 года стал противостоянием культуре отмены в Прибалтике и на Украине, где в последние годы инициировались снос памятников поэту, переименование улиц и организаций, носивших его имя¹. Со всей ответственностью можно констатировать, что и в начале XXI века Пушкин продолжает оставаться символом Русского мира, Поэтом, способным объединить страны и народы. Современный исторический процесс соотносим с высказыванием философа и богослова А.В. Карташева (1875–1960), который после революции вынужден был покинуть Родину и во время эмиграции в Париже стал деятельным участником подготовки и проведения пушкинских мероприятий (приуроченных к 100-летию со дня кончины писателя)². В лекции, прочитанной в Сорбонне в 1937 году, Карташев отметил: «Творится всякий раз что-то необычайное, как только русские соприкасаются с Пушкиным. Пушкинские юбилеи приводят в движение весь Русский мир. А сейчас это начало передаваться и всему чужестранному миру. Обычное юбилейное торжество вдруг переходит в какую-то духовную раскачку, переливающуюся через края всякой официальности. Умы пробуждаются, сердца окрыляются. Говорятся слова чрезвычайные. Случается что-то само по себе достопамятное, что прирастает к памяти Пушкина и ее всё более и более увеличивает»³.

¹ «Смешивают культуру с политикой»: потомок Пушкина о сносе памятников поэту // News.ru: сайт. Публ. 3.12.2024 [Электронный ресурс: <https://news.ru/europe/nichego-ne-izmenilos-potomok-pushkina-o-snose-pamyatnikov-poetu-na-ukraine/>].

² Афанасьева Э.М. Роль пушкинистики в оценке философов первой волны русской эмиграции: А.В. Карташев и С.Л. Франк // Русский язык за рубежом. 2020. № 3. С. 4–9.

³ Пушкин в русской философской критике. Конец — первая половина

В рамках этой публикации представим краткий обзор пушкинских мероприятий, проведенных в юбилейный год Государственным институтом русского языка имени А.С. Пушкина (Институтом Пушкина) и его партнерами.

Готовясь к 225-летию со дня рождения поэта, команда института разработала сайт-агрегатор Пушкин-225.рф. Он включил в себя следующие тематические разделы: «Пушкинские вебинары», «Литературные гостиные», «Мультимедийные ресурсы», «Онлайн-курсы и видео», «Пушкинские конкурсы», «Конференции, форумы. Круглые столы». Также в ресурс был интегрирован «Пушкинский календарь», позволяющий размещать анонсы, новости, пост-релизы мероприятий, посвященных событиям юбилейного года. Среди партнеров Института Пушкина, материалы которых размещались в календаре, литературные музеи (Всероссийский музей А.С. Пушкина, Государственный музей А.С. Пушкина, Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник «Болдино», Пушкинский Заповедник (Михайловское), Музей-заповедник А.С. Пушкина «Вяземы-Захарово»); Дом русского зарубежья имени А. Солженицына; Библиотека-читальня имени А.С. Пушкина (Москва); Ассоциации «Содружество образовательных организаций имени А.С. Пушкина и педагогов», «Диалог культур и традиций»; центр «Апрелик» (Париж, Франция); ГАУ «Московский Дом соотечественника» (Ереван, Армения); Российско-Таджикский (Славянский) университет (Душанбе, Таджикистан); Университет Центральной Азии (кампус в Хороге, Таджикистан); Хорогский государственный университет имени Моёншо Назаршоева (Хорог, Таджикистан); Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан), Гуманитарно-педагогический институт Кызылординского университета имени Коркыт Ата (Алматы, Казахстан); Русский дом в Афинах (Греция); Русский дом в Нью-Дели (Индия); Представительство Россотрудничества в Республике Казахстан (Алматы, Казахстан); Представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан (Ташкент, Узбекистан); Кабардино-Балкарский госуниверситет имени Х.М. Бербекова и научно-образовательный центр русского языка и культуры КБГУ (Нальчик, Кабардино-Балкария); Национальный университет Лануса (Буэнос-Айрес, Аргентина); Общество соотечественников и друзей России «Россия» (Нови Сад, Сербия); Некоммерческий

культурный фонд «CLE» (Кито, Эквадор) и многие другие. Помимо сайта Пушкин-225.рф Институт Пушкина запустил телеграм-канал Пушкин-225. Оба ресурса продолжили работу и в 2025 году.

Пушкинскому юбилею был посвящен первый номер журнала «Русский язык за рубежом» (научный редактор номера — доктор филологических наук Э.М. Афанасьева). В 2024 году был запущен открытый мультимедийный образовательный комплекс «Пушкин на интерактивном уроке чтения» (при поддержке фонда «Русский мир»; научный руководитель проекта — доктор педагогических наук, профессор Н.В. Кулибина).

В мае 2024 года ряд пушкинских мероприятий прошел в рамках IV Международного Костомаровского форума Института Пушкина⁴: круглые столы «Пушкин-225: литературный юбилей как историко-культурный феномен», «Изучение творчества А.С. Пушкина в современной школе: что, зачем и как», «Пушкин-2024: взгляд молодых исследователей», «Пушкин и Абай» (совместно с Казахстанским Национальным педагогическим университетом имени Абая, Алматы); практические мастерские «Онегин — XXI век», «Пушкин-рэп, или Классика на новый лад»; открытая лекция С.М. Некрасова «Всероссийский музей А.С. Пушкина в 225-летие поэта».

18 сентября 2024 года в онлайн-формате был проведен круглый стол «Пушкин без границ» для слушателей Эквадора и стран Латинской Америки. Организаторами выступили Институт Пушкина, Посольство Республики Эквадор в РФ, Некоммерческий культурный фонд «CLE» (Кито, Эквадор).

24–25 октября состоялась масштабная Международная конференция «Пушкин и современность», в рамках которой прошли XXXIV Пушкинские чтения Института Пушкина. Организаторами мероприятия выступили: Россотрудничество, Государственный музей А.С. Пушкина и Институт Пушкина. Работа каждого дня начиналась с пленарной сессии, на которой выступали с докладами сотрудники пушкинских музеев, литературоведы, лингвисты. Представим темы пленарных докладов:

«Юбилей А.С. Пушкина как явление культуры» (С.М. Некрасов, президент Всероссийского музея А.С. Пушкина, доктор культурологии (Санкт-Петербург, Россия);

⁴ Костомаровский форум. 2024 [Электронный ресурс: <https://www.kostomarovforum.ru/programa/>].

«Итоги 225-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина и перспективы развития музеев России» (Е.А. Богатырев, директор Государственного музея А.С. Пушкина, кандидат культурологии (Москва, Россия);

«Международные проекты, реализованные Россотрудничеством к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина» (Д.В. Поликанов, заместитель руководителя Россотрудничества, кандидат политических наук (Москва, Россия);

«Традиционность и новаторство в обновлении экспозиций музея-заповедника «Болдино» в рамках Пушкинского юбилейного года» (Н.А. Жиркова, директор Государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино» (Большое Болдино, Россия);

«Российский государственный архив литературы и искусства в год А.С. Пушкина. К 225-летию поэта» (О.А. Шашкова, директор Российского государственного архива литературы и искусства, кандидат исторических наук (Москва, Россия);

«По страницам «Капитанской дочки» (Ю.Э. Комлев, директор Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея, доктор культурологии (Оренбург, Россия);

«Музей-заповедник А.С. Пушкина в юбилейный год» (А.М. Рязанов, директор Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина (Москва, Россия);

«Новорожденное творенье»: к вопросу о генеалогическом коде романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (Э.М. Афанасьева, главный научный сотрудник, руководитель пушкинских проектов Института Пушкина, доктор филологических наук (Москва, Россия);

«Пушкинские энциклопедии 1999–2024 годов» (Н.И. Михайлова, главный научный сотрудник Государственного музея А.С. Пушкина, доктор филологических наук (Москва, Россия);

«Сказка о медведихе»: из наблюдений над текстом» (И.С. Юхнова, руководитель центра по изучению наследия А.С. Пушкина Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук (Нижний Новгород, Россия);

«Между le début и la fin du siècle, или Маленькие трагедии Пушкина в зеркале больших комедий Чехова» (Л. Димитров, профессор Софийского университета имени св. Климента Охридского, доктор филологических наук (София, Болгария);

«Изучение произведений Александра Пушкина на кафедрах русского языка в Египте» (М. Эльгебали, заведующий кафедрами русского языка в Египетском университете и в Академии Садата, бывший советник по делам образования и культуры Египта в Москве, профессор (Каир, Египет), и другие.

В первый день работы конференции в Государственном музее А.С. Пушкина прошло заседание двух секций: «Актуальные проблемы современного пушкиноведения» и «Музейная пушкинистика в год 225-летия со дня рождения поэта». Второй день конференции прошел на площадке Института Пушкина, где работало семь секций: «Художественный мир А.С. Пушкина», «Пушкинская традиция и феномен литературной классики», «А.С. Пушкин в современной литературе и искусстве», «Русский литературный язык от А.С. Пушкина до эпохи цифровизации», «Произведения А.С. Пушкина на занятиях по русскому языку как иностранному», «Юбилей А.С. Пушкина как историко-культурный феномен», «А.С. Пушкин в современной дидактике». Также 25 октября состоялся круглый стол «А.С. Пушкин вне времени и пространства: международные проекты 2024 года», который прошел при участии российских центров за рубежом (организаторы — Россотрудничество и Институт Пушкина). В работе конференции «Пушкин и современность» приняло участие более 200 спикеров из более чем 30 стран.

24–26 октября 2024 года был проведен Международный форум школ имени А.С. Пушкина, во время которого на площадках Государственного музея А.С. Пушкина и Института Пушкина состоялись пленарное заседание, мастер-классы, экспертные сессии и секции. В форуме приняли участие представители образовательных организаций из России, Армении, Белоруссии, Германии, Италии, Киргизии, Туркменистана, Турции и Таджикистана. Организаторы — Фонд поддержки гуманитарных наук «Моя история» совместно с Государственным научным институтом русского языка имени А.С. Пушкина при поддержке Минпросвещения России.

В 2024 году в четырнадцатый раз состоялся традиционный пушкинский конкурс Института Пушкина «Что в имени тебе моем...». Участникам из России и зарубежья в этом году было предложено семь номинаций: «Пишем эссе», «Читаем Пушкина», «Читаем стихи о Пушкине», «Творчество А.С. Пушкина на сцене», «А.С. Пушкин в музыке», «Память о Пушкине в моей стране», «Читайте А.С. Пушкина! (Конкурс

буктрейлеров)». В мероприятиях приняло участие более 1 500 человек из 56 стран. Наибольшую активность проявили конкурсанты из России, Белоруссии, Армении, Киргизии, Молдовы, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Греции, Руанды, КНР, Франции, США.

Пушкинские мероприятия прошли также в рамках волонтерской программы «Послы русского языка в мире», программы Фонда А. Горчакова InteRussia для молодых специалистов, проходивших стажировку в Институте Пушкина, на площадке выставки «Россия» на ВДНХ.

21 ноября, в преддверии Дня словарей, Институт Пушкина объявил слово года. На основе народного голосования, машинного анализа, а также работы экспертов им стало слово «Пушкин». Как отмечалось в новостных публикациях, «статистика поисковых запросов демонстрирует устойчиво высокий интерес к поэту и его творчеству. По данным Wordstat, только за последний месяц число запросов слова «Пушкин» превысило 10 миллионов»⁵.

Несколько слов важно сказать об инициативных проектах, реализованных партнерами Института Пушкина. Русский детский театр «Апрелик» во Франции (руководитель — Людмила Дробич) ко дню рождения поэта реализовал творческую инсценировку «Три дня с Пушкиным в Париже»⁶. По замыслу организаторов, дети показывали Пушкину Париж — город, в который стремился попасть Пушкин, — тем самым исполняя мечту поэта. По итогам проекта был снят фильм «Как Александр Сергеевич прогуливался в Париже».

Важнейшим пушкинским событием в Европе стал Салон русской книги в Париже «Русская литература», прошедший в Русском православном духовно-культурном центре на набережной Бранли 6–8 декабря

⁵ Институт Пушкина объявил словом года «Пушкин» // Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина: сайт. Публ. 21.11.2024 [Электронный ресурс: <https://www.pushkin.institute/nazvano-slovo-goda/>]. См. также: Институт Пушкина выбрал слово 2024 года // ТАСС: сайт. Публ. 21.11.2024 [Электронный ресурс: <https://tass.ru/obschestvo/22459973>]; Институт Пушкина выбрал словом года «Пушкин» // Коммерсант: сайт. Публ. 21.11.2024 [Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/7313234>].

⁶ Международный проект «Три дня с Пушкиным». 6–8 июня 2024 года // Пушкин-225.рф: сайт [Электронный ресурс: pushkin-225.rf/#res698372536#!/tab/729345468-2]; В русском детском театре во Франции рассказали о проекте к юбилею Пушкина // Фонд «Русский мир»: сайт. Публ. 14.08.2024 [Электронный ресурс: <https://russkiymir.ru/news/327746/>].

2024 года и приуроченный к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина⁷. Посол РФ в Париже Алексей Мешков приветствовал гостей словами: «Символично, что это важнейшее с точки зрения укрепления позиций русского языка мероприятие завершает юбилейный год, когда весь мир отмечает 225-летие великого поэта Александра Пушкина, признанного создателем современного русского языка»⁸. Ирина Рекшан, организатор литературного салона, отметила, что русская литература пользуется неизменным интересом во Франции и подчеркнула: «Это хороший повод, чтобы еще раз заявить о преклонении французов перед великой классической русской литературой и их неисчерпаемом интересе к современной русской литературе»⁹. Программа мероприятий включала в себя показы фильмов, презентации книг, круглые столы, чтение произведений А.С. Пушкина. Как отмечено на сайте Фонда «Русский мир», «российские и французские исследователи представили свои новые книги, посвященные культуре и истории России. Марк Руссе презентовал издание «Наш ложный друг Америка. За союз с Россией», а писатель Жиль Коссон познакомил собравшихся со своей книгой «Россия завтрашнего дня в свете ее литературной истории»¹⁰.

Шлейф празднования юбилея А.С. Пушкина захватил и начало 2025 года. 25 января состоялась международная детская литературная онлайн-конференция, посвященная 225-летию со дня рождения поэта «А.С. Пушкин — жизнь, любовь, дружба»¹¹. Организаторами мероприятия стали Association Russophone du Chesnay, Русская школа дополнительного образования «Антошка» (Версаль, Франция), Институт Пушкина при участии издательства Natania (Париж, Франция), Всемирной ассоциации русских школ IARSH, Русско-французского журнала

⁷ Салон русской книги в Париже «Русская литература». 6–8 декабря 2024 года // Russkaya literatura: сайт [Электронный ресурс: <https://www.russkayaliteratura.fr/программа/>].

⁸ В Париже открыли юбилейный салон русской книги // ТАСС: сайт. Публ. 6.12.2024 [Электронный ресурс: <https://tass.ru/obschestvo/22601983/amp>].

⁹ Там же.

¹⁰ В Париже состоялся десятый Салон русской книги // Фонд «Русский мир»: сайт. Публ. 6.12.2024 [Электронный ресурс: <https://russkiymir.ru/news/331359/>].

¹¹ Во Франции провели международную детскую литературную конференцию к 225-летию А.С. Пушкина // Фонд «Русский мир»: сайт. Публ. 27.01.2025 [Электронный ресурс: <https://russkiymir.ru/news/332555/>].

«Перспектива», фонда «Русский мир». В мероприятии приняли участие русские школы из Армении, Венгрии, Испании, Узбекистана, Швеции, Франции, а также студенты КНР, обучающиеся в Российском государственном педагогическом университете имени А.И. Герцена. Конференция прошла в атмосфере дружеского включения каждого участника в творческий диалог. Ребята выучили наизусть и прочитали стихи и сказки Пушкина на русском языке и в переводе на язык страны, в которой они живут, а также познакомились с биографией писателя. В финале мероприятия прошла викторина и был показан документальный фильм о Михайловском.

* * *

Пушкинский юбилей — культурно-исторический феномен, значимый для Русского мира и для восприятия его ценностей в большом историческом контексте. Это подтверждается не только творческой реализацией утвержденного на государственном уровне плана мероприятий, но и множеством проектов, которые носят инициативный характер, демонстрируя и интерес к творчеству А.С. Пушкина, и народную любовь к «солнцу русской поэзии».

Празднование 225-летия со дня рождения писателя стало важнейшим явлением культурной жизни России и зарубежья. Научные, просветительские, творческие проекты создали условия для проникновенного включения в диалог с литературной классикой. Образ Пушкина и его наследие в XXI веке продолжают соотноситься с русским культурным кодом, который сегодня актуализирует смыслы, связанные с представлением о роли поэта и поэзии в разные исторические периоды и о традиционных жизненных ценностях.

Елена Сабурова

А.С. ПУШКИН — ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно.

А.С. Пушкин

На каждом этапе нашего жизненного пути творчество А.С. Пушкина способно подарить нам поддержку, вдохновение, душевные силы, поспособствовать формированию и развитию духовно-нравственных ценностей.

Для многих из нас А.С. Пушкин — путеводная звезда русской культуры.

Сегодня мы задаемся вопросом — кем для нас в век научно-технического прогресса является А.С. Пушкин? Современные реалии убеждают нас в том, что творчество Пушкина — не только прекрасное литературное наследие и дань уважения прошлому, но и актуальный ныне феномен.

Пушкин является создателем современного русского языка, на котором мы все говорим, пишем, думаем, и поэтому он живет в каждом из нас. Язык — это визитная карточка народа.

Прошлое, настоящее и будущее тесно связаны. Через произведения Пушкина мы продолжаем изучать свой национальный культурный код — наши традиции и ценности.

В чем же заключается «чудотворение Пушкина»? Самым главным в его наследии является то, что в его зашифрованном слогом передается энергия, которая будит генетическую память человечества.

Вследствие этого происходит гармоничное развитие личности, воспитание чувства сопереживания, любви, душевной красоты; при этом модель успеха в будущем понимается через призму служения обществу, через развитие и поиск себя.

Язык слова и язык искусства очень тесно связаны. Любовь и творчество едины! Через творчество Пушкина мы раскрываем и зажигаем сердца людей, наполняя их любовью.

Ассоциация «Содружество образовательных организаций имени

А.С. Пушкина и педагогов», созданная в июне 2023 года при поддержке потомков А.С. Пушкина, вносит огромный вклад в формирование и сохранение русской культуры и мира на нашей планете.

Я испытываю чувство огромной гордости, находясь в команде нашей Ассоциации. Это некий корабль Творчества, Гармонии и Любви, бороздящий наш безбрежный океан.

Основные векторы развития — это популяризация русского языка и литературы для изучения в образовательных организациях Российской Федерации, странах СНГ и мира, поддержка образовательной и социокультурной деятельности обучающихся и педагогов, продвижение инновационных идей, учитывающих специфику учебных заведений имени А.С. Пушкина, сохранение и укрепление общечеловеческих российских духовно-нравственных ценностей.

Я как потомок А.С. Пушкина являюсь руководителем Попечительского совета Ассоциации, руководитель Ассоциации — Алия Юнусовна Шагаева.

В декабре 2023 года приказом Министерства просвещения РФ наша площадка признана федеральной инновационной площадкой «Наследие А.С. Пушкина как основа модели формирования, сохранения и укрепления российских традиционных духовно-нравственных ценностей в общеобразовательной организации» (приказ Министерства просвещения РФ от 28.12.2023г. № 1056).

12 декабря 2024 года на базе Московского педагогического государственного университета состоялась итоговая конференция по федеральным инновационным площадкам (ФИП), где наша отмечена благодарственным письмом Министерства просвещения Российской Федерации. В реестр ФИП включен Лицей № 9 имени А.С. Пушкина Зеленодольского муниципального района Республики Татарстан.

В 2025 году запланировано привлечение еще 16 организаций в работу инновационной площадки в рамках Ассоциации.

Сегодня Ассоциация объединяет 78 образовательных организаций не только в России, но и в бывших странах СНГ и мира.

В 2024 году Ассоциация становится партнером Центра международного сотрудничества Минпросвещения РФ.

Направления деятельности Ассоциации следующие:

- просветительская: вебинары, лекции, издание книг, пособий, проведение образовательных стажировок, проведение конкурсов, семинаров и др.;

• научно-методическая. Образовательные организации — члены Ассоциации являются участниками федеральной инновационной площадки (приказ Минпросвещения от 26.12.2023г. № 1566) и участвуют в апробировании организационно-методической модели «Наследие А.С. Пушкина как основа модели формирования, сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей в общеобразовательной организации»;

• творческая: различные конкурсы (рисунка, чтецов, театральные фестивали, балы, Пушкинские елки и многое другое).

В 2024 году в рамках Ассоциации готовится к выпуску сборник «Педагогика А.С. Пушкина как ценностно-ориентированная система воспитания духовно-нравственной личности в образовательном учреждении».

Проект предполагает обобщение опыта деятельности образовательных организаций, входящих в состав Ассоциации. Развитие личности — одна из наиболее сложных и ключевых задач в современной школе. Важным этапом на пути развития современного школьника является поднятие его самооценности. Анализ творчества А.С. Пушкина способен влиять на формирование гармоничной личности, развивать культуру человека как систему общечеловеческих и традиционных ценностей.

Цели пособия:

• формирование интереса к наследию А.С. Пушкина с точки зрения влияния на отечественную педагогику;

• раскрытие традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обозначенных в Указе Президента РФ В.В. Путина от 09.11.2022г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»;

• формирование гармонично развитой личности, творца.

В основе пособия лежит распределение ценности для современного Учителя и Ученика в соответствии с буквами русского алфавита (одна ценность — одна буква).

В 2024 году получено свидетельство о депонировании произведения (авторское право). Зарегистрировано в базе данных (реестре) Российского авторского общества КОПИРУС № 024-018819, автор — Алия Юнусовна Шагаева.

Изыюминкой нашей созидательной работы, направленной на будущие инвестиции молодежи в себя, является «Пушкинский патент». Проект

развивается при поддержке Роспатента РФ. Он дает уникальную возможность молодежи проверить себя, проявить творческие способности, повысить правовую грамотность и приобрести новые полезные знания, открывая большие перспективы.

Перефразируя великие строки Александра Сергеевича Пушкина, можно смело сказать: изобретательству все возрасты покорны!

Вот некоторые примеры номинаций: «Мастер дизайна» — «Капор времен А.С. Пушкина»; «Творческий дебют» — «Психология ученика пушкинской школы»; «Интеллектуальные способности — неограниченные возможности» — «Английский фильм на основе фильмов и сериалов об А.С. Пушкине» и т. д.

В юбилейном 2024 году Ассоциация провела следующие мероприятия: фестиваль «Читаем Пушкина»; конкурс рисунка «У каждого свой Пушкин есть»; международный фестиваль школьных и молодежных театральных коллективов «Болдинская осень»; международный форум пушкинских школ в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина; Пушкинские елки; Пушкинские балы и многое другое.

Отдельно хочется отметить международный фестиваль медиапроектов «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!», который стартует в 2025 году, в юбилейный год Победы.

Фестиваль-конкурс проводится в целях поддержки талантливых обучающихся, развития журналистского творчества детей и молодежи, формирования активной гражданской позиции в подростковой и молодежной среде, возможности публично выразить себя, продемонстрировать свои умения и навыки в практическом применении мультимедийных средств создания авторского социально-ориентированного контента.

Конкурс предполагает выполнение интеллектуальных и творческих заданий патриотической направленности, связанной с произведениями А.С. Пушкина.

Приглашаем всех желающих к сотрудничеству:

наш Телеграм канал: <https://t.me/yMPJCIROsuhmMDMy>

сайт: <https://sooiasp.ru>

II. К МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПАМЯТИ С.В. ЯМЩИКОВА «МУЗЕЙ. РЕСТАВРАТОР. РЕСТАВРАЦИЯ» (17 — 20 июля 2024 года)

Дарья Плотникова

ПОЧТОВЫЕ КАРТОЧКИ, ИЗДАННЫЕ ОБЩЕСТВОМ ДРУЗЕЙ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА В 1928 ГОДУ: КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ

Довоенная иконография пушкинских мест Псковского края, отраженная в произведениях изобразительного искусства и фотографиях, имеет особое значение для музейного собрания. Поиск материалов подобного плана и пополнение ими фондов Пушкинского Заповедника остается перспективным направлением комплектования. Импульс выявлению лакун в коллекциях и активизации целенаправленного поиска придает изучение материалов по истории довоенных экспозиций Михайловского. В их числе — отчет правления Общества друзей Пушкинского Заповедника за 1926–1927 годы (30 октября 1926 — 1 января 1928 года), образованного в Ленинграде осенью 1926 года¹.

В разделе Отчета, посвященном началу издательской работы, значатся «открытки со снимками Заповедника», которые «выйдут в свет в издании Общества в самое ближайшее время»². Упоминания о них

¹ Подробнее о нем см.: *Бойцова А.Е.* Общество друзей Госзаповедника «Пушкинский уголок». 1926–1929 годы // Михайловская пушкиниана. Вып. 101. Сельцо Михайловское, 2024. С. 95–107.

² Отчет правления Общества друзей Пушкинского Заповедника за 1926–1927 годы (30 октября 1926 — 1 января 1928 года). Л., 1928. С. 5.

имеются в статьях авторов, занимающихся исследованием пушкинской темы в открытках. Сведения содержит статья И.И. Лагунина «Пушкинский край в почтовых открытках (1899–1928)»: «Организация Пушкинского Заповедника и общества его друзей в Ленинграде стала поводом для создания серии классических открыток на высочайшем уровне, не уступающем дореволюционному. Общество друзей Пушкинского Заповедника привлекло к созданию номерной серии профессиональных художников, фотомастера В.М. Федорова-Курганова. Издание получилось очень серьезным. В нем нашлось место портретному изображению поэта, мемориальным видам из альбома И. Иванова, фотографическим видам пушкинских мест, не уступающим филимоновским. Авторы сумели преодолеть недостатки массовой и, как следствие, дешевой черно-белой типографской печати и составили классическую серию»³. М.А. Борец, петербургский коллекционер, в статье «К вопросу о пушкиниане на почтовых открытках 1920–1941 годов»⁴ отмечает редкость серии.

Следует отметить, что полный перечень открыток, изданных Обществом друзей Пушкинского Заповедника, не указан ни в одном источнике; отсутствует он и в историографии.

Анализ коллекций фотонегативов музея показал, что по состоянию на первое полугодие 2020 года в собрании указанные открытки представлены не были. Поиск, систематический мониторинг площадок интернет-аукционов, переговоры с владельцами и как итог — приобретение для музея открыток позволило реализовать процесс комплектования по данному направлению. На одном из интернет-аукционов в продаже у нескольких владельцев оказались представлены четыре почтовые карточки 1928 года. Указанные лоты были приобретены для музея частным лицом (Пушкинские Горы) и переданы им в пожертвование⁵.

Информация об издании карточек Обществом друзей Пушкинского Заповедника в 1928 году содержится на обороте: «Изд. О-ва друзей

³ Лагунин И.И. Пушкинский край в почтовых открытках (1899–1928) // Михайловская пушкиниана. Вып. 53. Сельцо Михайловское, 2012. С. 110.

⁴ Борец М.А. К вопросу о пушкиниане на почтовых открытках 1920–1941 годов // Вокруг Пушкина: материалы научно-практической конференции из цикла «Общественная жизнь в Петербурге». СПб., 2019. С. 40–42.

⁵ Акт приема-передачи от 27.12.2020г. № 14; пожертвование от Г.Л. Плотниковой (Пушкинские Горы).

Пушкинского Заповедника 1928 г.» Рассмотрим их. Четыре почтовых карточки представляют три видовых сюжета и воспроизведение литографии «Святогорский монастырь» П.А. Александрова 1837 года по рисунку И.С. Иванова из «Галереи видов города Пскова и его окрестностей».

На обороте каждой открытки вдоль нижнего края дано название, перед ним — порядковый номер (*см. Приложение в конце статьи*):

«2. Пушкинские Горы. Бывш. Святогорский монастырь с могилой А.С. Пушкина»⁶.

«6. Село Михайловское. Домик няни»⁷.

«8. Село Михайловское. Озеро Маленец. Лесистый холм»⁸.

«10. Тригорское. Вид в парке от «Скамьи Онегина» на р. Сороть»⁹.

Наличие порядковых номеров позволяет объединить почтовые карточки в серию. Но каков ее количественный и сюжетный состав?

На сайте Президентской библиотеки представлена «электронная репродукция комплекта почтовых карточек: [Пушкинский заповедник] [Изоматериал]. Изд. О-ва друзей Пушкинского заповедника, 1928 (Ленинградский областлит). 8 открыток без обложки: фототипия. № 8604. Тираж 1 000 экз. Местонахождение: Детский музей открытки, Санкт-Петербург»¹⁰. Перечислим сюжеты с присвоенными им порядковыми номерами:

1. А.С. Пушкин. 1799–1837.

2. Пушкинские Горы. Бывш. Святогорский монастырь с могилой А.С. Пушкина.

3. Пушкинские Горы. Могила А.С. Пушкина у стены собора времен Грозного — 1569 г.

5. Село Михайловское. Усадьба А.С. Пушкина.

7. Село Михайловское. Озера Маленец и Кучане.

⁶ Из фондов Пушкинского Заповедника (учетные обозначения: ПЗ-КП-36191, ГК 27803987).

⁷ Из фондов Пушкинского Заповедника (учетные обозначения: ПЗ-КП-36192, ГК 27804000).

⁸ Из фондов Пушкинского Заповедника (учетные обозначения: ПЗ-КП-36193, ГК 27803991).

⁹ Из фондов Пушкинского Заповедника (учетные обозначения: ПЗ-КП-36194, ГК 27803995).

¹⁰ [Пушкинский Заповедник] // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина: сайт [Электронный ресурс: <https://www.prilib.ru/item/316002>].

-
8. Село Михайловское. Озеро Маленец. Лесистый холм.
 9. Тригорское. Парк. «Скамья Онегина».
 10. Тригорское. Вид в парке от «Скамьи Онегина» на р. Сороть.
- Как видно из нумерации, отсутствуют две открытки — под номерами 4 и 6.

Тем не менее, наличие информации на данном электронном ресурсе позволило продолжить адресный поиск отсутствующих в собрании музея почтовых карточек.

Отдельные экземпляры удалось найти на интернет-аукционе у нескольких владельцев и приобрести для музея в 2024 году. Что особенно ценно, в их числе оказались два отсутствующих в перечне на сайте Президентской библиотеки:

4. Село Михайловское. Аллея елей, современных поэту. Въезд в усадьбу А.С. Пушкина.

6. Село Михайловское. Домик няни¹¹.

Таким образом, серия почтовых карточек, изданных Обществом друзей Пушкинского Заповедника в 1928 году, включает десять сюжетов:

1. А.С. Пушкин. 1799–1837.

2. Пушкинские Горы. Бывш. Святогорский монастырь с могилой А.С. Пушкина.

3. Пушкинские Горы. Могила А. С. Пушкина у стены собора времен Грозного — 1569 г.

4. Село Михайловское. Аллея елей, современных поэту. Въезд в усадьбу А. С. Пушкина.

5. Село Михайловское. Усадьба А.С. Пушкина.

6. Село Михайловское. Домик няни.

7. Село Михайловское. Озера Маленец и Кучане.

8. Село Михайловское. Озеро Маленец. Лесистый холм.

9. Тригорское. Парк. «Скамья Онегина».

10. Тригорское. Вид в парке от «Скамьи Онегина» на р. Сороть.

В пользу наличия в серии именно десяти единиц говорит тот факт, что в Отчете Общества за 1928 год указан общий тираж открыток в 10 000 экземпляров (т. е. по 1 000 экземпляров тиража каждой почтовой карточки; тираж каждой указан на обороте): «Издательская деятельность в отчетном году ограничилась изданием открыток с видами

¹¹ Поступила в состав музейного фонда Пушкинского Заповедника в 2020 году.

Заповедника (всего 10 000 экземпляров). Расширить деятельность Издательской Комиссии не позволила ограниченность издательского фонда Об-ва»¹². Согласно Годовой приходно-расходной ведомости денежных сумм с 1 января 1928 по 1 января 1929 года была продана 2 021 открытка¹³. Часть тиража была направлена в Михайловское: «Кроме того, Правление выслало в Заповедник и Опочку на льготных условиях «памятку о Пушкине» и биографию Пушкина в дешевом издании Ленгиза, а также и свои издания: «Пушкинский Заповедник» Т.Н. Черепниной и открытки со снимками Заповедника»¹⁴.

Интересен состав серии. Две открытки являются воспроизведением гравюр. На 1928 год литографии П.А. Александрова из «Альбома видов города Пскова и его окрестностей», сделанные по рисункам псковского землемера И.С. Иванова, были самыми ранними из известных изображений Михайловского и Святогорского монастыря. Следует отметить, что оригинальные гравюры были представлены в одной из первых экспозиций пушкинского музея в Михайловском¹⁵.

Восемь почтовых карточек содержат виды Пушкинского Заповедника. Для музея в иконографическом плане особый интерес имеют именно видовые открытки. Они одни из первых формируют у посетителя образ музея-заповедника, являясь одновременно своеобразным приглашением к знакомству с пушкинскими местами или воспоминанием о них. На предложенный перечень памятных видов ориентируются посетители, в числе которых — художники. В данном случае открытки, наряду с путеводителями, документально подпитывают жанр литературного пейзажа. Вслед за В.М. Максимовым, впервые во всей полноте запечатлевшим пушкинские памятные уголки в 1898–1899 годах, А.А. Осмеркин, Б.В. Щербаков и В.К. Бялыницкий-Бируля последовательно развивают в живописи жанр литературного пейзажа, обогащая иконографию пушкинских мест.

В 1920–1930-е годы рождается устойчивый круг сюжетов и мотивов, ориентированных на мемориальность места и поиск соответствий

¹² Отчет Общества друзей Пушкинского Заповедника за 1928 год. Л., 1929. С. 4.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ *Плотникова Д.С.* Музейные предметы в довоенных экспозициях Михайловского. К истории вопроса // Михайловская пушкиниана. Вып. 99. Сельцо Михайловское, 2024. С. 178.

пушкинских строк реальному пейзажу. Так, в фотографии и произведениях изобразительного искусства появляются пейзажи Михайловского, Тригорского и виды Святогорского монастыря с могилой поэта. В число михайловских сюжетов включаются Домик няни, Еловая аллея, Маленец и Кучане («двух озер лазурные равнины»), «холм лесистый», тригорских — «скамья Онегина» и видовая площадка рядом с ней.

Открытки с видами памятных мест, наряду с путеводителями, входили в набор путешествующего по пушкинским местам. В разделе Отчета Общества 1926–1927 годов отмечено издание путеводителя Т.Н. Черепниной «Пушкинский Заповедник». Он вышел в 1927 году тиражом 2 000 экземпляров. В ракурсе темы интерес представляют иллюстрации. Три из них полностью идентичны трем открыткам, среди которых — портрет А.С. Пушкина, литография с видом Михайловского 1837 года и фотография могилы А.С. Пушкина.

Открытка с портретом поэта («1. А.С. Пушкин. 1799–1837») не имеет указания авторства. Тем ценнее информация, содержащаяся в подписи к портрету на странице 5 путеводителя: «с оригинала, принадлежащего Пушкинскому Дому Академии наук СССР»¹⁶.

Автор фотографии могилы А.С. Пушкина указан на странице 2: «Могила А.С. Пушкина по фот. В.М. Федорова»¹⁷. Данный снимок использован для почтовой карточки под № 3 — «Пушкинские Горы. Могила А.С. Пушкина у стены собора времен Грозного — 1569 г.»

Размеры иллюстраций в путеводителе Т.Н. Черепниной и размеры почтовых карточек полностью совпадают — 9 × 14 см¹⁸. На странице 2 путеводителя указано, что «клише предоставлены Издательством Академии наук СССР и Издательством М.В. Сабашникова». Клише открытых писем по состоянию на 1 января 1929 года в Годовой

¹⁶ Черепнина Т.Н. Пушкинский Заповедник. Л., 1927. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 2.

¹⁸ «Выделить дореволюционные открытки из общего ряда не трудно: размер 9 × 14 см, принятый еще в 1878 году на Всемирном почтовом конгрессе в Париже, прямо указывает на это. Открытки первых лет советской власти, имевшие такой же формат, отличаются прежде всего орфографией и, как правило, более полными выходными данными. Переход на новый больший формат — 10,5 × 14,8 см состоялся в 1925 году» // Ларина А. Два ключа к атрибуции открыток // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. № 50 (сентябрь 2007). С. 106.

приходно-расходной ведомости денежных сумм с 1 января 1928 по 1 января 1929 года числятся среди имущества Общества¹⁹.

Фотографии В.М. Федорова были использованы в качестве иллюстраций еще к одному изданию — очерку П.М. Устимовича «Михайловское, Тригорское и могила Пушкина» (Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927). В него вошли шесть сюжетов, использованных в открытках под №№ 3, 4, 6, 7, 8 и 10: могила А.С. Пушкина, аллея елей, современных поэту, «Домик няни», озера Маленец и Кучане, озеро Маленец, Лесистый холм и вид в парке от «Скамьи Онегина» на реку Сороть.

Обратимся к автору фотографий, использованных Обществом друзей Пушкинского Заповедника для издания открыток. Им является В.М. Федоров-Курганов. Авторство, равно как и год создания фотографий, указаны на обороте каждой почтовой карточки с пейзажным сюжетом: «По фот. В.М. Федорова-Курганова 1925 г.»

Сопоставление информации из ряда рассматриваемых источников (Отчета Общества друзей Пушкинского Заповедника, путеводителя Т.Н. Черепниной, очерка П.М. Устимовича и собственно почтовых карточек) позволяет утверждать, что В.М. Федоров и В.М. Федоров-Курганов — одно и то же лицо. В ракурсе истории музея, формирования его довоенной иконографии личность этого человека представляет особый интерес.

В издании А.П. Попова «Российские фотографы (1839–1930). Словарь-справочник» (2013) информация о нем отсутствует. В отдельных публикациях Владимир Михайлович Федоров-Курганов упоминается как учитель русского языка и литературы²⁰ и преподаватель Ленинградского механического техникума²¹.

Краткую биографическую информацию по состоянию на 1926 год содержит перечень членов Общества друзей Пушкинского Заповедника, хранящийся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга

¹⁹ Отчет Общества друзей Пушкинского Заповедника за 1928 год. Л., 1929. С. 11.

²⁰ Чурилова Е.Б. На малой родине большого мастера. По страницам дневника В.М. Федорова-Курганова, привезенного из поездки 1928 года на родину П.П. Чистякова // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 75. Статьи по истории искусства. СПб., 2023. С. 79–80.

²¹ Бойцова А.Е. Общество друзей госзаповедника «Пушкинский уголок». 1926–1929 годы. С. 99.

(ЦГА СПб)²². Под № 22 в перечне числится Федоров Владимир Федорович: 1-я Красноарм[ейская], д. 1, кв. 46; 47 лет; преподаватель техникума точной механики и оптики I Ленинградского механического техникума; сын чиновника; беспартийный; преподаватель²³. Машинопись набрана с рукописного списка с опечаткой в отчестве. В остальных документах указанного архивного дела имя и отчество приводятся верно — Владимир Михайлович.

Наличие указанного В.М. Федоровым адреса позволяет сопоставить его с информацией из адресной и справочной книги «Весь Ленинград на 1927 год»: «Федоров Влад. Мих. Преп. 1 Красноармейская, 1»²⁴. В аналогичном справочнике на 1930 год: «Федоров Влад. Мих. «Механ. Техникум». 1 Красноармейская, 1»²⁵. Данные сведения служат дополнительным подтверждением опечатки в машинописи.

Составление подробной биографической справки о В.М. Федорове видится перспективной научно-исследовательской темой, которая требует продолжения работы в фондах ряда музеев и архивохранилищ. Постепенно определяется их круг. Так, поиск информации в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации позволил установить музеи, хранящие материалы, связанные с именем автора фотографий. Среди них — Литературный музей Пушкинского Дома, Тверской государственный объединенный музей, Государственный музей городской скульптуры, Государственный мемориальный музыкальный музей-заповедник П.И. Чайковского, Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств, Государственный Литературный музей. Часть материалов, включающих фотографии, негативы, почтовые карточки, документы, уже доступна для знакомства на сайте Государственного каталога. Их количественный состав очевидно больше представленного — формирование базы данных продолжается. Удалось обнаружить фотографию конца 1920-х годов «Лукашевич Клавдия Владимировна и В.М. Федоров-Курганов на даче

²² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1001. Оп. 1. Д. 106.

²³ Там же. Л. 2 об.

²⁴ Весь Ленинград на 1927 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1927. С. 452.

²⁵ Весь Ленинград и Ленинградская область: адресная и справочная книга на 1930 год. Ч. 1. Весь Ленинград. Ч. 2. Ленинградская область. Л., 1930. С. 589.

писательницы в Лесном»²⁶ (собрание Литературного музея Пушкинского Дома) и два рисунка²⁷ (в собрании НИМ РАХ), изображающие В.М. Федорова-Курганова.

В.М. Федоров состоял и деятельно участвовал в работе ряда обществ. Среди них — Общество друзей Пушкинского Заповедника, Общество «Старый Петербург — новый Ленинград», Кружок имени П.П. Чистякова.

Его участию в увековечивании памяти П.П. Чистякова (1832–1919) — художника, учителя И.Е. Репина, В.Д. Поленова, В.И. Сурикова, В.М. Васнецова, М.А. Врубеля и многих других живописцев, посвящена статья Е.Б. Чуриловой «На малой родине большого мастера. По страницам дневника В.М. Федорова-Курганова, привезенного из поездки 1928 года на родину П.П. Чистякова»²⁸. Автор отмечает деятельную энергию Владимира Михайловича: «Человек высокообразованный, энергичный, прирожденный организатор, он, по оценке Т.В. Савинской, стал своеобразной пружинкой нового объединения»²⁹.

Показателен подход Владимира Михайловича к поиску, сбору и систематизации информации и материальных свидетельств жизни выдающихся людей, стремление максимально приблизиться к постижению фактов биографии и творчества: «...Облик художника, как и писателя, композитора... складывается на основе всех тех элементов, которые составляют жизнь данного человека, а потому, чтобы понять путь худож[ественного] творчества, надо знать возможно полное условия, в которых создавалась личность творца. Проследите за художником с самого его детства, постарайтесь разыскать о нем возможно больше сведений, соберите иконографию и сделайте всё это доступным для изучения. Словом, нам нужен музей, где бы собраны были материалы,

²⁶ Учетные обозначения: ПД КП-6595/150; ГК 10226775.

²⁷ Графические произведения из собрания Научно-исследовательского музея при Российской академии художеств: В.П. Чистякова. Крыльцо дома. На обороте — портрет В.М. Федорова-Курганова. 1926–1927 годы (учетные обозначения: НИМ РАХ КП-13130, гЧ-381) и Н.Н. Рябинин. В.М. Федоров-Курганов, Н.А. Бруни, В.Е. Савинский. Наброски. Вторая половина 1920-х годов (учетные обозначения: НИМ РАХ КП-12075, гЧ-172).

²⁸ Чурилова Е.Б. На малой родине большого мастера. По страницам дневника В.М. Федорова-Курганова, привезенного из поездки 1928 года на родину П.П. Чистякова. С. 79–87.

²⁹ Там же. С. 79–80.

рисующие жизнь наших художников-классиков, обстановку, в которой вырабатывались они и их великие творения. Во многих случаях это поможет нам правильно читать их художественные произведения. Для глубокого исследователя каждый штрих ценен — всем он умело воспользуется»³⁰.

Обозначим некоторые штрихи к страницам его биографии, связанные с именем Пушкина и Пушкинским Заповедником.

Из Отчета за 1926–1927 годы известно, что он был в числе 18 членов-учредителей Общества друзей Пушкинского Заповедника³¹. На втором общем распорядительном собрании 30 октября В.М. Федоров был избран в состав его Ревизионной комиссии.

Из указанного источника известно, что В.М. Федоров совместно с Т.Н. Черепниной был направлен в сентябре 1927 года в Михайловское для организации выставки на тему «Пушкин в Михайловском». Новая экспозиция разместилась в двух комнатах флигеля, расположенного слева от въездных ворот на усадьбу, симметрично зданию бывшей Колонии литераторов.

В 1927 году в рамках мероприятий, организуемых Обществом друзей, экспонировались фотографии пушкинских мест, сделанные Владимиром Михайловичем. Так, 17 октября 1927 года на одном из очередных собраний Общества «были выставлены этюды Михайловского, Тригорского и Пушкинских Гор лета 1927 года художницы Г.Ф. Семизоровой³² и фотографические снимки Заповедника В.М. Федорова»³³.

Особое значение имеет участие В.М. Федорова в формировании музейного фонда Пушкинского Заповедника. В Отчете за 1928 год он числится в экскурсионно-музейной комиссии, наряду с В.Ф. Мушниковым и Т.Н. Черепниной. Ими были отобраны и представлены Пушкинскому Заповеднику в Михайловском ряд экспонатов:

³⁰ Чурилова Е.Б. На малой родине большого мастера. По страницам дневника В.М. Федорова-Курганова, привезенного из поездки 1928 года на родину П.П. Чистякова. С. 79–80.

³¹ Отчет правления Общества друзей Пушкинского Заповедника за 1926–1927 годы (30 октября 1926 — 1 января 1928 года). Л., 1928. С. 1.

³² Ряд работ ныне хранится в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина, одна работа — в фондах Пушкинского Заповедника.

³³ Отчет Правления Общества друзей Пушкинского Заповедника за 1926–1927 годы (30 октября 1926 — 1 января 1928 года). Л., 1928. С. 9.

«1. Из Государственного Музейного Фонда:

- а) гарнитур карельской березы (стулья и кресла),
- б) портреты исторических лиц и современников Пушкина,
- в) вид Царскосельского лицея и др. исторических мест,
- г) несколько предметов из фарфора.

2. Из Государ. Книжного Фонда — 22 (названия) книги, в том числе литературные альманахи начала XIX века.

3. Из Пушкинского Дома — 18 воспроизведений, в том числе три портрета Пушкина, портрет Н.Н. Пушкиной, портреты Карамзина, Гнедича, Пушина и др., 5 репродукций с рукописей Пушкина и т. д.

4. Из Центрального бюро краеведения — Заповеднику предоставлены все инструктивно-методич. материалы.

5. Комитетом популяризации худож. изданий — бесплатно предоставлены Заповеднику (по ходатайству Комиссии) — изд.: «Медный Всадник» с рисунками А.Н. Бенуа и «Цыганы» с рисунками и 12 открытых писем с иллюстрац. к произведениям Пушкина.

6. Из Музея города — 5 воспроизведений с памятн. Пушкину и один портрет.

Приобретен на средства Общества большой портрет Пушкина в ореховой раме (20 руб.) и 80 листов с воспроизведениями иллюстраций к сочинениям Пушкина и снимков местностей, связанных с его биографией — (24 рубля).

Все перечисленные предметы и издания подобраны согласно общего плана Музея в Заповеднике: одни из них — заменили менее подходящие экспонаты, других совсем не хватало, а они восполнили пробел.

Комиссия наметила с зав. Заповедником т. Волковым план совместной работы по дальнейшему устройству музея; с одной стороны — и в дальнейшем должно идти плановое пополнение музея новыми экспонатами и замена некоторых из имеющихся в настоящее»³⁴.

В собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина представлен ряд снимков экспозиции пушкинского музея в Михайловском 1927–1928 годов³⁵.

³⁴ Отчет Общества друзей Пушкинского Заповедника за 1928 год. Л., 1929. С. 8–9.

³⁵ Подробнее о них см.: *Плотникова Д.С.* Музейные предметы в довоенных экспозициях Михайловского. К истории вопроса // Михайловская пушкиниана. Вып. 99. Сельцо Михайловское, 2024. С. 171–191.

На двух снимках³⁶ привлекает внимание фотографический материал, представленный на стенах. При внимательном рассмотрении узнаются сюжеты, представленные на открытках. Перечислим их и сопоставим с почтовыми карточками 1928 года.

В разделе экспозиции «Пушкин в Тригорском» представлены два сюжета, совпадающие с открытками под №№ 9 и 10 — «Тригорское. Парк. «Скамья Онегина» и «Тригорское. Вид в парке от «Скамьи Онегина» на р. Сороть». В разделе «Пушкин в с. Михайловском» — четыре сюжета под №№ 4, 6, 7 и 8: «Село Михайловское. Аллея елей, современных поэту. В'езд в усадьбу А.С. Пушкина», «Село Михайловское. Домик няни», «Село Михайловское. Озера Маленец и Кучане» и «Село Михайловское. Озеро Маленец. Лесистый холм».

Таким образом, фотографии В.М. Федорова были использованы не только для создания первых путеводителей по Пушкинскому Заповеднику, почтовых карточек; они вошли в состав первых экспозиций в Михайловском.

В новой экспозиции 1937 года, судя по инвентарной описи музея, снимки В.М. Федорова представлены не были. Тем не менее, они продолжают использоваться для плакатов 1930-х годов. Так, в собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина представлен плакат «Александр Сергеевич Пушкин в Михайловском», изданный газетой «Пушкинский колхозник» 31 октября 1936 года³⁷, с тремя photographиями, повторяющими сюжеты открыток.

В фондах Пушкинского Заповедника представлена photographия В.М. Федорова-Курганова «С. Михайловское. Озеро Маленец. Справа Михайловский парк» (ПЗ-КП-27624 ГК 6474038; 9,3 × 14 см). Она поступила в 1962 году от О.В. Ломан (1910–1993), работавшей в Пушкинском Заповеднике до начала Великой Отечественной войны научным сотрудником. На обороте имеется надпись: «Озера Маленец и Кучане. Справа Михай- / ловский парк. / Фот. В.М. Федорова-Курганова». Она повторяет подпись, сопровождающую данную photographию в книге П.М. Устимовича³⁸. Композиция снимка полностью идентична открытке

³⁶ Из фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина (учетные обозначения: ВМП-НВ-Ф 36376, 36377).

³⁷ Из фондов Всероссийского музея А. С. Пушкина (учетные обозначения: ВМП-НВ-2546).

³⁸ Устимович П.М. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина. Л., 1927. Между с. 32 и 33.

«Село Михайловское. Озера Маленец и Кучане». В ходе исследования материалов удалось дополнить атрибуцию данного предмета. Так, надпись на обороте фотографии, выполненная фиолетовыми чернилами, оказалась сделана рукой автора. В фондах Государственного мемориального музыкального музея-заповедника П.И. Чайковского (Клин) имеется письмо Н.А. Римского-Корсакова к И.И. Лапшину от 22 августа 1904 года, переписанное В.М. Федоровым-Кургановым в 1933 году (ГМЗЧ КП-16240; ГК 18788745). Сопоставление образцов почерка на двух предметах обнаруживает очевидную близость в характере написания отдельных букв.

Итак, изучение материалов по истории довоенных экспозиций Михайловского и музейных предметов, в них представленных, позволило выявить и восполнить лакуны в коллекции старой открытки, усилить комплектование музейного фонда материалами 1920-х годов и определить перспективные его направления. Материал, собранный в ходе исследования, вошел в экспертное заключение на предметы, переданные в 2024 году на рассмотрение экспертной фондово-закупочной комиссии (ЭФЗК), и одновременно предоставил возможность уточнить атрибуцию музейного предмета из фондов Пушкинского Заповедника.

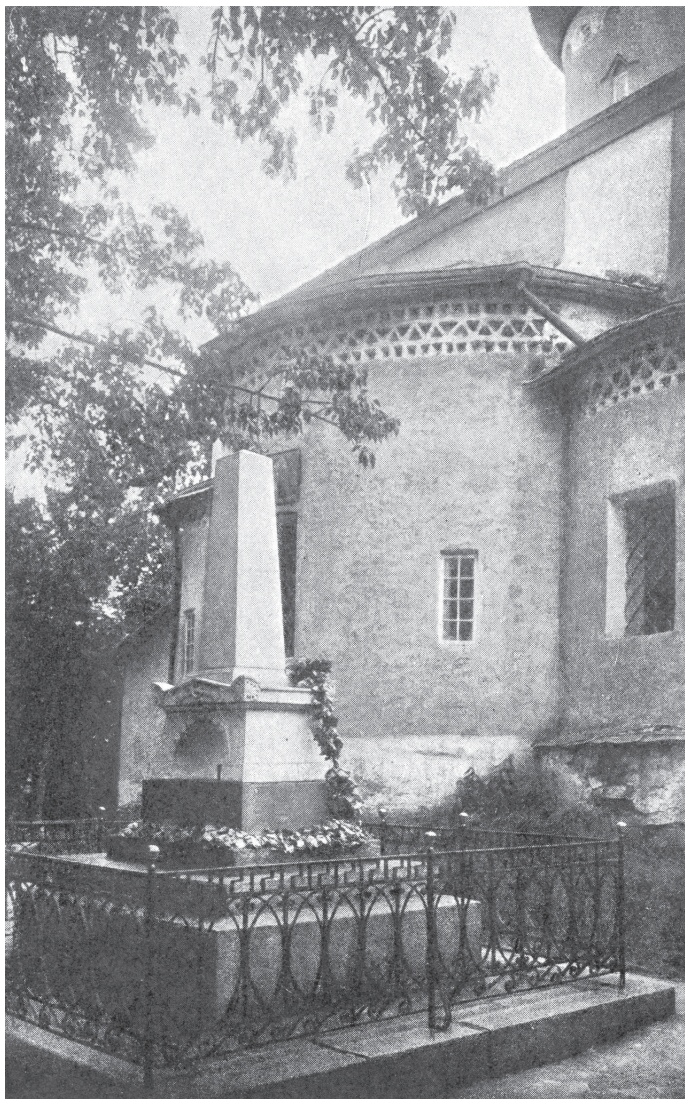
Стоит отметить значение для музея деятельности В.М. Федорова-Курганова, биография которого оказалась тесно связанной с ранней историей Пушкинского Заповедника. При участии Владимира Михайловича в 1920-х годах создавалась новая экспозиция в Михайловском и формировался музейный фонд. Сделанные им фотографии музея-заповедника использовались в первых путеводителях, почтовых открытках, занимали свое место среди экспонатов пушкинского музея и стали неотъемлемой частью иконографии пушкинских мест Псковского края.

Почтовая карточка «А. С. Пушкин 1799–1837». 1928 год

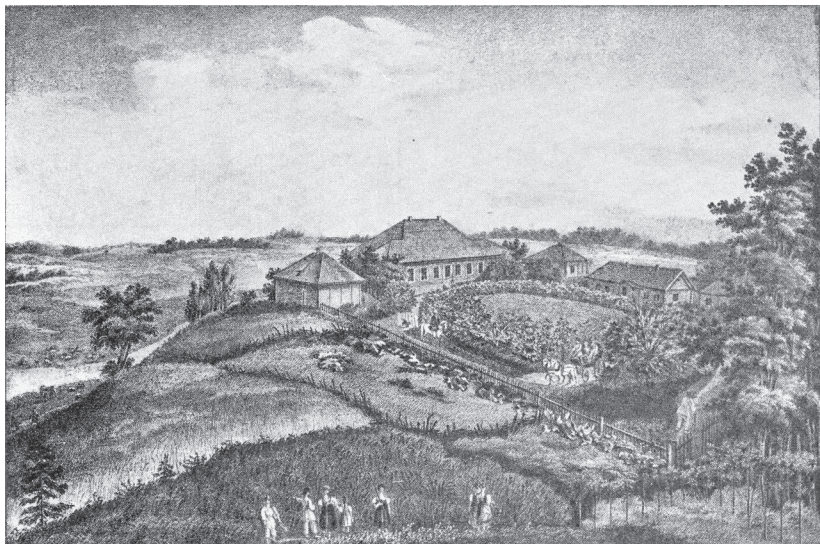
*Почтовая карточка «2. Пушкинские Горы.
Бывш. Святогорский монастырь с могилой А.С. Пушкина». 1928 год*

*Почтовая карточка «3. Пушкинские Горы. Могила А.С. Пушкина
у стены собора времен Грозного — 1569 г.» 1928 год*

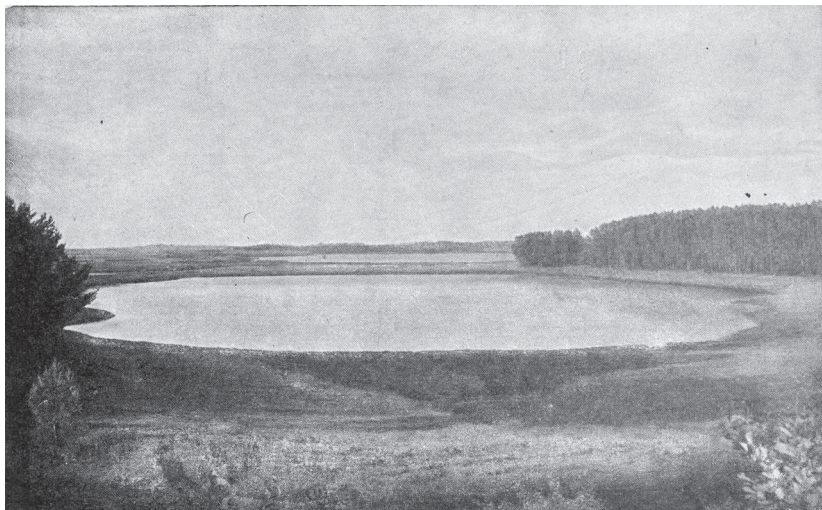
*Почтовая карточка «4. Село Михайловское. Аллея елей, современных поэту.
В'езд в усадьбу А.С. Пушкина». 1928 год*

*Почтовая карточка «5. Село Михайловское.
Усадьба А.С. Пушкина». 1928 год*

*Почтовая карточка «6. Село Михайловское.
Домик няни». 1928 год*

*Почтовая карточка «7. Село Михайловское.
Озера Маленец и Кучане». 1928 год*

*Почтовая карточка «8. Село Михайловское. Озеро Маленец.
Лесистый холм». 1928 год*

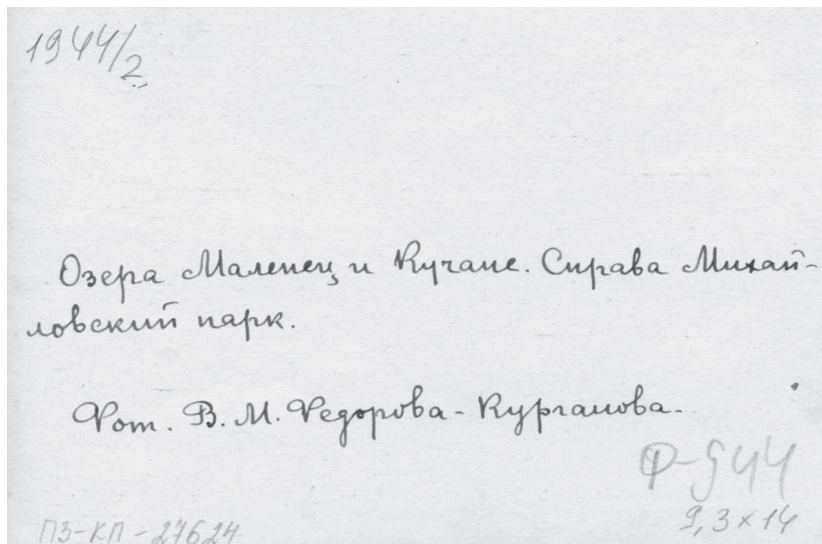
*Почтовая карточка «9. Тригорское. Парк.
«Скамья Онегина». 1928 год*

*Почтовая карточка «10. Тригорское.
Вид в парке от «Скамьи Онегина» на р. Сорочь». 1928 год*

В.М. Федоров-Курганов. «С. Михайловское. Озеро Маленец.
Справа Михайловский парк». Из фондов Пушкинского Заповедника.
ПЗ-КП-27624. ГК 6474038

Надпись на обороте фотографии

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИКОНОГРАФИИ
А.С. ПУШКИНА. КОЛЛЕКЦИЯ ПОРТРЕТОВ ИЗ ФОНДОВ
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИКОНОГРАФИИ ПОЭТА**

Первой полной биографией А.С. Пушкина стал труд П.В. Анненкова (1813–1887), вышедший в свет в 1855 году. Вопрос иконографии Пушкина в первой биографии поэта не рассматривался: у автора были другие задачи. На страницах биографии из художников упоминаются: Карл Брюллов (1799–1852) в связи с впечатлением Пушкина от картины «Последний день Помпеи»; Ксавье де Местр (1763–1852) как посетитель дома Сергея Львовича, отца поэта, в Москве и автор портрета Надежды Осиповны, матери Пушкина; Федор Петрович Толстой (1783–1873) в письме к брату и Плетневу — по поводу украшения готовящегося издания стихотворений виньеткой «волшебной кистью Толстого», и там же упоминание Н.И. Уткина, чей резец «единственно достоин карандаша Толстого». Кроме того, упоминается Алексей Николаевич Оленин, президент Академии художеств, чей кружок посещал А.С. Пушкин.

Также Анненков приводит цитату из статьи «Опровержение на критики»: «В одной газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она меня глубоко тронула»¹. Написано в Болдинскую осень, портреты, которые имеет в виду Пушкин, — прежде всего написанные Кипренским и Тропининым работы и ставшая известной читающей публике гравюра Н.И. Уткина. Любопытно, что не только некоторые современники, но и будущие исследователи пушкинской иконографии будут придерживаться этого мнения.

Современник П.В. Анненкова П.И. Бартенев (1829–1912) также занимался собиранием свидетельств современников, воспоминаний и публикацией материалов к биографии А.С. Пушкина. Оба исследователя почти одновременно заложили основы научной пушкинистики.

В бартеневских материалах появляются упоминания портретов Пушкина, в частности, подробное описание истории портрета

¹ *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина. М., 1984. С. 275.

А.С. Пушкина, гравированного Гейтманом, приложенного к изданному в 1822 году в типографии Греча в Петербурге «Кавказскому пленнику» (*см. Приложение в конце статьи*). Приводим полностью описание Бартенева:

«Пушкин изображен лет пятнадцати, лицеистом, в рубашке, как рисовали тогда Байрона, подперши голову рукою, и в задумчивости. Тут явственнее, чем на всех других портретах, арабские черты его физиономии... Издатели сей повести говорят: «Думаем, что приятно сохранить юные черты поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным». Портрет этот перерисован в «Русском художественном листке», в 32-м номере нынешнего (1861) года; но еще прежде он был повторен вскоре по смерти Пушкина в «Художественной газете» 1837 года, №№ 9 и 10. Там сказано, что портрет этот нарисован был с памяти, без натуры, художником К.Б., и в нежной молодости уже обратившим на себя внимание». Не означают ли буквы К.Б. Карла Брюллова?

В таком случае этим портретом связываются две дорогие памяти русской жизни. — Когда Пушкин был в Лицее, тамошний учитель рисования и надзиратель лицейстов Чириков снял с него портрет; но где он теперь, неизвестно»². Первое описание портрета положило начало многолетней дискуссии об авторе рисунка.

Таким образом, первые биографы А.С. Пушкина не ставили перед собой задачу описания или какого-то особого внимания к иконографии поэта; такой задачи не возникло у них и в процессе собирания материалов к биографии А.С. Пушкина.

Началом истории изучения иконографии А.С. Пушкина нужно считать основательный труд С.Ф. Либровича (1855–1918) «Пушкин в портретах. История изображений поэта в живописи, гравюре, скульптуре» (СПб., 1890). Несомненно, труд Либровича связан с собственно пушкиноведением, историей изучения творчества и жизни поэта; в какой-то мере он стал итогом юбилейных торжеств 1880 года в честь открытия памятника А.С. Пушкину работы А. Опекушина в Москве. Открытию памятника предшествовало открытие выставки, о которой Либрович упоминает; это была «первая в истории русской культуры публичная выставка пушкинских реликвий, находившихся в семейных собраниях, в частных картинных галереях и библиотеках, в домашних музеях, в музеях закрытых учебных заведений, а также в малодоступных государ-

² Бартенев П.И. О Пушкине. М., 1992. С. 201.

ственных учреждениях»³. В статье Н.С. Нечаевой «Московская Пушкинская выставка 1880 года. По материалам архива Л.И. Поливанова» об изобразительном материале, представленном на выставке, сказано следующее:

«Выставка была интересна также изобразительным материалом и мемориальными предметами. Здесь было выставлено почти всё самое значительное в иконографии Пушкина.

Так, портрет работы Кипренского был представлен оригиналом, полученным от А.А. Пушкина; копией пастелью, принадлежавшей некогда Сергею Львовичу Пушкину, перешедшей потом к Льву Сергеевичу и к моменту выставки находившейся в Болдине у Анатолия Львовича; копией маслом работы Н.Н. Ге, полученной от П.М. Третьякова, и акварельной копией — от Е.Ф. Головачевой. Тропининский портрет экспонировался в оригинале, принадлежавшем в ту пору кн. А.М. Хилковой, дочери М.А. Оболенского. Эскиз к тропининскому портрету был дан на выставку П.М. Третьяковым. Копия с портрета была доставлена Мухомовым.

От П.Е. Басистова поступил рисунок карандашом, приписываемый С.Г. Чирикову.

На выставке было большое количество гравированных и литографированных портретов Пушкина, как прижизненных, так и позднейших»⁴.

Для широкой русской публики эта выставка стала в какой-то мере открытием: представлен длинный ряд портретов Пушкина, прижизненных и позднейших; воедино был впервые собран иконографический материал изображений поэта; следующим шагом должно было последовать изучение, исследование, каталогизация изобразительных источников. Такой попыткой создания труда по истории иконографии А.С. Пушкина и стала работа С.Ф. Либровича. Следует также упомянуть «Подробный словарь русских гравированных портретов» Д.А. Ровинского, в котором описан 21 портрет А.С. Пушкина (издание 1886–1889 годов).

Следующей значительной работой стал труд В.Я. Адарюкова (1863–1932) «Указатель гравированных и литографированных

³ Нечаева Н.С. Московская Пушкинская выставка 1880 года. По материалам архива Л.И. Поливанова // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 146. См. в: Фундаментальная электронная библиотека: сайт [Электронный ресурс]: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v83/v83-146-.htm>].

⁴ Там же. С. 152.

портретов А.С. Пушкина» (М., 1926). В предисловии к работе автор писал, что его труд является попыткой составления подробного научного описания портретов А.С. Пушкина и исправления ошибок, допущенных разными изданиями, публиковавшими портреты поэта. «Указатель включает 450 номеров» и разделен на: портреты, гравированные на меди и стали, гелиогравюры; портреты, гравированные на дереве, фотогравюры; портреты литографированные.

В тридцатые годы XX века накануне 100-летней годовщины со дня смерти поэта появился ряд публикаций по отдельным вопросам пушкинской иконографии.

В 1941 году А.А. Сидоров (1891–1978), искусствовед, историк искусства, библиофил и коллекционер, подвел некоторый итог проведенным работам по собиранию, описанию и изучению изобразительной портретной пушкинианы, написав статью «Проблемы иконографии А.С. Пушкина». Начинается она неожиданным выводом, сделанным исследователем на основании изучения опубликованных материалов: «Изучение портретов Пушкина пока еще не вышло из стадии собирания материалов. Заслуги многих пушкинистов здесь несомненны. С.Ф. Либрович, написавший первую книгу о портретах Пушкина, В.Я. Адарюков, в наши дни М.Д. Беляев, З.Б. Борский, Э.Ф. Голлербах и другие установили ряд фактов, проверенных детальным изучением мемуарной литературы и истории портретов — истории фактической судьбы портретов Пушкина за сто лет со дня смерти поэта. Можно напомнить также исследования Н. Лернера, В. Згуры, П.Д. Эттингера. В разработке этих вопросов принимали участие также и историки искусства Н.Н. Врангель и Н.Н. Коваленская, изучавшие деятельность художников, писавших портреты Пушкина»⁵.

Статья А.А.Сидорова и стала, собственно, переходом из стадии собирания, редактирования собранных материалов, изучения исторического контекста к исследованию, обобщению и пониманию такого явления, как иконография А.С. Пушкина в истории русского изобразительного искусства. Исследователь разделяет искусствоведческий и иконографический метод изучения и, используя тот и другой как инструмент исследования, пытается понять, что же дают оба для понимания этого явления. Если для искусствоведческого метода важно

⁵ Сидоров А.А. Проблемы иконографии А.С. Пушкина // Пушкин: сборник статей / под ред. проф. А. Еголина. М., 1941. С. 350–351.

эстетическое начало, то для иконографического «наличие в портрете черт, привнесенных индивидуальностью художника, воспринимается как неизбежная доля искажения. Портрет определенного лица трактуется как факт его биографии. Важно установить, где, когда и почему создан был тот или иной портрет, — это дает возможность сделать те или иные выводы об изучаемом герое»⁶. Важно еще одно замечание автора: «Портрет как произведение искусства выявляет индивидуальность не только изображенного, но и изобразителя. Художник вкладывает в портрет очень многое от самого себя. Портреты разных лиц, выполненные одним и тем же художником, имеют нечто общее между собою. Это общее не сводится к формальным особенностям, к излюбленным художником техническим приемам, к практикуемым им позам и к используемым им аксессуарам»⁷.

«Все портреты Пушкина могут быть распределены на две группы по их происхождению. С одной стороны, Пушкина изображали друзья для друзей: мы знаем, как настойчиво добивался, например, П.В. Нащокин портрета Пушкина в начале 30-х годов; знаменитый портрет Пушкина работы Тропинина был выполнен по частному заказу С.А. Соболевского. С другой стороны, целый ряд прижизненных портретов выполнялся для различных изданий. Так, первый опубликованный портрет Пушкина — гравюра Гейтмана — был приложен в 1822 году издателем Н.И.»⁸ Таким образом, А.А. Сидоров, проанализировав доступные материалы, наметил возможные пути исследования и критерии оценки произведений пушкинской иконографии.

Следующей работой, обобщившей материалы и труды предшественников, стал двухтомный труд Е.В. Павловой «А.С. Пушкин в портретах» (М., 1983). Цель книги, по словам автора, «проанализировать столь различные по характеру, стилю произведения искусства... проследить, каким виделось, искалось и находило «своего Пушкина» каждое новое поколение художников»⁹.

Здесь прозвучала отчетливо тема «мой Пушкин»... право нового поколения художников воплощать свое представление о «первенствующем поэте русском». И, прибавили бы мы, соотноситься с современной ситуацией, нарушать разумные границы этого права.

⁶ Сидоров А.А. Проблемы иконографии А.С. Пушкина. С. 350.

⁷ Там же. С. 349.

⁸ Там же. С. 352.

⁹ Павлова Е.В. А.С. Пушкин в портретах. М., 1983. С. 6.

Коллекция портретов А.С. Пушкина, живописных и графических, составляет значительную часть нашего собрания изобразительного искусства; несомненно, наиболее ценна и представляет для музея наибольший интерес прижизненная пушкинская иконография. Учитывая исторические условия комплектования нашего собрания, последняя невелика; но не менее интересны прижизненные портреты Пушкина, представленные в нашем собрании поздними репродукциями, разновременными живописными копиями с известных оригиналов; они несут на себе печать своего времени и в какой-то мере дают представление о том, как «...видело, искало и находило «своего Пушкина» каждое новое поколение художников», по удачному выражению Е. Павловой.

Первый в ряду известных прижизненных портретов А.С. Пушкина в нашем собрании — 1822 года: гравюра Е. Гейтмана, приложенная к первому изданию «Кавказского пленника». В нашем собрании три листа: два, собственно, гравюры пунктиром 1822 года; один лист из довоенной коллекции музея; оба поступили из Института русской литературы (ИРЛИ) в 1946 и 1949 годах; третий — фототипия, представленная в альбоме Московской Пушкинской выставки 1882 года, поступившая от частного лица в наше собрание в 1980 году¹⁰.

Портрет А.С. Пушкина работы Ж. Вивьена: в нашем собрании репродукция конца XIX века с рисунка 1826–1827 годов из Литературного музея, открытка юбилейного 1937 года и копия середины XX века с оригинала, подаренного Пушкинскому Дому в начале XX века. Копиист — Николай Кириллович Хомяков (1920–2011); окончил институт имени И.Е. Репина в 1957 году, занимался книжной иллюстрацией; копия Н.К. Хомякова ныне экспонируется в Тригорском, датируется 1969 годом.

Копия портрета О. Кипренского в нашем собрании, что экспонируется в Михайловском, датируется 1860-ми годами, из довоенной коллекции, написана для первого Пушкинского лицейского музея. Что касается тропининского портрета — в нашем собрании копия 1911 года работы В.Ф. Штейн (1881–1971) и копия работы Н.П. Нератовой (1911–2000) 1968 года. Конечно, стоит обратить внимание на копию работы В.Ф. Штейн. Поступил портрет в музей в 1950 году, из ИРЛИ, из довоенной коллекции. Первоначально был в коллекции основного фонда, в 1969 году был переведен в научно-вспомогательный.

¹⁰ См.: *Либрович С.Ф.* А.С. Пушкин в портретах. История изображений поэта в живописи, гравюре, скульптуре.

На оборотной стороне надпись, скорее всего авторская, указан год создания. Вера Федоровна Штейн — русская художница, скульптор, член Союза художников СССР с 1934 года. Родилась в Санкт-Петербурге, в 1898 году окончила Санкт-Петербургскую Литейную женскую гимназию, с 1903 по 1907 год училась в Петербургской Академии художеств. В 1920-е годы читала лекции в рабочем воскресном университете при Эрмитаже и Русском музее, работала в Академии истории материальной культуры. В 1929 году осуждена по делу религиозно-философского кружка «Воскресение»: три года лагеря; срок отбывала на Соловках. С 1932 года жила и работала в Новосибирске. Работы художницы хранятся в Государственном Эрмитаже, Новосибирске, Москве.

Гравюра Н.И. Уткина (1780–1862) известна в пяти состояниях; все они относятся к 1828–1829 годам. Более поздние отпечатки были сделаны Уткиным в 1838 году, с того же оригинала, в технике гравюры на стали. В нашем собрании два листа 1828–1829 годов, поступили из Гослитмузея в 1963 году, и один отпечаток 1886 года, дар 2002 года. Известны свидетельства современников поэта об этом портрете как о лучшем и самом достоверном. В частности, отец поэта Сергей Львович писал: «Лучший портрет сына моего есть тот, который написан Кипренским и гравирован Уткиным»¹¹. Баронесса С.М. Дельвиг при посылке «Северных цветов» 1828 года с портретом, гравированным Н.И. Уткиным, А.Н. Семеновой пишет: «Вот тебе наш милый добрый Пушкин. Его портрет поразительно похож — как будто видишь его самого»¹².

Особо нужно отметить портрет А.С. Пушкина неизвестного художника, который ныне экспонируется в Петровском и о котором писала Любовь Владимировна Козмина, хранитель музея. Есть основания предполагать, что портрет можно отнести к лицейской юбилейной иконографии Пушкина, т. е. ко времени создания Пушкинского музея при Лицее. Портрет поступил в музей от С.А. Рейнке (1893–1977) в 1953 году. Дарительница просила отметить во всех документах, что портрет — дар музею в память о ее сыне Н. Рейнке, погибшем под Москвой в 1942 году. Портрет владелица наследовала от родного дяди Алексея Алексеевича Ильина (1857–1942), умершего в блокаду. Алексей Алексеевич Ильин — русский государственный деятель, историк, нумизмат, картограф, член-корреспондент Академии наук СССР. А.А. Ильин окончил

¹¹ См.: *Пушкин С.Л.* Отечественные записки. 1841. Т. XV. Особ. прилож. 4.

¹² *Модзалевский Б.Л.* Пушкин и его современники. Л., 1929. С. 69.

Александровский лицей и был членом комитета Пушкинского лицейского общества и попечителем Лицея, в 1920–1940-е годы он — сотрудник Государственного Эрмитажа.

Среди первых посмертных изображений литография Ф.А. Бруни «Пушкин на смертном одре», автолитография 1837 года; репродукции второй половины XIX века с гравюры Т. Райта 1837 года.

Особо нужно отметить юбилейные графические и живописные портреты А.С. Пушкина, создание которых связано со 100-летием поэта. В нашем собрании два замечательных портрета Пушкина: гравюра мастера русской оригинальной репродукционной гравюры конца XIX — первой трети XX века М.В. Рундальцова (1871–1935) 1902 года и его учителя, одного из крупнейших мастеров гравюры своего времени, автора серии портретов русских деятелей В.В. Матэ (1856–1917) 1899 года. Оба художника ориентировались на гравюру Уткина с оригинала Кипренского, но оригинальность графического почерка каждого стала основанием создания самобытных произведений искусства.

Интерес представляет и юбилейная живописная пушкинская иконография 1899 года: в нашем собрании портрет Пушкина работы Петра Иосафовича Восновского (1862–1906). Поступил от частного лица в 1995 году. Работы Восновского до 1941 года были в коллекции Гатчинского дворца, есть его работы в музее Политехнического университета в Петербурге.

Иконография А.С. Пушкина юбилея 1937 года, ориентировавшаяся на прижизненные портреты поэта, представлена в нашем собрании копией с портрета кисти Кипренского работы неизвестного художника 1936 года, поступившей в 2010 году от Е.И. Мироновой, реставратора и сотрудника Русского музея.

Так на примере нашей коллекции портретов А.С. Пушкина можно проследить историю сложившегося на протяжении ста лет после смерти образа поэта в живописи и графике. Художники, ориентируясь на прижизненные, ставшие классическими образы Пушкина, создавали совершенно оригинальные портреты.

Современная иконография Пушкина (т. е. сложившаяся на протяжении последних десятилетий) требует отдельного внимания: мироощущение художника всё чаще уводит его в область свободного полета фантазии, придуманных образов и ситуаций, никак не связанных с реальной биографией великого русского поэта и традицией создания пушкинского образа художниками разных поколений.

Е. Гейтманъ.

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ

*Е.И. Гейтман. А.С. Пушкин (1799–1837).
ПЗ-КП-241 Г-154*

*Е.И. Гейтман. Неизвестный художник. А.С. Пушкин (1799–1837).
ПЗ-КП-3315 Г-1534*

*И.О. Вивьен (Vivien). А.С. Пушкин (1799–1837).
ПЗ-НВФ-1851*

*О.А. Кипренский. Неизвестный художник. А.С. Пушкин (1799–1837).
ПЗ-КП-1 Ж-1*

Лит. О. Кипренской. — 1827.

Грав. Н. Уткинъ.

*Н.И. Уткин. А.С. Пушкин (1799–1837).
ПЗ-КП-1188 Г-391*

*Неизвестный художник. А.С. Пушкин (1799–1837).
ПЗ-КП-525 Ж-44*

*Ф.А. Бруни. Пушкин в гробу. Бумага, автолитография. 1837 год.
ПЗ-КП-30 Г-10*

*Т. Райт (Wright). А.С. Пушкин (1799–1837).
ПЗ-КП-41 Г-22*

*П.И. Восновский. А.С. Пушкин. Холст, масло. 1899 год.
ПЗ-КП-5532 Ж-430*

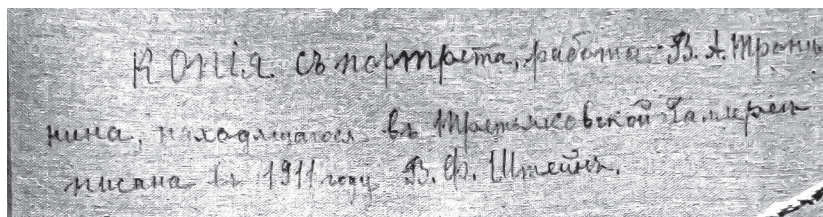
*М.В. Рундадьцов. А.С. Пушкин.
ПЗ-КП-6215 Г-2874*

*В.В. Матэ. А.С. Пушкин (1799–1837).
ПЗ-КП-6847 Г-3004*

*В.Ф. Штейн с оригинала В.А. Тропинина. А.С. Пушкин.
Холст, масло. 69 × 59. 1911 год. ПЗ-НВФ-2355*

ПЗ-НВФ-2355

*Неизвестный художник. А.С. Пушкин (тип Кипренского).
ПЗ-КП-30693 Ж-865*

III. Из неопубликованного

Анатолий Давыдов

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ А.М. ВЫНДОМСКОГО, ОТЦА П.А. ОСИПОВОЙ¹

Всё то небольшое, что мы знаем о личности А.М. Вындомского, исходит от его родственников и потомков: А.Н. Вульфа, А.П. Керн, П.А. Вревского. Еще меньше известно о материальном положении и хозяйственной деятельности Вындомского. Всё это, собрав воедино, использовал в своей книге «Род Вындомских» известный генеалог Н.Н. Кашкин², посвятив в ней А.М. Вындомскому несколько содержательных страниц. В этой книге Кашкин публикует и использует ряд новых материалов и документов об имущественном положении А.М. Вындомского, например, раздельный акт между Вындомским и его дочерьми имущества его покойной жены (из Нижне-Прысковского фамильного архива Кашкиных, ныне находящегося в Ленинградском отделении Института истории). И наконец, в опубликованной в наше время статье Н.А. Малеванова «Волнение крестьян в селе Тригорском в конце XVIII века и стихотворение Пушкина «Деревня»³ содержится несколько интересных, хотя и отрывочных сведений о хозяйственной деятельности А.М. Вындомского за ранний период его жизни (к сожалению, в этой статье ни один документ не приведен полностью, а лишь в кратких цитатах).

¹ Текст написан в 1981 году и печатается по машинописи. Названия учреждений и организаций (архивов, научных и исследовательских институтов) приводятся по состоянию на момент создания текста.

² Книга Н.Н. Кашкина «Род Вындомских», вышедшая в 1903 году, вошла затем полностью с некоторыми дополнениями в его «Родословные разведки» (СПб., 1912. В 2 т.)

³ *Малеванов Н.А.* Волнения крестьян в селе Тригорском в конце XVIII века и стихотворение Пушкина «Деревня» // Пушкин. Исследования и материалы. М. ; Л., 1958. Т. 2. С. 369–381.

Ныне вновь обнаруженные нами архивные материалы (как Государственного архива Псковской области, отчасти использованные Малевановым, так и Центрального государственного исторического архива и Государственного исторического архива Ленинградской области), в сочетании с материалами, дотоле известными, дают возможность бросить обобщающий взгляд на характер хозяйственной деятельности А.М. Вындомского.

В предварительном рассмотрении имущественного положения его семейства нет надобности обращаться к отдаленным предкам Вындомского, а следует начать прямо с его отца — Максима Дмитриевича Вындомского. Максим Дмитриевич начинает свою жизнь человеком небогатым, а после сорокалетней службы, выйдя в отставку генерал-майором, он увеличил свое состояние в несколько раз, тем самым уподобясь в этом своем качестве собирателя и накопителя своему двоюродному прадеду Тихону Андреевичу Вындомскому, в XVIII веке известному предприимчивостью в стяжании богатств, не останавливавшемуся перед самыми смелыми средствами — от судебного крючкотворства до политиканства, когда оно оказывалось в его личных интересах. Но Максим Дмитриевич Вындомский был много скромнее, осторожнее, чем его предок, и не был способен на разные рискованные предприятия. Тихона Вындомского это в конце концов привело к ссылке в Сибирь и утрате почти всех нажитых им сомнительными путями имений; Максим же Дмитриевич после своей смерти в 1778 году смог оставить в наследство своему младшему сыну Александру (старший его сын, Дмитрий, умер рано и был бездетен) имения в несколько тысяч душ. Богатство Максима Дмитриевича возрастало постепенно. Во-первых, он выгодно женился на Екатерине Федоровне Квашниной, дворянке тех же губерний — Петербургской и Новгородской, где и у него существовали древние родовые вотчины Маяченицы и Палкин Остров с деревнями (первый из известных Вындомских был помещен еще в первой половине XVI века в Обонежской пятине Новгородской земли). Присовокупив владения своей жены к этим вотчинам, он еще увеличивает свои имения прикупкою к ним новых деревень и разными судебными тяжбами о спорных владениях, по которым он неизменно выигрывал, обладая деловой хваткой, практичностью и немалыми связями при дворе (заведенными им при выполнении секретнейших и конфиденциальных поручений царской фамилии). В результате только в Петербургской и Новгородской губерниях Максим Дмитриевич по смерти оставил после себя (1785 год) 2 526 душ

мужского пола⁴. А разных земельных угодий, лесов и прочего в тех редконаселенных северных районах за ним числилось еще более.

Биограф Вындомских Кашкин приводит по книге одного мемуариста, И.П. Хрущева, следующую цитату об этих владениях Максима Дмитриевича: «Все помещичьи имения по Ояти, верст на 85 от Сермакс, до самого Веницкого погоста, принадлежали в прошлом веке помещику Вындомскому, который, кроме того, владел деревнями по Паше, Сяси и Волхову»⁵. Далее Кашкин продолжает: «По этим землям Максим Дмитриевич имел тяжбы с полковником Иваном Степановичем Хвостовым, подпрапорщиком Семеном Якимовичем Скобельциным и адъютантом Алексеем Деденевым, по коей тяжбе он добился высочайшего повеления 26 февраля 1753 года, чтоб дело было рассмотрено в Сенате. Сему увеличению его богатств способствовала его неуступчивость и богатство Квашниной, его жены»⁶. После выхода Максима Дмитриевича в отставку в 1762 году его имения существенно увеличились пожалованным ему Екатериной II в Псковском наместничестве в Опочечком уезде селом Егорьевским с деревнями, в которых было в момент пожалования 1 085 душ мужского пола, а по 3-й ревизии в результате прикупки или естественного прироста населения их становится (в 1782 году) 1 505 душ (1782)⁷. Таким образом, к концу своей жизни Максим Дмитриевич из недвижимого имущества имел более 9 000 душ крестьян обоего пола и дом в Петербурге. Каков был его капитал в деньгах, мы не знаем, но из книги Кашкина известно, что императрица Елизавета награждала Максима Дмитриевича разными денежными суммами.

В отличие от Максима Дмитриевича Вындомского, который, являясь незаметным служакой и беспрекословным исполнителем разных поручений высших властей, был накопителем богатств, его сын Александр Максимович в этом отношении представлял собой полную противоположность отцу, став расточителем; даже можно было бы назвать его мотом, транжирой приумноженных его родителем богатств, но мотом не в обыкновенном понимании, а преимущественно

⁴ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО). Ф. 757. Оп. 1. Д. 275. Л. 3.

⁵ *Хрущев И.П.* О жителях берегов Ояти // Сборник литературных, исторических и этнографических статей и заметок. СПб., 1901. С. 178 [Электронный ресурс: <https://reallib.org/reader?file=735885&pg=193>].

⁶ *Кашкин Н.Н.* Родословные разведки. Т. 1. СПб., 1912. С. 91–92.

⁷ ГИАЛО. Ф. 1732. Оп. 59. Д. 476. Л. 4.

по идейным соображениям, ибо Александр Максимович был человеком просвещенным, масоном и вообще человеком в высшей степени деятельным.

Каковы были главные траты, на что Александр Максимович расходовал свои средства, мы можем установить в настоящее время только отчасти и приблизительно. Навряд ли он неумеренно был предан карточной игре, в то время и не имевшей еще таких масштабов, как позже. Всё в личности Александра Максимовича говорит против этого предположения. Скорее, тут существовали неумеренные траты светского образованного человека, обладающего хорошим вкусом и старающегося не отставать в своих приобретениях от настоящих вельмож. Это могли быть книги, дорогие картины и другие предметы изящной роскоши (Вындомский известен как создатель большой библиотеки в Тригорском, в которой было много роскошных изданий с гравюрами, иллюстрациями, тогда очень дорогих; он был собирателем немалой коллекции старинных картин). Затем, Вындомский являлся масоном. Принадлежность к масонству вела тоже к немаловажным расходам на поддержание всей обстановки масонских лож, на масонские издания и на благотворительные цели, неперенные для тогдашних масонов, так что многие из них разорялись на филантропии. Таким образом, нельзя было назвать Александра Максимовича прожигателем жизни в обыкновенном смысле слова. Но, живя в столице открытым домом, с молодой женой из высшего света (Вындомский был женат с начала семидесятых годов на Марии Аристарховне Кашкиной, племяннице генерал-аншефа Кашкина), вращаясь в лучших кругах столичного общества, будучи гвардейским офицером, он, может быть, любил широко пожить — и в этом тянулся за выше него стоявшими представителями блестящего екатерининского двора.

Наконец, Александр Максимович Вындомский был всем известен своей неутомимой хозяйственной деятельностью как самый отчаянный прожектор в своих многочисленных экономических предприятиях, на которых он неизменно разорялся. Но надо полагать, что это не было главной статьёй его расходов — во всяком случае, вначале; напротив, к этим предприятиям он прибегал, чтобы поправить свое пошатнувшееся состояние. Отсюда следует, что не совсем верно его внук А.Н. Вульф пишет в своих дневниках: «Имея большое состояние, долго он был в большом свете, но, наконец, удалился и жил в своей деревне в Псковской губернии, где занимаясь разными проектами потерял он

большую часть своего состояния»⁸. По-настоящему удалился от света и жил в Тригорском Александр Максимович лишь в последние два десятилетия своей жизни, когда в девяностых годах он потерял жену и большинство детей, а оставшиеся в живых две дочери выходят замуж и начинают самостоятельную жизнь. Заниматься разными проектами он стал намного раньше, когда постоянно жил в Петербурге; терять свое состояние он начинает и того ранее — и не из-за своих неудачных проектов, а по другим статьям.

Большие долги заимел Александр Максимович еще до смерти своего отца, последовавшей в 1778 году, в чаянии расплатиться с ними, когда он станет со временем полным хозяином родительского состояния. Иначе нельзя объяснить то обстоятельство, зачем уже в 1790 году Вындомский берет в Государственном заемном банке под залог своих псковских владений 60 000 рублей⁹ (никакого замысла ниже проекта Тригорской фабрики тогда еще не существовало). В том же 1780 году было заложено им на один год 535 душ в Новолодожском его имении за 10 000 рублей¹⁰. По-видимому, необходимость расплатиться с рядом неотложных долгов была самая настоятельная. Так, в 1780 году к взысканию с Вындомского поступили векселя от бригадира Чернова в 4 320 рублей и от статского советника Микулина в 500 рублей¹¹. А по векселю на него от генерал-майора И. Голенищева-Кутузова было описано 54 души деревни Ваулино в Псковской губернии, и так как псковские деревни находились в залоге за 60 000 рублей, то между присутственными местами возникла переписка о том, сколько душ и при этом души каких псковских деревень считать не находящимися под запретом¹². К 1782 году это было установлено, и тогда же Вындомский закладывает за 7 000 рублей в Псковской губернии еще 200 душ¹³. В том же 1782 году Вындомский закладывает 100 душ в сельце Щепец Гдовского уезда за 3 000 рублей¹⁴, а в 1783 году в Тихвинском уезде 361 душу за 12 000 рублей¹⁵. В 1784 году Вындомский берет еще 8 000 рублей под залог своих деревень в

⁸ Майков Л.Н. Пушкин. СПб., 1899. С. 179.

⁹ ГИАЛО. Ф. 757. Оп. 1. Д. 381. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ ГИАЛО. Ф. 1732. Оп. 59. Д. 476. Л. 4.

¹⁴ ГИАЛО. Ф. 757. Оп. 1. Д. 275. Л. 3.

¹⁵ ГИАЛО. Ф. 1732. Оп. 59. Д. 476. Л. 4.

Гдовском и Ладожском уездах и 4 000 рублей под залог 100 душ псковских деревень из оставшихся там к тому времени 119 незаложенных душ¹⁶. И хотя за некоторые из заложенных деревень он выплатил необходимые суммы, к 1785 году у Вындомского оказываются под запрещением 900 душ в Петербургской губернии и 1 500 из 1 619 душ мужского пола в Псковской губернии¹⁷.

Чтобы выйти из столь затруднительного положения, Вындомский прибегает к продаже некоторых своих имений. Так, он продает одно из своих лужских имений Марии Александровне Назимовой¹⁸, а вскоре и рядовую свою вотчину Палкин Остров¹⁹. В том же 1786 году он намеревается продать действительному статскому советнику Саблукову другое свое лужское имение — Заполье²⁰. Но оно оказывается под запрещением за долги по векселю в 2 000 рублей, поступившему от псковского коменданта барона Дица²¹. Тогда Вындомский представляет в залог свой петербургский дом, оцениваемый им в 5 000 рублей²².

Несмотря на все эти сложные обстоятельства, Вындомский не падает духом. Он относится к ним не так, как это свойственно было типичному русскому дворянину — с унынием или отчаяньем. На игру счастливого случая (например, на полученное им небольшое наследство от скончавшейся в 1784 году тетки Феодосьи Дмитриевны Скобельцовой в Лужском уезде²³) он особо не рассчитывал, полагаясь более на собственные силы. И вот тут-то Вындомский, совсем не как дворянин и член высшего класса империи, а подобно настоящему представителю третьего сословия, бодро принимается за всякого рода предприятия, не совсем тогда еще признанные и обычные для его класса. Как купец, в 1779 и 1780 годах он торгует лесом с западноевропейскими странами, поставив только в одном 1779 году 50 000 деревьев, распиленных на

¹⁶ ГИАЛО. Ф. 757. Оп. 1. Д. 275. Л. 3; Ф. 1732. Оп. 59. Д. 476. Л. 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Московские ведомости. 1786. № 606.

¹⁹ Кашкин Н.Н. Родословные разведки. Т. 1. СПб., 1912. С. 92.

²⁰ ГИАЛО. Ф. 757. Оп. 1. Д. 381. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Л. 7 (дом в Санкт-Петербурге, в качестве приданого Прасковьи Александровны).

²³ Кашкин Н.Н. Родословные разведки. Т. 1. СПб., 1912. С. 92.

доски²⁴. Он имел не только самый значительный винокуренный завод в Псковской губернии²⁵, но и был винным откупщиком²⁶. Он содержит почтовый тракт от Луги до Гдова²⁷.

Особое внимание обращает Вындомский на псковское свое имение — Егорьевскую губу. Хотя много крестьян в ней и находилось под залогом, она была еще не затронута распродажей отдельных деревень и представляла собой значительное целое, а не чересполосицу, как это было в петербургских имениях Вындомского. Его просвещенному взору представлялось нелепостью, что чуть ли не сразу за Петербургом всякая европейская цивилизованность кончалась и шли места патриархально дикие в своем сельскохозяйственно примитивном виде. И вот, желая вдохнуть новую жизнь в принадлежавшие ему владения, стараясь преобразовать их согласно новейшим идеям, Вындомский мысленно видит уже Егорьевскую губу с фабриками: полотняной, парусиновой, суконной, холщовой, с заводом не только винокуренным, но и железоделательным, а также мельничной фабрикой²⁸. В плане этих преобразований в декабре 1782 года было задумано создание Тригорской полотняной фабрики. Однако, чтобы экономически развивать еще совершенно сельский край, требовался капитал, кредиты, оборудование, профессиональные рабочие руки. Ничем этим в достаточном размере Вындомский не обладал. Рабочими на фабрике принудительно становились те же крестьяне, средства на постройку фабрики шли с них же от повышенного оброка²⁹, да управляющий, которому поручено было это дело, попался человек неопытный, мало понимающий местные обстоятельства и не сообразующий свои действия с нуждами местного населения³⁰. В результате уже летом 1783 года крестьяне взбунтовались (Вындомского тогда в Тригорском не было).

²⁴ Псковский областной государственный архив. Ф. 74. Д. 6. Л. 35; Ф. 58. Д. 269. Л. 331.

²⁵ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44.

²⁶ Там же. Ф. 58. Д. 289. Л. 346, 1128.

²⁷ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3263.

²⁸ Там же. Ф. 74. Д. 114. Л. 115.

²⁹ Там же. Л. 35, 36.

³⁰ Особенно обострились отношения управляющего с народом, когда он стал сселять крестьян из мелких деревушек, напоминавших по малочисленности своей скорей хутора, в села, чтобы они могли работать на фабриках. См.: Псковский областной государственный архив. Ф. 74. Д. 114. Л. 35, 36.

По разным организационным и материальным причинам полотняная фабрика в Тригорском по-настоящему вступила в строй в 1788 году (тогда же было отстроено и то здание для нее, в котором впоследствии бывал Пушкин). Вындомский воспользовался случаем: открытую по повелению Екатерины II в 1780 году во Пскове полотняную фабрику решено было передать в аренду желающему содержать такую фабрику частному лицу, и Вындомский, решив ее взять, получил из камер-коллежских сумм оставшиеся от псковской фабрики 1 838 рублей, предназначенные на капитальное строительство ее, 5 000 рублей на оборудование (оснащение, как тогда говорили) и 1 082 рубля 89 копеек от реализации выработанного полотна³¹. Таким образом, тригорская фабрика являлась не частной собственностью Вындомского, а арендуемым им у государства предприятием, которое он как бы перевел из Пскова в свое имение. Нужно было еще платить за эту фабрику аренду и выплачивать полученные суммы с процентами. Фабрика имела производительность несколько десятков тысяч аршин в год, но ее продукция резко снижается к концу жизни Вындомского до 15 тысяч аршин в 1811 году, вероятно, из-за континентальной блокады³², и она становится убыточной.

Другое предприятие из замысленных Вындомским в плане экономического развития его псковской вотчины (кроме этого больше ничего не было осуществлено) — винокуренный завод — оказывается несколько более выгодным. Например, в 1790 году выкупаются за поставку вина из запрещения 59 душ крестьян мужского пола его псковского имения³³. Зато за неуплату Главному почтовому управлению 3 288 рублей на содержание почтовых станций от Луги до Гдова, которые он взял в подряд, ему грозит опись имущества, так как к 1798 году почти все его крестьяне Псковской губернии в количестве 1 696 душ мужского пола по 5-й ревизии оказались под запрещением³⁴.

Но находясь и в самых жестоких финансовых тисках, Вындомский, как человек честный, не покушался на имение своей жены, по закону принадлежавшее ее детям. Жена Вындомского, Мария Аристарховна, принадлежала к старинному и знатному роду Кашкиных,

³¹ Псковский областной государственный архив. Ф. 58. Д. 289.

³² Там же. Ф. 20. Д. 198, 221, 321.

³³ ГИАЛО. Ф. 1732. Оп. 59. Д. 476. Л. 4; Псковский областной государственный архив. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3263.

³⁴ Псковский областной государственный архив. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3263.

из-за многочисленности его представителей не слишком богатому. Так как дети Петра Гавриловича Кашкина (в том числе и А.П. Кашкин, отец М.А. Вындомской) разделились очень поздно, только в 1776 году, когда уже Мария Аристарховна была замужем, неизвестно, что она получила от своего отца и приданое из недвижимости (возможно, приданое с его стороны было деньгами). Имения в приданое — в Рязанской губернии около 400 душ мужского пола — она получила от тетки Е.К. Вожжинской. В 1798 году по достижению дочерями Вындомского совершеннолетия он в качестве опекуна делит это имение и еще одно, там же его женой прикупленное, между двумя своими дочерьми. Причем, так как одно из сел этих имений — Никольское, Круги тож, было в залоге за 5 000 рублей, Вындомский обязуется выкупить его, что со временем и делает³⁵, судя по тому, что в 1818 году П.А. Осипова продает все рязанские свои имения за 75 000 рублей³⁶. Кому достается принадлежащий Марии Аристарховне Вындомской дом в Москве, неясно. Тогда же, в 1798 году производится поровну между дочерьми А.М. Вындомского раздел наследства их бабушки Т.К. Кашкиной, находящегося в Полоцкой губернии, и Елизавете и Прасковье достается по 120 душ мужского пола³⁷. В 1799 году Вындомский, выдав свою вторую дочь Прасковью замуж за Н.И. Вульфа, наделяет ее приданым в количестве около 50 душ в Псковской губернии (деревни Мителевка, Манино и Малинино) да домом в Петербурге (с того времени Вындомский уже и живет постоянно в Тригурском). Но так как почти все его деревни к тому времени были заложены и перезаложены, то и само это приданое оказывается как бы условным, с обещанием со стороны Вындомского с течением времени выкупить из запрещения эти деревни³⁸. Сведения о том, что получила в приданое вышедшая еще прежде за Я.И. Ганнибала старшая дочь Вындомского Елизавета, в архивных делах обнаружить не удалось, но из дела о получении приданого Прасковьей несомненно явствует, что если даже Елизавета и лишена была приданого, то причитающейся ей после смерти отца доли наследства он ее не собирался лишать (да по закону и не имел права)³⁹.

³⁵ *Кашкин Н.Н.* Родословные разведки. Т. 1. СПб., 1912. С. 114–119.

³⁶ Там же. С. 125.

³⁷ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 1346. Оп. 43. Д. 176; Полное собрание законов. Т. XXV. № 18730.

³⁸ ГИАЛО. Ф. 1732. Оп. 59. Д. 476.

³⁹ Там же. Л. 2 об.

До самого конца жизни Вындомского дела его не поправились. Он снова и снова прибегает и к продаже своих имений, и к займам под их залог. Если по 5-й ревизии у Вындомского числилось в Псковской губернии 1 696 душ мужского пола, то по 6-й (к 1799 году) только 1 359 душ⁴⁰. Что касается займов, то в 1804 году Вындомский получает сроком на 8 лет 48 000 рублей под залог 1 200 душ мужского пола, а в 1808 году перезакладывает их еще [за] 24 000 рублей⁴¹. Так что после своей смерти в 1813 году Вындомский оставляет своим наследникам сильно расстроенное состояние. Насколько Вындомский под конец жизни был стеснен в своих обстоятельствах и насколько он уже повсеместно зарекомендовал себя неплатежеспособным, свидетельствует факт несостоявшейся покупки дома у Травина в Опочке в 1790 году. Травин уже было совсем продал Выдомскому свой дом в Опочке, но потом, собрав сведения о том, на какие сроки он растягивает свои платежи по купчей, уничтожил купчую и продал дом Исааку Абрамовичу Ганнибалу. А и сумма-то была совсем небольшой: дом был оценен в 500 рублей⁴².

В заключение можно сказать, что настоящий краткий очерк имущественного положения и хозяйственной деятельности А.М. Вындомского, помимо своего сугубо специального краеведческого и музейного назначения, может иметь и некоторое общее значение — например, в околопушкинской обширной литературе. Так, теперь с уверенностью можно поправить комментарий Б.Л. Модзалевского к изданию тригорских документов о том, что А.М. Вындомский после выхода своего в отставку поселился в Тригорском⁴³. Вообще, жизнь, личность и деятельность А.М. Вындомского остаются во многих отношениях недостаточно раскрытыми. Можно ожидать выявления некоторые новых материалов в архивах, которые еще не полностью разобраны и описаны. В этом плане немалый интерес будет представлять собой Нижне-Прысковский архив Кашкиных⁴⁴, в котором Н.Н. Кашкин видел несколько рукописных

⁴⁰ Псковский областной государственный архив. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3263; ГИАЛО. Ф. 1732. Оп. 59. Д. 476. Л. 1.

⁴¹ Псковский областной государственный архив. Ф. 55. Оп. 2. Д. 2.

⁴² Труды Псковского Археологического общества. Вып. 10. Псков, 1914. С. 111.

⁴³ О местах пребывания и проживания Вындомского в те годы см.: Псковский областной государственный архив.

⁴⁴ Как говорилось уже, этот архив теперь (т. е. по состоянию на момент написания материала. — Ред.) находится в Ленинградском отделении Инсти-

сочинений, помеченным литерами А.В.⁴⁵ Ежели окажется возможным доказать их принадлежность А.М. Вындомскому, то тогда они дополнят наши представления о Вындомском как о литераторе и хозяине, в качестве которого он доселе был известен в литературе только как автор брошюры, вышедшей под названием «Записка, каким образом сделать из простого горячего вина самую лучшую французскую водку: почерпнутые к сему правила из опыта почтенной публике и любителям хозяйств сообщает Александр Вындомский» (СПб., 1800, 1803).

тута истории и в настоящее время еще только подвергается разбору и научно-технической обработке.

⁴⁵ *Кашкин Н.Н.* Родословные разведки. Т. 1. СПб., 1912. С. 113.

Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана»

Агеева Маргарита Викторовна — почетный работник общего образования, заведующая библиотекой семейного чтения имени Ю.А. Инге Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Централизованная библиотечная система Петродворцового района Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург).

Афанасьева Эльмира Маратовна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, руководитель пушкинских проектов Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва).

Беляева Людмила Николаевна — заведующая отделом «Музейная научная библиотека» Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Богомолова Анна Игоревна — старший научный сотрудник, хранитель фонда редкой книги и рукописи Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника «Абрамцево» (Московская область).

Бойцова Алена Евгеньевна — начальник службы просветительной и выставочной работы Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Давыдов Анатолий Иванович — в 1966–1995 годах старший научный сотрудник Пушкинского Заповедника, заведующий музеем-усадьбой «Тригорское» Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Егоров Александр Александрович — старший научный сотрудник отдела «Древлехранилище» Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Псков).

Козмин Вячеслав Юрьевич — кандидат филологических наук, хранитель музея «Пушкинская деревня» Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Козмина Любовь Владимировна — кандидат филологических наук, почетный работник общего образования РФ, хранитель музея-усадьбы «Петровское» Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Кондратеня Александр Владимирович — начальник Краеведческого музея Опочецкого районного центра культуры (Опочка).

Крапошин Петр Валентинович — референт-переводчик Всероссийского института научной и технической информации РАН, волонтер Абхазского государственного краеведческого музея (Москва).

Мигров Александр Алексеевич — кандидат технических наук, доцент кафедры «Наземные транспортно-технологические комплексы» Петербургского государственного университета путей сообщения императора Александра I (Санкт-Петербург).

Павлова Марина Анатольевна — кандидат искусствоведения, независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Плотникова Дарья Сергеевна — главный хранитель музейных предметов Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Пономарева Яна Александровна — заведующая отделом экспозиционно-выставочной и издательской деятельности Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Сабурова Елена Вячеславовна — главный библиотекарь Библиотеки № 1 имени А.С. Грибоедова, руководитель попечительского совета Ассоциации «Содружество образовательных организаций имени А.С. Пушкина и педагогов», потомок А.С. Пушкина по линии А.А. Пушкина (Москва).

Сандалюк Ольга Николаевна — хранитель изобразительного искусства Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Сибегатова Резеда Хамитовна — заведующая отделом «Ведомственный архив» Государственного музея-заповедника «Петергоф» (Петергоф).

Ступина Елена Алексеевна — ведущий научный сотрудник музейных фондов Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Ткачева Светлана Петровна — ученый секретарь Краеведческого музея города Великие Луки (Великие Луки).

Филимонов Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Псков).

Шагин Валерий Владимирович — независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО].....	3
----------------------------	---

**I. «...Метелям не задуть свечу»
Материалы XXVIII Февральских музейных чтений
памяти С.С. Гейченко
(13–16 февраля 2025 года)**

Вячеслав Козмин

«...У ДЕВОЧКИ В ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ» (ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К РОМАНУ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»).....	4
---	---

Елена Ступина

К ИСТОРИИ ТРИГОРСКОГО: ВЫНДОМСКИЕ И ИХ НЕДВИЖИМОСТЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА По документам Государственного архива Псковской области (ГАПО)	25
--	----

Яна Пономарева

ЖАНРОВАЯ СЦЕНА «ПУШКИН И НЯНЯ»: ОТ КАРТИНЫ Н. ГЕ К ФОТОГРАФИИ По материалам Всероссийского музея А.С. Пушкина	45
---	----

Любовь Козмина

«СОН О ГАННИБАЛЕ» ИЗ ЦИКЛА ДАВИДА САМОЙЛОВА «НАВЕЯНО ПУШКИНЫМ»	57
---	----

Анатолий Филимонов

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОПИСАНИЯ ПУШКИНСКИХ МЕСТ (XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА).....	71
---	----

Александр Кондратеня

ВОСПОМИНАНИЯ КРАЕВЕДА А.И. БЕЛИНСКОГО
О ФИЛИАЛЕ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ
ГОСЗАПОВЕДНИКА «ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК»
В ГОРОДЕ ОПОЧКЕ (1920-Е ГОДЫ)..... 81

Алена Бойцова

ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ ВОЛКОВ —
ДИРЕКТОР ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА
С МАРТА 1928 ПО СЕНТЯБРЬ 1930 ГОДА.
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ 87

Маргарита Агеева

ИЗГНАННЫЕ ИЗ ПАРАДИЗА 100

Людмила Беляева

ЛИТЕРАТОРЫ-ФРОНТОВИКИ.
СУДЬБЫ И КНИГИ 111

Петр Крапошин

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ
ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА (1929–2016).
ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА
НА СТАНОВЛЕНИЕ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА
КАК ПИСАТЕЛЯ И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ
И ТОЛКОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА..... 131

Александр Егоров

ПЕРЕПИСКА Л.А. ТВОРОГОВА
С М.П. АЛЕКСЕЕВЫМ..... 141

Светлана Ткачева

НЕСКОЛЬКО СЛОВ
ОБ АЛЕКСЕЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МОШИНЕ
И КОЛЛЕКЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПИСАТЕЛЯ
В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ
ГОРОДА ВЕЛИКИЕ ЛУКИ 161

Александр Мигров, Валерий Шагин

БОЙ 3-Й ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ

У РЕКИ СОРОТИ 11 ИЮЛЯ 1943 ГОДА..... 172

Резеда Сибагатова

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОРАНИЕНБАУМСКИХ
ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ И ПАРКОВ

По материалам воспоминаний Е.П. Субач 185

Марина Павлова

ОТДАВАЯ ДАТЬ ПАМЯТИ...

О НОВОМ ИЗДАНИИ «ЗОЯ ЛЕОНИДОВНА ЭЛЬЗЕНГР.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ОРАНИЕНБАУМА» 204

Анна Богомолова

АБРАМЦЕВО В XX ВЕКЕ,

В ВОЕННОЕ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ..... 215

Эльмира Афанасьева

ПУШКИН-225. ЮБИЛЕЙ

КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН..... 224

Елена Сабурова

А.С. ПУШКИН — ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ

ОРГАНИЗАЦИЯХ В ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД..... 232

**П. К материалам
научной конференции памяти С.В. Ямщикова
«Музей. Реставратор. Реставрация»
(17–20 июля 2024 года)**

Дарья Плотникова

ПОЧТОВЫЕ КАРТОЧКИ, ИЗДАННЫЕ

ОБЩЕСТВОМ ДРУЗЕЙ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

В 1928 ГОДУ: КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ 236

Ольга Сандалюк

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИКОНОГРАФИИ А.С. ПУШКИНА. КОЛЛЕКЦИЯ ПОРТРЕТОВ ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИКОНОГРАФИИ ПОЭТА	257
---	-----

III. Из неопубликованного

Анатолий Давыдов

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ А.М. ВЫНДОМСКОГО, ОТЦА П.А. ОСИПОВОЙ	278
--	-----

Краткие сведения об авторах сборника

«Михайловская пушкиниана»	289
---------------------------------	-----

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 107

«...Метелям не задуть свечу»

МАТЕРИАЛЫ

XXVIII Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко
(13–16 февраля 2025 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Обложка, обработка фотографий Е.А. Мужаревская
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова

На первой странице обложки:
В.П. Губарев. Тригорское.
Цветной офорт, печатная графика. 2012 год.
ПЗ-КП-35573-9

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Россия, Псковская область, пос. Пушкинские Горы,
бульвар имени С.С. Гейченко, 1

Распространяется бесплатно

18+

Подписано в печать 30.05.2025.
Формат 60х88 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Объем 18,5 печ. л. Заказ № 869. Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО-фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.